

охота

и охотничье хозяйство

4

1993

На первой странице обложки: На селезней с подсадной — одна из самых любимых охот П. М. Павлова, биолога-охотоведа, опытного и удачливого охотника. Фото О. Гусева

На второй странице обложки: Фото О. Полещука, П. Яровицкого и Л. Добринского (токующий дупель)

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ОХОТЕ

ВАДИМ ЧЕРНЫШЕВ

Говорят, охотником надо родиться, намеренно постигнуть умом страсть к охоте нельзя. Что ж, возможно, так оно и есть. Но если человек

охота

и охотничье хозяйство 4 1993

Ежемесячный общественно-политический и научно-популярный иллюстрированный журнал. Учредители:

Союз общества охотников и рыболовов РСФСР, трудовой коллектив редакции журнала.

Основан в октябре 1955 г.
Москва. "Экология"

© «Экология», «Охота и охотничье хозяйство», 1993

Такую сценку может увидеть только охотник.
Фото О. Полещука

вдруг почувствует становящееся все более непреодолимым желание взять в руки ружье и закатиться куда-нибудь в глушь — кто знает, оживает ли в нем дремавшая врожденная страсть, или он приобретает ее заново?

Для того, чтобы осуществилось влечение, проявившееся так или иначе, необходимы соответствующие условия. Если страсть действительно сильна, человек будет искать и непременно найдет возможность создания таких условий. Или, хотя бы, чего-то напоминающего их... Рыбак, сидящий на льду бетонированной лужи у Московского Дворца школьников на Воробьевых горах, — что видит он, глядя на уходящую в лунку лесу, часами ожидая, когда там, на метровой глубине, клонет плаваю-

щий среди ржавых железяк, битых бутылок и стертых автопокрышек полторавершковый ротан-головешка? Ему, вероятно, представляется простор большой воды, шепчущийся под ветерком тростник, рыбки рыбины, в дугу сгибающей удилице... Рыбак, быть может, пережил когда-то такое, и теперь это — на всю жизнь. Или просто мечтает об этом. А значит — попадет на такую ловлю, это случится обязательно, ежели и в самом деле «охота пуще неволи».

Видел однажды в Питере, как девочка не могла стащить с «мертвой» стойки своего красного сеттера, дрожащего от возбуждения, вперившего горящий взгляд в беспечно прыгавшего, поклевывавшего хлебные крошки с

плит, возле Казанского собора воробушка, не подозревавшего, какую бурю страстей вызвал он в сердце красавца-ирландца. Наверное, инстинкт охотника не мог, не имел другой возможности заявить о себе. А неподалеку возле читавшего на скамье хозяина сидел доберман-пинчер и удивленно-холодно наблюдал эту сцену. Очевидно было, что одна собака чувствует волнение другой, но никак не может понять, чем же, собственно, оно вызвано? Может быть, действительно, охотником нужно родиться?

Не так давно, в прошлом веке, да и в начале нашего столетия, под словом «охота» понималось всякое страстное влечение души к занятию, с основной профессией обычно не связанному, именуемому ныне нелепым словом «хобби»: были любители рысисто-го бега, «господа конские охотники», были охотники пения канареек, перепелиного «боя», соловьиных трелей... Бесстрастные люди часто смотрят на горячие увлечения таких охотников, как на чудачество, которое вызывает лишь потерю времени и денежные затраты — и, бывает, немалые! Но всегда ли с насмешкой или с осуждением? Не с затаенной ли завистью?

Чем лучше живет общество, чем свободнее от материальных пут, тем больше возможностей для такого «чудачества». Но любое из увлечений, в свою очередь, делает человека более свободным, более интересным его быт — здесь его утешение, удовлетворение желаний, его любовь. И жизнь всего общества становится тем более разнообразной и многоцветной, чем больше в нем «чудаков» — ведь именно, они, «чудаки», украшают мир...

Я рос в семье, где все мужчины были охотниками. Меня окружали предметы охотничьего обихода: висящие под рогами красивые ружья, пахнущие старой потертой кожей патронташи и сумки, чучела зверей и птиц. Любимым занятием раннего детства было листать старинные охотничьи журналы, атласы и определители растений и животных. Я рассматривал иллюстрации в томах Брема, четвертьями откладывал по краю стола истинные размеры животных, изображенных в 1/10, 1/20 «естественной величины». Разговоры об охоте, снаряжение патронов, осмотр и очистка ружей, сборы на охоту — все это чрезвычайно волновало меня, разжигало нетерпение испытать все самому, все потрогать своими руками. Мне не было шести лет, когда я получил в подарок «монтеркристо» — маленькое ружьецко с толстым граненым стволом, негромко, но верно и сильно бившее свинцовыми пулями. Иногда взрослые брали меня на охоту, но чаще я ждал их возвращения дома. С трепетным волнением разглядывал я их трофеи, перебирал и гладил перышки птиц, мое

воображение распалялось от их расказов, запахов леса, костра, болотной тины... Я стал охотником задолго до того, как сделал свой первый выстрел. И так же естественно, как начал ходить, как научился держать в руке ложку и освоил грамоту, на тринадцатом году жизни я взял двустволку Зауэра и самостоятельно отправился на охоту. Это было более полвека назад...

Нельзя сказать, что за это время условия охоты не изменились. Как любое явление жизни, они зависят от социально-нравственной обстановки общества. Беспардонно-хищническое, откровенно потребительское отношение к природе народнохозяйственных, в первую очередь природопользовательных отраслей, привело к сильному повсеместному оскудению охотничьих угодий. Стало больше городов, обезлюдели деревни, увеличилось количество охотников-горожан — «охотников выходного дня», чувствующих себя в угодьях людьми временными, но никак не рачительными хозяевами. Снижение общего нравственного уровня людей (не здесь рассматривать его причины, это тема отдельного большого разговора), массовое экологическое невежество еще более усугубили оксвернение природы, ухудшение жизни диких животных, в том числе и охотничьих, сокращение их численности. Это звучит, на первый взгляд, парадоксально, но при таких обстоятельствах единственным верным защитником охотничьих животных остается лишь сам охотник. Только он, бережливый, **настоящий** охотник заинтересован в том, чтобы сохранилась дичь, сохранилось то, что приносит ему самую большую радость — охота.

Поэтому и охота должна быть другой, нежели пятьдесят лет назад. Не всем старым охотникам, помнящим «вольное полевание», нравится, должно быть, стрельба по «квитанциям», но ничего другого предложить сейчас нельзя: охота должна быть строго регламентирована и должна производиться только по разрешениям в охотничьих хозяйствах, организованных на научной основе. Если же смотреть с этической стороны — а это главное! — охота должна быть привилегией **настоящих** охотников, только это дает ей право на дальнейшее существование.

Что означает: «настоящий охотник»? Сергей Тимофеевич Аксаков, автор классических «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии», ставил это понятие в зависимость от того, какую дичь — изысканную, «царскую», или любую — предпочитает охотник. Но уже давно, после появления его «Записок» и «Записок охотника» Ивана Сергеевича Тургенева под **настоящим** понимается охотник именно аксаковско-тургеньевского толка, для которого охота — это прежде всего по-

этическое приобщение к живому миру природы. Охота — не стрельба по живой мишени, охотнику мало хорошо владеть оружием и быть метким стрелком — свое желание пострелять и продемонстрировать снайперское мастерство он может и на стенде в стрельбе по тарелочкам. Охотник должен знать «в лицо» деревья, травы и всех, не только промысловых, птиц и зверей, различать их повадки, голоса — только в этом случае он будет чувствовать себя в природе, как «свой в своем», и получать от охоты высшее духовное удовлетворение. И чем глубже будет его общее знание природы, тем более одухотворенной, интересной будет его охота. Без этого человек с ружьем превращается в равнодушного шалопая-налетчика, который, изнывая от жажды выстрела, шляется в угодьях и в конце концов разрешается пальбой по сороке, по опустошенной бутылке или квартальным столбам. Такой стрелок не имеет морального права причислять себя к охотникам, если он даже имеет надлежащие документы на право охоты и соблюдает установленные для нее сроки.

В поведении человека на охоте, как и в его отношении к природе, проявляется подлинная, не показная, внутренняя культура — не зависящая непосредственно от полученного образования. На охоте человек остается наедине с природой и ведет себя, как подсказывает ему только его совесть. Без преувеличения можно сказать, что для человека, изначально не испорченного, охота — это дальнейшая школа нравственности, становления чувства ответственности в его отношениях с природой.

Предвижу, сколь бурные возражения могут вызвать эти слова у противников любительской охоты: о какой нравственности может идти речь, когда ни в чем не повинное животное лишается жизни?!

Да, это так: охотник или рыбак так или иначе убивают живое существо. Ни одному нормальному человеку само убийство животного не может доставить удовольствия. И если бы от охоты остался только сам факт убийства — я уверен, все настоящие охотники навсегда бы расстались с ружьем. Ведь большинство из них не могли бы сделать даже то, что делает почти любой крестьянин, когда он забивает бычка, режет поросенка или барана. Сельский хозяин идет на это не из жестокости, убийство тоже не доставляет ему радости, и никому в голову не придет осуждать его. Почему же охотник так рад удачному выстрелу, так гордится своим трофеем, так уважительно, даже любовно разглядывает его, старается в лучшем виде доставить домой, чтобы показать близким и знакомым?

Только потому, что все это происходит на охоте. Ну и что? Какая разница, животное-то убито... Да, не очень

основательное объяснение, но другого, признаться, я не знаю. И потому в извечной полемике так трудно убедить противников охоты в ее праве на существование. Давний спор этот не имеет смысла, потому что стороны говорят на разных языках: хулители охоты отрицают то, о чем не имеют ни малейшего представления, а охотники не могут дать им такого представления — как можно заставить их пережить свои чувства? Случается, что охоту начинает отрицать тот, кто некогда охотился. Такое, по-видимому, может быть, если человек никогда не был охотником, был лишь стрелком, «человеком с ружьем», убивавшим ради развлечения, и с годами стал осуждать свое прежнее безнравственное занятие. А если он действительно испытывал охотничью страсть — охавать ее задним числом еще более безнравственно, как безнравственно всякое предательство, как безнравственно было бы предать свою первую наивную и пылкую юношескую любовь...

Знаю твердо: не жестокость лежит в основе настоящей охоты. За свою полувековую охотничью жизнь мне не приходилось сталкиваться со случаями жестокости среди охотников. Но я мог бы привести десятки примеров самой изуверской, бессмысленной жестокости людей по отношению к животным, которые не были, да и не могли быть охотниками, потому что охота и жестокость — явления, исключющие друг друга. Это давно заметил еще Аксаков, наблюдая деревенских мальчишек: «Сколько раз случилось мне замечать, что многие из них не пройдут мимо кошки или собаки, не толкнув ее ногой, не лхнув в нее камнем или палкой, тогда как другие, напротив, защищают бедное животное от обид товарищей, чувствуют безотчетную радость, лаская его, разделяя с ним скудный обед или ужин; из этих мальчиков непременно выйдут охотники...»

Не отличая по своему неведению браконьерства от охоты, ее противники приводят факты зверства браконьеров. Но при чем же здесь охота? Браконьер — злейший враг настоящей охоты, обкрадывающий его, дискредитирующий, лишаящий радости культурной целомудренной охоты. Нельзя поносить и ставить под сомнение чистоту любви к женщине лишь потому, что встречаются подонки, похабные это чувство; не следует делать обобщений и на основе каких-то фактов браконьерства или низкой культуры отдельных охотников. Если запретить любительскую охоту, как требуют ее противники, браконьерам это будет лишь на руку: они не считались с законами никогда, не будут признавать и этот запрет. Куда как выгодно будет им в угодьях без риска попасться на глаза охотнику!

Любой охотник, наверное, может припомнить случай, когда радость от

удачного, казалось бы, выстрела сменяется огорчением, сожалением, даже — состраданием... Не всегда трофей добывается «чистым» выстрелом, случаются подранки, их приходится добывать. Это единственная, но очень неприятная сторона охоты. Еще хуже, когда охотник, не имеющий собаки или не обладающий достаточным опытом и настойчивостью для того, чтобы добрать зверя или птицу, оставляет их в угодьях. Иногда они выживают, но чаще обречены на гибель. Или становятся легкой добычей хищников. Это самый большой грех охотника.

Чувство сострадания, остающееся невостребованным в повседневной жизни очень многих сограждан, лежит у охотника близко к сердцу, оживает не только на охоте, но и в быту. Этим, наверное, и объясняется, почему среди охотников нет жестоких людей. В молодости чувство сострадания обычно поглощается неумеренной охотничьей страстью, но с годами, как это бывает нередко, заявляет о себе все больше, и старые, некогда очень горячие охотники надолго, а то и навсегда, зачехляют ружье, — и вовсе не потому, что не хватает сил на охоту. Но и оставив ружье, старый охотник сохранит на всю жизнь благодарные воспоминания об охоте, как о лучшей поре своей жизни...

«Охота никогда не была для меня простой забавой или простым развлечением. Бродя с ружьем, я учился думать и наблюдать. Еще в первых юношеских скитаниях росла любовь к родной земле, обострялось внимание. Охотничье ружье было моим верным спутником, приобщавшим меня к прекрасному царству природы» — так писал на склоне лет замечательный русский писатель Иван Сергеевич Соколов-Микитов. Кстати сказать, именно такой, как у Аксакова, как у многих других настоящих охотников, была его охотничья судьба: к шестидесяти годам своей жизни он расстался с ружьем...

А вот что сказал об охоте другой писатель и ученый, Алексей Алексеевич Ливеровский: «Славлю охоту! Она сделала меня мужчиной, здоровым и выносливым, уверенным в своих силах. В детские годы была любимой игрой и отучила бояться неизвестного леса, темноты, мистики неосознанного. В дни молодости вводила от дружеских попок, картежной игры, дешевых знакомств, показной стороны жизни. Зрелого — натолкнула на радость познания родной природы. Под уклон жизни — спасла от многих разочарований и психической усталости».

Полнее, кажется, не скажешь! Охотился Алексей Алексеевич до последних дней. А когда угасло зрение в правом глазу, он, уже в преклонном возрасте, освоил стрельбу с левого плеча...

Я обязан охоте очень многим, и прежде всего — близостью к приро-

де, чувством родства с нею: Ощущение своей свободы и полной независимости, физического здоровья, приволья окружающей природы, возможность наблюдения жизни животных, утоление жгучего любопытства к потайному в этой жизни, утоление охотничьей страсти, обладание охотничьим трофеем — все это постоянно составляло мое счастье. Охота свела меня и подружила со многими интереснейшими, близкими по духу людьми. Давно сложилось мнение, что охота — лучшая «разрядка» от повседневных дел, здоровый отдых, всесторонняя физическая подготовка и т. п. Все это так, но главное, все-таки, в том, что охота — это образ жизни, состояние духа, мировоззрение. Даже проживая в городе, охотник особенно остро чувствует сезонные изменения погоды, по скудным приметам зажатой громадами домов и асфальтом природы видит то, что происходит в лесу и в поле, ловит в мутном от электрического зарева небе клики пролетных гусей, радуется, как дорогой находке, вдруг обнаружив среди множества следов где-нибудь в парке знакомый отпечаток лап забредшего ночью за городскую черту отважного зайчишки, и только охотнику какие-нибудь тощие охристые, заиндевшие бурьяны городского пустыря напоминают о том, как мелькнет, бывало, в таких вот зарослях голубовато-свая спина русака или красно-рыжая, с темными ушками, лиса...

Ни в чем не убежден я так твердо, как в том, что близость природе и любовь к ней делает человеческую жизнь полнее и счастливее. Надежнее всего это избавляет человека от одиночества, от ощущения тоски и скуки. Оглядывая свое прошлое, вижу его как непрерывную цепь охотничьих поездок и скитаний, встреч с природой в различных местах, в различные времена года, как череду охотничьих удач, радостных впечатлений — память охраняет, стремится удержать самое светлое. Пытаюсь мысленно исключить из жизни все, что было связано с охотой — и не могу представить, чем могла бы утешиться душа, не будь этого. Благодарю тебя, Охота. Счастлив чувствовать себя своим, среди своих людей, на своей родной земле...

В ПОДМОСКОВЬЕ

И. ВЕЛИЧКИН

**Председатель Правления
Московского общества
охотников и рыболовов**

Московское общество охотников и рыболовов в последнее время встречает немало трудностей в своей работе. Наша организация — многоотраслевое хозяйство, в ее составе три промышленных предприятия, семь магазинов, 53 охотничье-рыболовных хозяйства. Промышленным предприятиям сложно приобретать сырьевые ресурсы, сбывать готовую продукцию из-за неплатежеспособности сбытовых баз и торговых предприятий. Нашим предприятиям эти организации задолжали более 10 млн. руб., а они в свою очередь должны поставщикам сырья около 7 млн. руб. Тем не менее промышленные предприятия при помощи Правления МООиР объем выпускаемой продукции не снижают.

Становится очевидным, что затруднения в работе предприятий будут расти, и их существование окажется под угрозой.

Мы видим единственный выход — акционирование предприятий. При этом ставится задача: выпуск продукции охотничье-рыболовного назначения не снижать, а увеличивать за счет освоения новых видов продукции.

Торговые предприятия работают более успешно. Руководители наших магазинов раньше, чем другие, поняли свои задачи в перестроичный период, своевременно установили деловые взаимоотношения с производителями продукции и тем самым обеспечили нормальное функционирование магазинов.

Хуже обстановка в охотничье-рыболовных предприятиях. Известно, что доходы от охотничье-рыболовной деятельности незначительны и не могут покрыть увеличившиеся во много раз расходы. Резко возросли цены на корма для животных, бензин, топливо, электроэнергию, стирку белья для гостиниц и т. д.

В этих условиях неизбежно встал вопрос о повышении цен на все виды услуг для охотников и рыболовов. Пришлось увеличивать размеры вступительных и членских взносов. Совершенно очевидно, что при беспрепятственном росте цен на продукты питания, товары ширпотреба, топливо, сырье, электроэнергию не исключена необходимость дальнейшего повышения оплаты за услуги, а также вступительных и членских взносов. Это не популярно,

Фото А. Дигилевича

тяжело для наших охотников и рыболовов, но другого выхода нет, если мы хотим сохранить наши охотничьи предприятия и нашу фауну в Подмоскovie.

Повышение стоимости услуг, членских и вступительных взносов ни в коей мере не покрывает расходы на содержание охотничьих хозяйств. Значительные средства на их содержание приходится выделять за счет прибыли торговых и промышленных предприятий. Эти предприятия и создавались главным образом для подобных целей. Кроме того, Московские городские общества отчисляют 55 % членских и вступительных взносов хозяйствам и районным обществам области. Далее, нам приходится принимать иностранных охотников, разумеется, с целью получения значительных доходов. От

сдачи охотбаз в аренду в межохотничий период наши охотничьи хозяйства получают весомый доход. В целом в 1992 г. доходы составили около 60,0 млн. руб. Все эти средства израсходованы на отчисления государству, зарплату, оплату сырья, кормов, горючего, электроэнергии и т. д.

Чтобы содержать охотничье-рыболовные предприятия, надо иметь на 1993 г. не менее 75—80 млн. руб. Исходя из этого, мы планируем в будущем году получить 80,0 млн. руб. дохода.

Ссылки на трудности в нашей работе не должны восприниматься как безвыходное положение. Необходимо глубоко и всесторонне разобраться с каждым районным обществом и хозяйством, целеустремленно работать над увеличением доходов, проявляя особую заботу о сохранении животного мира Подмоскovie. Мы рассчитываем на понимание сложности сложившейся ситуации и на всестороннюю помощь в преодолении трудностей.

В последнее время принят ряд решений, направленных на стабилизацию обстановки в охотничьей отрасли. Это вселяет надежду на лучшее будущее. Глава Администрации Московской области Анатолий Степанович Тяжлов своим распоряжением продлил еще на 10 лет закрепление за Московским обществом охотников и рыболовов охотничьих угодий. Это в корне пресекает попытку отдельных районных руководителей учреждать дублирующие хозяйства.

Животный мир не признает районных границ, звери и птицы нуждаются в лечении, в биотехнической заботе, в охране. Что же может сделать один район? Только одно: опустошить свои кладовые и нанести непоправимый урон фауне Подмоскovie. Несмотря на все сложности, нам все же удастся сохранить оптимальную численность животных, более того, по важнейшим видам дичи мы достигли увеличения поголовья и отстрела животных в 1,5 раза. В наших хозяйствах ежегодно добывается до 3 тысяч кабанов и 1250 лосей.

Ни одна область, соседствующая с нами, таких результатов не имеет. Эти успехи достигнуты многолетним трудом по охране животных от браконьеров, подкормкой их в зимнее время, систематическим лечением от заболеваний чумой и сохранением маточного поголовья.

Очень важный документ принят Правительством области. 17 марта он опубликован в «Народной газете». Утверж-

дено Положение о порядке отвода земельных участков для государственных и общественных нужд в Московской области.

В этом положении сказано:

«При выборе земельного участка обязательное участие принимают сельские (поселковые) Советы народных депутатов, собственники земли, землепользователи, землевладельцы и арендаторы, чьи интересы затрагиваются предстоящим отводом, а также предприятия, учреждения, организации, заинтересованные в отводе земли».

Выбор участка оформляется актом, а картографические материалы согласовываются с членами комиссии, заинтересованными организациями и гражданами.

Положение четко определяет формы и методы решения вопросов по отводу земель. Важно, чтобы этот документ неукоснительно выполнялся. Наши интересы арендатора полностью соблюдены. Пора остановить произвол в отводе земель. В ряде районов идет массовый самозахват земель под огородные участки и особняки. Вырубятся леса, ликвидируются глухаринные тока, пересекаются вековые звериные тропы, зверь и птица лишаются корма. Более того, все огораживается деревянными или железобетонными заборами. О чем эти земледельцы думают? Неужели не понимают, к чему приведет такая вакханалия? Верховный Совет РСФСР принял постановление «Об охране окружающей природной среды» (№ 2061—1 от 19.12.91 г.).

Статья 8 этого постановления гласит: «Специально уполномоченными государственными органами по охране, регулированию и использованию животного мира на территории РСФСР являются: Министерство рыбного хозяйства РСФСР, Главное Управление охотничьего хозяйства и заповедников и другие специальные уполномоченные органы в соответствии с Законодательством Союза ССР и РСФСР».

Уполномоченными органами в соответствии с Законодательством является Росохотрыболовсоюз, Военнад и «Динамо». Все кажется предельно ясным.

Наконец, Закон Верховного Совета России о краевом, областном Совете народных депутатов и краевой, областной администрации.

Статья 51 гласит:

«Администратор — обеспечивает контроль за использованием и охраной земель; — защищает права собственников земли, землевладельцев, землепользователей и арендаторов; — обеспечивает проведение мероприятий по охране и защите лесов, осуществляет постоянный контроль за соблюдением установленных правил охоты и рыбной ловли».

Мы сочли необходимым напомнить о содержании этих важнейших документов. Очень важным событием для

всей охотничьей общественности будет принятие нового закона Верховного Совета «Об охоте и ведении охотничьего хозяйства». Этот Закон разработан, и его проект находится на рассмотрении в палатах и комиссиях. До его принятия государственные органы и мы обязаны руководствоваться Законом РСФСР «Об охране и использовании животного мира», Постановлением Совета Министров от 25.06.59 г. № 1097 «О мерах по улучшению ведения охотничьего хозяйства РСФСР».

Эти законодательные акты не отменялись. В них четко сказано, что охотничьи угодья являются территориями Государственного охотничьего фонда. Они могут быть на землях колхозов, совхозов и Государственного Лесного фонда. Охотничьи угодья закрепляются Советами Министров автономных республик, крайисполкомами и облисполкомами. На закрепленных землях охотничьим организациям предоставляется право возводить необходимые постройки, производить посевы, осуществлять другие мероприятия. Закрепляются угодья или перезакрепляются не менее, чем на 10 лет.

Казалось бы все ясно и нужно только строго соблюдать существующие законы. Однако со стороны отдельных органов местного самоуправления допускаются грубые нарушения.

Постоянная комиссия Мособлсовета по Законности и правопорядку 03.07.92 г. № С-5-6920 по жалобе Управления охотничьего хозяйства Администрации Московской области и Правления Московского общества охотников и рыболовов дала заключение, в котором сказано: «...Со стороны отдельных органов местного самоуправления (Луховицкий, Сергиев-Посадский, Дмитровский районы) допускаются, вследствие неправильного толкования иных законодательных и подзаконных актов Российской Федерации, действия путем принятия своих решений, постановлений и распоряжений, нарушающих статус государственного охотничьего фонда».

Так, в Сергиев-Посадском районе поселковые органы местного самоуправления «приватизируют» в свое ведение территории охотничьих угодий и начинают осуществлять незаконную выдачу неустановленного образца лицензий на отстрел диких животных.

Совместным решением Луховицкого исполкома и Президиума Совета от 11.07.91 г. № 87/20 на территории Луховицкого района создано хозрасчетное производственное охотничье-рыболовное хозяйство на основании Закона РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР», в то время, как этот закон вступил в силу спустя месяц и его действие не распространяется на территорию государственного охотничьего фонда. Вследствие этого незаконного решения предпринимаются попытки ликвидировать Белоомутское охотничье хозяйство, за которым ранее

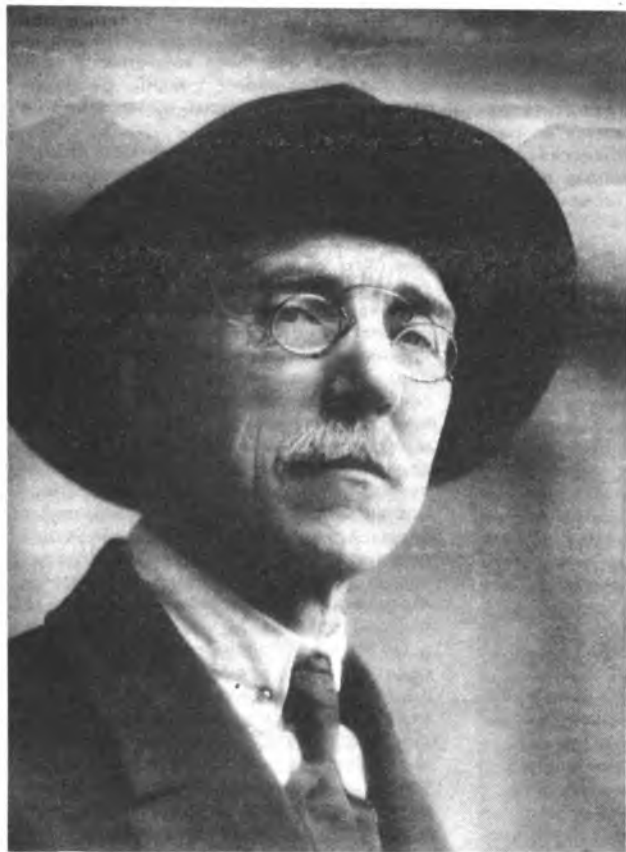
решением Мособлсполкома на законных основаниях была закреплена территория охотничьих угодий, расположенных в Луховицком и, частично, в Егорьевском районе.

Подобные незаконные притязания имеют место и со стороны органов местного самоуправления Дмитровского района.

Так как охотничьи угодья (тем более, что отдельные из них территориально размещаются в нескольких районах) являются территориями государственного охотничьего фонда, закрепление (презакрепление) которых является исключительно функцией органов государственной исполнительной власти автономных образований, краев и областей без какого-либо согласования с местными органами самоуправления, то оснований для отмены (полностью или частично) постановления Главы Администрации Московской области от 10.02.92 г. № 48 «О перезакреплении охотничьих угодий за Московским обществом охотников и рыболовов» нет.

По этому вопросу Заместитель председателя Верховного Совета РФ Ю. М. Воронин направил письмо председателю Верховного Совета республики в составе РФ, краевым и областным советам народных депутатов, в котором просил воздержаться от принятия решений в области управления и ведения охотничьего хозяйства. Все эти директивы с соответствующим письмом Правления МООиР были вручены руководителям Луховицкого района. Кажется, все ясно. Однако вновь организованное охотничье хозяйство при Администрации района до сих пор существует, более того, Администрация района выделяет ему целевым назначением средства, хотя сама получает дотацию. Руководитель этого хозяйства продолжает выписывать путевки на охоту в хозяйства МООиР, получает бесконтрольные деньги, допускает самовольство и произвол по отношению приезжающих из г. Москвы охотников. Об этих действиях сообщалось Администрации района, прокуратуре, милиции, однако беззаконие продолжается. Пора бы и спросить с виновных лиц за все эти безобразия! МООиР, со своей стороны, предъявит иск этому хозяйству и потребует возратить полученные незаконные деньги за путевки, а равно и за нанесенный ущерб охотхозяйству.

Правление Московского общества охотников и рыболовов еще раз заявляет, что оно будет делать все возможное, чтобы сохранить единую систему по руководству охотничьим хозяйством, тесно сотрудничать с местными органами власти во имя того, чтобы в нашем Подмосковье не только сохранить диких животных, но и приумножать их. Не допустить произвола в отношении к очень уязвимой и хрупкой части природы — животному миру.

Борис Михайлович Житков.

В 1992 г. исполнилось 70 лет с начала зарождения под Москвой в Лосиноостровской лесной даче научной станции по изучению биологии охотничье-промысловых животных. По истечении десятков лет на ее научном фундаменте появилась возможность создать Всесоюзный научно-исследовательский институт охотничьего хозяйства и звероводства.

Долгой и отнюдь не торной была дорога к этому учреждению. В конце 50-х годов тогдашним сотрудникам института «власть имущие» строго повелели «приблизиться к производству», отъехать от столицы по крайней мере на тысячу километров, переселиться из Москвы хотя бы в Киров. Здесь, на вятской лесной земле, институт отметил свое 60-летие. На юбилейном торжестве, положенном в связи с этим событием, было оглашено правительственное решение о присвоении институту имени основателя Лосиноостровской биостанции профессора Бориса Михайловича Житкова. К юбилейной дате был активизирован сбор материалов, повест-

вующих об истории института. В один из дней к работникам научного музея и библиотеки обратилась жительница г. Кирова, состоявшая в знакомстве с Ольгой Викторовной Вальцовой — вдовой известного ученого зоолога МГУ Дмитрия Михайловича Вязлинского. Таким путем О. В. Вальцова сообщила в институт, что у нее хранится много фотографий, рукописных материалов, вещей, принадлежавших Б. М. Житкову, в том числе и оригинал автобиографии, написанной им в 1928 г. Для ознакомления с тем, что хранилось у О. В. Вальцовой, дирекция института направила к ней заведующую музеем Н. М. Замахаеву и зав. научной библиотекой Н. Н. Втюрину.

Результатом посещения О. В. Вальцовой было приобретение для музея и научной библиотеки ВНИИОЗ перепечатанной с оригинала автобиографии Б. М. Житкова и машинописных тетрадей объемом в 230 стр., содержащих воспоминания Бориса Михайловича о различных фрагментах своей научной работы, а также и о своем видении окружающей жизни начиная с августа 1921 г., когда он еще находился в Алатыре и до 21 ноября 1941 г., то есть до дня, когда, живя в Москве, в двух первых строках им было написано: «Теперь уже голод. Я питаюсь ячменным кофе, хлебом и небольшим количеством рыбьего жира...»

Посетители О. В. Вальцовой тогда же узнали, что другая часть материалов Б. М. Житкова сдана в архив народного хозяйства страны, в отдел личных фондов крупных ученых.

Однако все, что было приобретено Н. М. Замахаевой и Н. Н. Втюриной у О. В. Вальцовой, было помещено в сейф материалов «для служебного пользования», и таким образом ни автобиография, ни воспоминания Б. М. Житкова не получили в институте огласки. Я уже не помню, кто же десять лет назад в моем кабинете заведующего лабораторией воспроизводства охотничьих животных оставил экземпляр машинописной копии автобиографии Б. М. Житкова. У меня в то время Борис Михайлович был безмерно почитаем за обнаружение в 30-х годах программы научных исследований и практических мероприятий, направленных на восстановление и расширение истощенных сырьевых ресурсов охотничьего промысла в целях увеличения ежегодного поступления пушнины.

В № 1—2 журнала «Охота и охотничье хозяйство» за 1992 г. О. А. Егоров поведал об обнаружении хранившегося в Ульяновском краеведческом музее уникального архива документов, повествующих о личности и деятельности С. А. Бутурлина (1872—1938), больше известного охотничьей общественности лишь как оружейведа и орнитолога. Можно надеяться, что в скором времени исследователи русской охотничьей культуры сделают общим достоянием содержание этих документов. Публикуемая для читателей журнала из архива Бориса Михайловича Житкова его автобиография имеет ту же цель — познание нашей богатой культуры в области научного охотоведения, знакомство с деятельностью человека, с именем которого связана организация целенаправленного изучения биологии охотничье-промысловых животных.

М. ПАВЛОВ

АВТОБИОГРАФИЯ

Б. М. ЖИТКОВ

Несмотря на то, что ночь ненастна, что руки у меня забнут, и я устал, я чувствую, что должен, наконец, исполнить ваше настойчивое желание и написать свой формуляр (не решаюсь сказать — автобиографию).

По современным воззрениям происхождение мое довольно сомнительно. Я принадлежу к старому дворянскому роду и родился в усадьбе сельцо

Михайловки (Поляны тож) Ардатовского уезда Симбирской губ. 20 сентября 1872 г. от довольно состоятельных, но честных родителей. «Мы ленивы и нелюбопытны», и я знаю свой род не дальше прадеда, екатерининская грамота которого пережила революцию в моем столе. Мой прадед Никита Иванович Житков был крупным землевладельцем Черниговской и Ки-

евской губерний. По семейным преданиям, он «не поладил» не с Петром, а с Павлом за связи с мятежными поляками, и земли его были конфискованы. Возможно, однако, что легенда прикрасила действительность и мой прадед наблудил менее возвышенно. Как бы то ни было, дед мой, Иван Никитович, не имел земельных владений, — имение перешло к моему отцу

от бабушки. Дед служил в артиллерии, участвовал во всех войнах России против Наполеона, был ранен в Бородинском бою, сражался под Дрезденом и Лейпцигом, входил в Париж и умер в чине генерал-майора в 1840 г. Как офицер он образовался еще в екатерининское время и отличался независимым характером. Хотя в конце жизни он был начальником артиллерийских гарнизонов, сначала в Казани, потом в Москве, он не приобрел ни земель, ни домов, ни капиталов. С тех пор некоторая степень равнодушия к выгодам денежным и служебным сделалась наследственной в нашей семье. Отец мой, Михаил Иванович, военный инженер по образованию, служил в конно-пионерском дивизионе (конные саперы николаевского времени) и участвовал в защите Севастополя, где получил два ордена за храбрость. Поселившись в деревне перед освобождением крестьян, он служил мировым посредником, после — председателем мировых судей, и умер в 1891 г. 60 лет от роду. Он имел превосходное общее образование и владел в совершенстве не только новыми языками, но знал и латинский, которому выучился самоучкой. Мать моя по своему отцу принадлежала к роду дворян Тюбукиных, происхождения татарского. Она дожила до 1921 г. и умерла 83 лет, сохранив до конца жизни бодрость тела и ясность ума. Татарский тип заметен у двух моих родных теток и младшей сестры — в детстве. Обе бабушки мои были из древнего дворянского рода Филатовых и также скончались в возрасте 82—84 лет. Но мой дед по матери, большой вивёр, умер еще молодым от туберкулеза. Среди моих близких и дальних родственников можно насчитать несколько человек, занимавшихся научной деятельностью. Таковы профессор Нил Федорович Филатов, профессор Владимир Петрович Филатов, профессор Дмитрий Петрович Филатов, академик Алексей Николаевич Крылов, академики Александр Михайлович и Борис Михайлович Ляпуновы, профессор Сорбонны Виктор Анри, профессор Михаил Николаевич Гарнет и сестра его, Надежда Николаевна Гарнет, также профессор, да еще чистой математики. Но это частью покойники, частью люди моего возраста или старше меня. Многие же молодые представители обширного рода, потомки другого прадеда моего, Михаила Федоровича Филатова, подававшие надежды, погибли в последних войнах или грозе революции.

Детство мое протекало счастливо — в деревенской усадьбе, в обществе двух братьев (старше меня) и двух сестер (моложе). Мой старший единокровный брат был выдающимся математиком, но в силу различных обстоятельств пошел по дороге административной службы и только под старость вернулся к научной работе. Сле-

дующий родной брат получил военное образование. Я не помню, когда я выучился читать (самоучкой), и читал очень много, так как в нашем деревенском доме была довольно большая библиотека книг русских, французских и немецких. От отца я унаследовал любовь к литературе и способность очень легко запоминать стихи. В детстве я был зато туп к математике; позже, в школе, она давалась мне вполне легко.

Имение, в котором жили мои родители, принадлежало некогда моей пробавке Е. Н. Ермоловой, по мужу Филатовой, и до 30-х годов прошлого века было пустошью. Усадьба наша (разоренная только в 1917 г. революцией) лежала у самой долины реки Алатыря, в красивой, обильной лесами и лугами местности. Во время моего детства помещицы усадьбы в нашем и соседних уездах были сравнительно еще многочисленны. Я желал бы когда-нибудь найти время (или, вернее, прилежание) и описать современную моему детству жизнь в этих усадьбах, фруктовых садах и парках — жизнь теперь забытую и презираемую, но некогда родившую не только одних злодеев, но и Пушкиных, Тургеневых, Аксаковых, Сеченовых, Ковалевских и Бутлеровых. Из наших соседей — помещиков — было немало людей вполне культурных. Но представители молодого поколения, мои сверстники, превращались в офицеров, юристов, инженеров или ученых, навсегда уходили из деревень. Оставались юноши поплотнее, а то и вовсе недоросли и неудачники, и из них набирались земские начальники, уездные предводители, состав уездных земских управ и прочие деятели глухой провинции. Так подготавливался окончательный разрыв поместного дворянства с народом. Но я не могу поручиться, что уездные власти и уездные суды того времени были много хуже теперешних. Дело не во внешних условиях, а в людях. Природа сделала важную ошибку, не выбрав в качестве основы для эволюционного развития человека собак, а обратившись для этой цели к обезьянам. Теперь эту ошибку уже не исправить.

Леса и лесные уремы вблизи нашего имения были еще в 80-х и 90-х годах богаты зверьем и дичью. С детства (с восьми лет) я пристрастился к охоте и, хотя и охвачив несколько с годами, все же остался верен этой страсти до конца жизни. Я помню еще остатки славных псовых охот Симбирской губернии — нашего соседа, знаменитого в мире псовых охотников П. М. Мачеварианова, Н. П. Ермолова и других помещиков. Помню старых доезжачих и егерей из бывших крепостных.

Мне не было еще 10 лет, когда я поступил (в 1882 г.) в 1-й класс Алатырской прогимназии. Уездный город Алатырь, расположенный на высоком берегу Суры около устья Алатыря и тонувший в садах, находился в 50 вер-

стах от нашего имения. Зеленые поймы тянутся там далеко за рекой до синюющих на горизонте лесов засурья. Товарищами моими по прогимназии были преимущественно дети городских мещан и мелких торговцев окрестных сел. Все детство я играл, как равный, с крестьянскими детьми. Общество это положило на мой склад мышления и мой характер известный отпечаток. Иногда мне кажется, что я в большей мере демократ, то есть более понятен народу, чем Керенский. По окончании прогимназии в 1886 г. я перешел в 5-й класс Нижегородского дворянского института, откуда поступил (в 1890 г.) на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Я уже не имел случая, подобно своей матери, ездить из имения в Москву «на долгих» (на своих лошадях с кучером, лакеем и горничной): во время моего детства уже существовали Московско-Нижегородская и Московско-Пензенская железные дороги; а студентом IV курса я приехал из Москвы в Сыртыно — усадьбу моей бабушки по матери — по только что построенной Московско-Казанской. Но в школьные годы я ездил на перекладных в Нижний, Симбирск и Пензу, через цепь почтовых станций, где «за стеной храпит смотритель, сонно маятник стучит».

В университете я начал заниматься преимущественно зоологией, сначала по курсу профессора А. П. Богданова, после, со II курса, под руководством профессора А. А. Тихомирова, по кафедре которого (зоологии позвоночных) я был оставлен при университете. А. А. Тихомиров, по моему мнению, был одним из наиболее образованных и способных профессоров того времени, но рано (в 1904 г.) покинул университет, перейдя на службу в Министерство народного просвещения. Зная его очень хорошо, я привык уважать его и сохранил дружбу с ним до настоящего времени. Кроме Тихомирова выдающимися профессорами естественного отделения в мое время (первая половина 90-х годов) были А. Г. Столетов (физика), Н. Н. Любавин (техническая химия), А. П. Павлов (геология), К. А. Тимирязев (анатомия и физиология растений) и И. П. Горожанкин (морфология и систематика растений). Но последнему в его академических делах мешали лень и водка, а предпоследнему — своеобразная задорливость характера и хлесткая фельетонность полемических выступлений. На IV курсе я занимался физиологией в лаборатории И. М. Сеченова, который только что перешел из Петербурга на кафедру в Москву. Из перечисленных профессоров двое (А. А. Тихомиров и А. П. Павлов) еще живы, и последний недавно только кончил читать.

Оставление при кафедре (которое могло и не случиться) поставило меня на рельсы науки. Но наука далеко не наполняла моей жизни, и я остался навсегда дилетантом. Только недурные

способности и некоторое общее образование позволяло мне держаться приблизительно на уровне тех требований, которые следует предъявлять преподавателю университета. Теперь, впрочем, дело подготовки ученых сильно упростилось. Признаваясь в малой учености своей, я должен сделать еще одно замечание: во времена моей юности большинство ученых, которых я знал, были так же образованы. Теперь такие встречаются много реже. И, наконец, вот еще что. Человеку, не знающему коротко жизни ученых, писателей, музыкантов и других сравнительно вольных людей, может показаться, что жизнь их — непрерывная цепь трудов, успехов и испытываемого от этих успехов удовольствия. Это, конечно, неверно. Кто в темный и сырой осенний вечер встанет на Каменном мосту, тот увидит уходящую вниз по Москве-реке длинную цепь огней. Вдали огни эти кажутся сближенными, образуя частый, блестящий ряд, но это обман. Фонари с их слабым, почти не проникающим тумана, светом, стоят далеко один от другого. Между ними сырая тьма и слякоть набережной, и брань кухарок в воротах, и полутрупы пьяных в уличной грязи. Пропустя говоря, всякое возвышенное ремесло не так уж сильно отличается от сапожного или слесарного. А в мире людей, ищущих славы, самолюбивых тупиц хоть отбавляй.

По истечении срока оставления при университете я был ассистентом Зоологического музея; около 1900 г. (я плохо помню даты моего послужного списка) окончил магистерский экзамен и сделался приват-доцентом, а в 1916 г. Советом Петровской академии избран штатным профессором на кафедру биологии лесных зверей и птиц, и позже занимал ту же кафедру в Московском лесном институте до его закрытия (1925 г.). С 1922 г. я заведовал мною же основанной Биологической промысловой станцией в Лосиноостровском опытным лесничестве (теперь это отдел Центральной Лесной опытной станции). С 1926 г. я читаю также во втором университете. Со времени их основания состою действительным членом Колонизационного и Зоологического исследовательских институтов, в последнем недавно избран членом президиума. Состою в Полярной комиссии Академии наук. До революции я числился, отчасти числюсь и теперь, в президиумах и советах нескольких ученых обществ Москвы и Петербурга. Я работал также по некоторым специальным вопросам промышленности и путей сообщения в комиссиях Министерства Земледелия и Министерства Путей сообщения. Кроме высших учебных заведений и высших курсов (например, курсов охотведения при Петровской Академии в 1912—1916 гг.) я преподавал несколько лет в гимназии Поливанова, с собственником которой И. Л. Поливановым был связан родством и дружбой. С 1907 по 1909 гг. я заведовал учебной частью

Александровского института, а с 1913 по 1918 гг.— Института Московского дворянства. Желая увеличить свой заработок (я терпеть не мог ездить в третьем классе) и не склонный к карьере педагога, я после окончания университета начал работать (никогда не подписывая статей своей фамилией) в газетах и журналах. Между 1896 и 1912 годами я написал множество фельетонов научных и литературных, газетных заметок, журнальных статей и всяких иных построчных произведений (кроме только бульварных романов). Из газет я писал в «Русских ведомостях», «Голосе Москвы», «Русском слове» и «Утре России», также временами в некоторых провинциальных. Названия многих (охотничьих и общего содержания) журналов, в которых я сотрудничал, я давно забыл. В те времена я хорошо знал мелкую газетную и журнальную беготню, весьма невежественную, а нередко и наглую. Публика получает газеты так же, как она покупает дрянные конфеты и некоторые иные деликатесы: есть можно, даже сладко, но лучше не знать, как это приготавливается. В течение Европейской войны я много писал в экономических изданиях. Несколько лет я редактировал журнал «Естествознание и география» совместно с издателем его М. П. Вараввой. Редактировал также длинную серию изданий Московского комитета шелководства, ученым секретарем которого пробыл с 1884 по 1918 гг., то есть до закрытия комитета.

За время с 1893 по 1923 гг. я сделал ряд научных путешествий по поручению различных ученых обществ и правительственных учреждений. Еще студентом II курса я занимался исследованием фауны Среднего Поволжья, а будучи на IV курсе был командирован обществом любителей естествознания на Урал для зоологических работ. По поручению того же общества я вместе с С. А. Бутурлиным в 1900 г. ездил для географических и фаунистических исследований в Архангельскую губернию, на Колгуев и Новую Землю. Позже, в 1902 и 1908 гг., я руководил двумя экспедициями Русского Географического общества на Дальний Север — на Канин и Ямал. Последняя экспедиция дала наиболее интересный географический материал, связанный к тому же с вопросом об использовании Северного морского пути в Сибирь. Изучением последнего и содействием его развитию я занимался ряд лет и теперь нахожусь в курсе этого важного для будущности Сибири дела благодаря дружеской любезности руководителей Комитета Северного морского пути. С Севером я познакомился впервые давно, в 1893 г., когда провел лето на Биологической станции на Белом море. Позже эта станция была переведена на Мурманский берег, тогда она помещалась у стен Соловецкого монастыря. В разное время по командировкам общества любителей естествознания, Ко-

митета шелководства и Министерства Земледелия я занимался исследованиями в устьях Волги, в Закаспийской области, в Туркестане, в Предкавказье и Закавказье и других местностях России.

Несколько раз я посетил Западную Европу, а в начале Европейской войны (январь — февраль 1915 г.) ездил по поручению Московского университета и Московского Археологического общества знакомиться с высшими учебными заведениями и научными учреждениями оккупированной Голландии. Я числился также членом нескольких заграничных ученых обществ, между прочим, Международной Полярной комиссии в Брюсселе. Но теперь сохранил связь только с обществом научной маммологии в Берлине. За географические работы я был награжден медалями нескольких ученых обществ и премией Н. М. Пржевальского от Географического общества.

Первые годы революции (1917—1919 гг.) я провел в Москве, и за это время служил «консультантом» в нескольких учреждениях, между прочим, «в Центротекстиле». Там мною совместно с Н. Н. Кулиным (инженер-механик, специалист по обработке шелка) была сделана только одна полезная работа — составлен проект шелкового кондициона, который собиралось устраивать Управление Центротекстиля. Но проект, переписанный набело в одном экземпляре, был затребован «в виду его интереса», в Высший Совет народного хозяйства и там при многократной передаче из отдела в отдел пропал. Черновики были у Н. Н. Кулиной, который вскоре после окончания нашей работы умер от тифа. О потере этой работы я жалел больше, чем о четырех моих рукописях (от 3 до 6 печатных листов каждая), потерянных Государственным издательством в период между 1918 и 1922 гг.

Летом 1919 г. я вместе с С. А. Бутурлиным и тремя студентами ездил в Алатырь во главе экспедиции для зоологических исследований в бассейне Суры. Теперь уже почти забыты подробности жизни того времени. В Москве был голод, ничего нельзя было купить. В Арзамасе мы с удивлением и радостью увидели на станции баб, продававших картофельные, очень грязные лепешки. «Заградительные отряды» обыскивали поезда, отбирая у плачущих и проклинящих весь мир людей караван хлеба, мешочки муки или соли и другие полезные вещи. Казалось, что все жители страны сумасшедшие и разделяются на две категории — грабящих и ограбляемых. Многие проходили последовательно по несколько раз через эти обе специальности. В Алатыре я пробыл с лишком два года (до октября 1921 г.), занятый устройством (по желанию местных властей) высшего учебного заведения (института природоведения), рудимент которого и ныне

Б. М. Житков в дельте р. Амударьи.

сохранился там в виде так называемого педтехникума. Теперь я часто жалею, что, имея к тому возможность, не сохранил картин жизни уездного городка революционного периода ни в подробных дневниках, ни в фотографических снимках. За два года я видел там много интересного, между прочим, и картины голода 1921—1922 гг., о котором народ будет рассказывать и в далекие будущие времена.

К зиме 1921 г., когда Московский университет начал понемногу выходить из трехлетней летаргии, я вернулся к преподаванию в университете и других высших учебных заведениях г. Москвы. Но теперь я уже начал чувствовать тяжесть возраста, связывающего

не только мои мускулы, но и инициативу и бодрость духа. Особенно после тяжелой болезни, продолжавшейся с ноября по май текущего года, я почувствовал непривычные мне неуверенность движений, нерешительность действий и вялое равнодушие к событиям. Я могу легко пояснить сущность последнего чувства на примере малого значения. Пока я пишу эти строки в своей летней квартире при Биологической станции в Погоно-Лосином острове, на столе передо мной медленно тухнет керосиновая лампа. Ни жены моей, ни кухарки нет дома, я и не знаю, когда они вернуться. Я смотрю на лампу и вспоминаю образы многих милых женщин различного общественного положения, которым я в свое

время старался внушить недоступную идею о том, что керосин в лампу нужно наливать заблаговременно, а не тогда, когда она, наचाдив, погаснет. Дьявол, несомненно, умеет внушать гораздо лучше меня. Раздражался ли я прежде от таких педагогических неудач? Кажется, да. Но теперь я уже давно смотрю на потухание лампы во время моей работы, как на явление космическое. Да и разница между большим и малым как будто исчезла. Все, что происходит, было предопределено тогда, когда вот на этом самом месте ходили бронтозавры, и даже гораздо раньше. Все мое время, и все идет к неведомой нам цели. Поэтому я не ропщу на судьбу, велением которой предуказано было, что я не мог сделаться ни «нашим известным фельетонистом», ни «нашим маститым и известным ученым».

Раз случилось, что составитель словаря писателей, Венгеров, взор которого проникал псевдонимы, обратился ко мне с письмом, требуя от меня автобиографии. Я послушно написал таковую на почтовом листке, аккуратно заклеил конверт и отдал университетскому служителю, чтобы он бросил письмо в ящик. Но служитель Ефим письмо потерял и, по несколько странной добросовестности, вместо того, чтобы свалить конечный результат на почту, пришел ко мне с повинной. Я принял это за указание свыше и другого письма не писал.

С ученой же карьерой и известностью дело обстояло и обстоит еще более трансцендентально. Однажды одно человеческое существо, столь же любопытное, как и Вы, пожелало непременно знать, что я пишу и много ли написал. От ответа на первый вопрос я решительно уклонился. На второй ответить было легче. Я выложил на стол мои переплетенные статьи, положил сверху тома «Записок Географического общества», в которых находятся описания моих путешествий и, взяв складной метр, определил, что я написал (считаю поперек) двадцать восемь сантиметров. Вы спросите — разве этого мало для известности? Мало, и на это есть причины, от меня не зависящие. Прежде всего, Вам может быть неизвестно, что ученые статьи в большинстве случаев читают только лица — сам автор, наборщик и корректор. Кроме того, путь к известности преградила мне моя фамилия (не удивляйтесь). Когда я еще студентом написал статью для немецкого ученого журнала, я подписал ее, по принятой тогда транскрипции так: *Shitkov*. Позже я нашел во французском журнале краткие аннотации некоторых моих русских работ по географии. По понятным причинам французы изобразили мою фамилию так: *Jitsov*. А еще позже какая-то заграничная комиссия решила переделать русскую букву «Ж» через «Z», и я сделался — в указателях литературы — *Zhitkov*. Вы понимаете, что это печальное обстоя-

ПОПУЛЯРНЫЙ БИОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

тельство распылило мои 28 сантиметров между тремя лицами и лишило меня надежды на посмертную славу; ибо и самый опытный библиофил не соберет воедино моих творений, если бы ему и пришла странная мысль этим заняться. Еще труднее будет составить посмертную биографию этих трех лиц.

Слушайте дальше и теперь уж удивляйтесь, если хотите. В Ленинграде живет писатель Борис Степанович Житков. Он пишет детские рассказы, которые печатают московские издательства. Понятно, что отчества своего он, как и я, на книжках не ставит. Ему-то и обязан я неким дуновением славы, которое начал чувствовать в последние годы. По крайней мере мальчики и девочки, которые играют здесь и во дворе моей московской квартиры, часто спрашивают меня, я ли написал про подводную лодку и про медвежонка. Я честно отрицаю, но вижу, что дети мне не верят и недовольны моей скромностью.

Но не могу же я радоваться известности, столь маргаритовой! И поэтому, когда барышня в сберегательной кассе вписала в мою книжку безличный перевод в 46 руб., пришедшие в виде гонорара из источника мне неизвестного, и, по-видимому, принадлежащие моему тезке, я взял их себе в надежде, что означенный Борис Житков, поняв, что ему приходится терять не только частицы славы, но и вещи более существенные, перестанет путаться в мои дела.

Сообщу вам еще случай, который, думаю, убедит Вас окончательно, что по делу о моей славе происходит игра (вернее борьба) потусторонних сил. Совсем недавно издательства двух краевых энциклопедий одно за другим обратились ко мне, требуя присылки моих научных автобиографий и портретов. Действуя под влиянием минуты, я послал и то и другое. Но обе энциклопедии прогорели, не дойдя до буквы «Ж». Теперь я твердо решил не поддаваться больше ни на какие провокации.

Но я не поддаюсь и разочарованиям и продолжаю преподавать в университете и писать ученые статьи. Плохо только то, что за них гонорара не платят (что и определяет их действительное, а не кажущееся значение). Поэтому иногда я подумываю, не начать ли мне писать детские рассказы. Ведь благодаря Борису Житкову я имею уже некоторую известность в этой области деятельности.

Мне приходилось также приобретать новые специальные познания, но это я уже делаю не с прежней охотой. Все глубже и яснее понимаю я теперь слова писания, которые гласят: «Мудрого не будут помнить вечно, как и глупого; в грядущие дни все будет забыто, и увыл Мудрый умирает наравне с глупым» (книга Екклесиаста, П 16).
Погонно-Лосиный Остров
15 июня 1928 г.

Пик численности — наибольшее число особей данной популяции, достигаемое периодически или изредка при массовом размножении. Иногда П. ч. почти одновременно достигают неск. видов, но чаще П. ч. разных видов следуют друг за другом (см. Цепь пищевая). Обычно у позвоночных животных П. ч. не превышает более чем в 10^5 — 10^6 раз среднюю численность, у простейших и беспозвоночных — в 10^7 — 10^8 раз. Наиболее известны П. ч. саранчи, других вредителей растений. Выделяются сезонные, многолетние, вековые П. ч.

Полифаг — (поли...+гр. фагос — пожирающий) — организм, питающийся разнообразными кормами, но не всеядный, а, как правило, предпочитающий группу кормов хотя и обширной, но относительно целостной систематической категории (напр., беспозвоночных животных, всех грибов и т. п.). Напр., рыжие лесные муравьи поедают сотни видов беспозвоночных животных и десятки видов растений. Свойство П. носит название полифагии (многоядности). Ср. Монофаг, Стенофаг.

Синоним (частичный): зврифаг.

Правило Аллена — выступающие части тела теплокровных животных в холодном климате короче, чем в теплом. Поэтому они отдают в окружающую среду меньше тепла. П. А. имеет значение в зоологии и экологии животных. В какой-то мере оно справедливо и для побегов высших растений, обычно укороченных на Севере (вообще в условиях холода) по сравнению с южными широтами (теплыми условиями) произрастания. П. А. названо по имени сформулировавшего его в 1877 г. американского ученого Дж. Аллена (1838—1921; ударение в его фамилии делают чаще на первом, но иногда и на втором слоге).

Правило Бергмана — у теплокровных животных, подверженных географической изменчивости, размеры тела особей статистически (в среднем) больше у популяций, живущих в более холодных частях ареала вида. П. Б. четко проявляется среди животных, хотя и имеется ряд исключений из него. П. Б. названо в честь сформулировавшего его в 1847 г. немецкого ученого К. Бергмана (1814—1865).

Прайд — (англ.) — устойчивая группа львов из 6—12, изредка до 20 особей. П. состоит из неск. родственных самок с потомством и вожака-самца. Нередко в П. бывает 2—3 самца.

Преобразование природы: 1) любое естественно происходящее изменение природных процессов, как правило, связанное с какими-то геологическими силами или изменениями климата (напр., П. п. в ледниковый период); 2) антропогенное изменение имевшегося экологического равновесия для увеличения биологической продуктивности и/или хозяйственной производительности природных комплексов. П. п.-2 может быть связано с хозяйственным освоением новых пространств или восстановлением относительно прежних условий экологического равновесия с характерными для него биологической продуктивностью и хозяйственной производительностью. Общее историческое направление П. п.-2 первого типа — от экологического климатика к максимально омоложенным и упрощенным экосистемам (от коренной естественной растительности и животного мира к пашне с монокультурой). Поскольку этот процесс ведет к общей деградации природной среды и в конечном счете к опустыниванию, приходится обращаться к П. п.-2 второго типа, направленному на экологическое «постарение» экосистем и их усложнение (введение поликультур, лесоразведение и т. п.). При этом даже при полной реконструкции природных систем, напр., с помощью интродукции множества новых видов, все же целесообразно стремиться к максимальному соответствию вновь создаваемых природных комплексов условиям среды — исконно существовавшей или устойчиво измененной в процессе освоения территории. В противном случае «сопротивление природы» будет слишком велико и разрушительно для создаваемого.

КУЛИКИ

БОЛЬШОЙ УЛИТ. Его называют также речным куликом. Длина тела птицы около 30-ти см, вес до 200 г. Клюв длинный, слегка изогнутый вверх, буроватый, ноги длинные, зеленоватые. Верх крыльев у большого улита (внешне самец его почти неотличим от самки), буровато-черный, спина белая, низ тела светлый. Эти кулики очень осторожны, часто держатся поодиночке, но подчас — и небольшими стайками, и бывают более деятельными в сумерках. Крик их мелодичный, двух- или трехсложный, передается как «тлюи-тлюи», или «крю-крю-крю».

На места гнездовой птицы прилетают в апреле-мае, улетают отсюда в августе-сентябре. Обитают они по лугам, болотистым вырубкам, по долинам лесных рек. Насиживают у них только самки, но водят птенцов оба родителя. Кормятся птицы, преимущественно, водными насекомыми и их личинками, ловят и поедают также мелких рыбок. Во время кормежки птицы взмучивают лапами воду и, затем, ловят всплывшую на поверхность добычу.

Большой улит широко распространен в лесной полосе СНГ и, местами, многочислен. Служит второстепенным объектом охоты.

ФИФИ. Называют его также травничком. Длина его тела около 25-ти см, вес до 70 г. Клюв птицы черный, более светлый у основания, ноги буровато-зеленые. Весной и летом у взрослых птиц (самец у этого вида неотличим от самки) верх тела темно-коричневый, густо испещренный белыми пятнышками; надхвостье, грудь, живот, подбородок и горло белые. На голове, шее и зобу у них мелкие бурые пестринки. На верхней стороне крыльев у фифи былых отметин нет, но их нижняя поверхность беловатая, и это хорошо видно в полете. На хвосте птиц узкие поперечные темные полоски. Поздней осенью и зимой спина у этих куликов без светлых пестрин; пестрины на шее и зобу выражены менее четко. У молодых птиц пестрины на верхней стороне тела с рыжеватым оттенком.

Стоящая птица, подобно трясогузке, часто «трясет» задней частью тела. Фифи охотно объединяются в стайки с другими видами куликов. Крик их звучный и слышится как то часто, то медленно повторяемое «гип-гип», или «гигип».

На места гнездовой фифи прилетают в апреле — мае, улетают в августе — сентябре. Обитают по различного типа болотам, речным долинам, сырым лугам. По прилете самцы совершают токовые полеты — летают широкими кругами, то взмахивая крыльями, то паря, или — рея с распростер-

тыми крыльями почти на одном месте. При этом они издают частые громкие трели, звучащие как «тылл», похожие на трели лесного жаворонка-юлы. Насиживают и водят птенцов оба родителя.

На территории бывшего СССР фифи широко распространены в южных тундрах, лесотундре и лесной полосе. Особенно многочисленны в лесотундре и на севере лесной полосы. Это — второстепенный объект охоты.

К улитам, кроме большого улита и фифи, относится и ряд других встречающихся в СНГ видов куликов, в той или иной мере также представляющих объект охоты. В первую очередь это:

ЧЕРНЫШ, или белохвостик. Величиной и строением тела он похож на фифи. Верх его тела черный с мелкими белыми пестринами, короткий хвост, надхвостье и низ тела белые, шея серая, на концах рулевых перьев черные поперечные полоски. По замечанию Аксакова, «это куличок очень живой, складный и проворный». Обитает по берегам лесных рек и озер, гнездится на деревьях — в гнездах сорок, дроздов, белок, или в дуплах. В СНГ широко распространен по всей лесной зоне и повсеместно довольно обычен, а в некоторых районах, например — на Печоре, в Восточной Сибири — многочислен.

ТРАВНИК, или красноножка. Величиной и строением тела он похож на фифи и черныша, но хорошо отличается от них белым цветом задней части спины. Ноги его красные, в полете сильно выдаются за хвост. Это — подвижный крикливый кулик, голос его звучный, мелодичный, передается как «длю-длю-длю». Кормятся птицы, преимущественно, в воде. В СНГ они распространены, главным образом, в степной зоне и полупустынях европейской части, Западной Сибири и юга Дальнего Востока. Местами, особенно — в Казахстане, обычные и, даже, многочисленные.

ЩЕГОЛЬ. Величиной ненамного уступает большому улиту, вес его около 150-ти г. Оперение птиц сплошь очень темное, а весной и в начале лета — почти черное, лишь задняя часть спины белая. Ноги у взрослого щеголя красные, у молодого — оранжевые. Распространен широко, но спорадично, в лесотундре и на юге тундровой зоны; высокой численности нигде не достигает.

С. УСПЕНСКИЙ,
профессор

См. также 4-ю стр. обложки

ОБЛАВНАЯ ОХОТА

В прошлом году (№ 5—6) мы рассказали о знаменитой книге князя А. А. Ширинского-Шихматова «Медведь и медвежья охота», напечатали

избранные места из нее о весенней охоте с лабаза на приваде и пообещали сообщить о других видах охоты на этого грозного и могучего зверя.

Выполняя обещание, публикуем главу из названной книги об облавной охоте на медведя.

А. ШИРИНСКИЙ-ШИХМАТОВ

Одною из наиболее интересных я считаю охоту облавой, требующую большого внимания и толкового распорядка от охотника, на котором лежит ответственность за успешность охоты.

Такой охотник, т. е. распорядитель, должен приурочивать свои приезды на охоту таким образом, чтобы попасть к окладчику в избу с вечера, дабы обо всем подробно и толково переговорить с ним, узнать от него, что нужно, и сделать надлежащие распоряжения.

Необходимо прежде всего узнать, как велик оклад, и соразмерно с этим рассчитать, сколько требуется людей. Иметь лишних человек двадцать во всяком случае не мешает, хотя бы окладчик и уверял, что оклад небольшой и народу понадобится мало. Дело в том, что для одинаковых по размеру окладов количество народа может потребоваться совершенно различное, так как в этом вопросе не столько, пожалуй, имеет значение размер, сколько свойство оклада; так, например, если оклад все время идет густым, сплошным лесом, то народ надо рассчитать так, чтобы крикунов можно было поставить через каждые двадцать шагов; если оклад касается чистых болот или моховых болот с редким лесом, даже полем, то на такой местности облаву можно ставить реже — на 40—50 и даже 60 шагов; такую редкую облаву не следует ставить близко к тропе оклада, а лучше отвести ее на чистое место. Зверя, вышедшего из чащи на открытое место, воротить

назад накоротке очень трудно; загонщик же, поставленный подальше от чащи, всегда успеет показать себя зверю, а следовательно, и вовремя повернуть его.

Определив число людей для облавы, надо назначить час, в который эти люди должны собраться в деревню, а если найдется надежный человек, то всего лучше, конечно, поручить ему собрать народ на заранее определенное место, отстоящее от оклада на версту или на полторы, никак не меньше; на этого же человека надо возложить и обязанность следить за людьми, не позволять любопытным забираться раньше времени в оклад. Подшуметь зверя — ничего не стоит, а обложить его вновь бывает иногда очень трудно.

В тех случаях, когда народу, желающего принять участие в охоте, набирается вдвое или втрое больше, чем требуется для облавы, нужно предварительно объявить, что по числу людей, необходимых для облавы, будут выданы билеты, и что деньги будут уплачены только по числу билетов. Такое распоряжение служит единственной гарантией к тому, чтобы вместо нужных 60—70 человек на облаву не явилось 150.

Немалое значение для определения требуемого количества людей имеет погода: очень сильный ветер и густой навес в лесу заставят увеличить людей в облаве, так как ветер относит крики загонщиков, а при густом навесе звук раздается чрезвычайно глухо.

На обязанности распорядителя охоты лежит необходимость заранее расспросить окладчика о том, каким образом обложен медведь, сколько петель было

вырезано окладом, выхожены ли петли, известна ли точно пята и куда смотрит пята оклада. Пята должна смотреть всегда на север и только такое положение может дать полную уверенность в том, что это и есть пята. Если же окладчик определяет положение пята на восток, юг или запад, то это означает только, что окладчиком за пята принята петля.

Очень важно для распорядителя знать предварительно, какой лес в окладе, густой или редкий, в особенности у пята или левее пята; нет ли ручья, болотца, кряжей и, кроме того, каких бы то ни было возвышенностей.

С вечера же, т. е. накануне охоты, следует выяснить, — если пята установлена, — можно ли подвести облаву прямо к вершине оклада, предполагая, что основанием его будет пята. Вопрос этот весьма важен ввиду того, что лучшая заводка облавы должна быть признана сразу на два крыла в то время, как номер или номера будут уже стоять на месте. Благодаря такой заводке, если потревоженный зверь и выскочит еще до начала крика, то во всяком случае на правильно выбранный номер; в том же случае, когда приходится подводить облаву одним боком и зверь окажется лежащим как раз под ним, охота может быть испорчена вследствие того, что зверь, хотя и немногочислен, но все же уклонится от своего законного пути и проскочит мимо номеров.

Последнее, что остается сделать с вечера, — это распорядиться, чтобы были приготовлены десятка полтора белых балахонов. Эти балахоны надевают обыкновенно крестьяне поверх

своих овчинных шуб, когда отправляются в лес и «в заделье». Необходимо также заказать нужное количество одиночек, запряженных в дровни. Дровни уже и легче розвальней, копылья у них выше, вообще на них можно проехать положительно всюду, где только пройдет лошадь.

Подъехав к собравшимся на облаву загонщикам, нужно пересчитать их и отобрать в «крыловые» или «молчуны» людей «наиболее надежных и опытных, преимущественно зрелого возраста. Крыловые должны быть непременно одеты в белые балахоны, а шапки у них должны быть обмотаны белыми платками. Количества крыловых находится в прямой зависимости от числа стрелков; при одном номере всего лучше ставить по 10 крыловых молчунов на каждую сторону. На более частом месте крыла и народ ставится чаще, и наоборот.

Иногда и не одна чаща вызывает необходимость разместить крыловых в неодинаковом количестве. Так предположим, что номер назначен на тропинке, а в нескольких шагах от него, с правой стороны, тропинку эту перпендикулярно пересекает просека; если поставить по обоим крыльям от номера по одинаковому количеству крыловых молчунов, то получится следующее: первый крикун после последнего крылового с левой стороны на той тропинке, на которой стоит охотник, будет кричать как раз в меру, тогда как стоящий на той же дистанции от номера с правой стороны, но уже под прямым углом к нему на просеке, будет кричать слишком близко и будет до известной степени отпугивать зверя. Ясно, что в таком случае правое крыло должно быть снабжено большим количеством молчунов, тогда как на левом — число их может быть даже уменьшено.

При двух, трех и более стрелках можно ставить меньше крыловых, но их никак не должно быть менее, как по 6 человек с каждой стороны.

Когда крыловые отобраны, они отходят в сторону от общей толпы облавы в ожидании, пока будет произведен выбор «ершей».

Ерши требуются при очень больших окладах, не лишни и при окладах средней величины. Они составляют собою также облаву, но внутреннюю, более близкую к берлоге, более редкую и главное — подвижную; тогда как наружная облава окружает оклад неподвижным кольцом.

Понятно, что опытные ерши чрезвычайно важны. Количество ершей зависит от качества оклада, густоты его и ширины. Нужно рассчитывать так, чтобы ершей при прохождении ими оклада на каждые 40 сажень приходилось приблизительно по одному.

Затем нужно назначить двух заводчиков, которым следует объяснить их обязанности, а именно: по приказанию

они должны вести собравшихся для облавы загонщиков к вершине оклада; здесь заводчики расходятся и ведут каждый за собою свое крыло облавы, один налево, другой — направо, с тем расчетом, чтобы кончить расстановку облавы у последних крыловых.

При обходе оклада полезно посматривать на компас, который лучше всего показывает фигуру оклада. Входной след, то есть пята, следует также проверить компасом: настоящий входной след всегда смотрит на север, отклоняясь иногда в ту или другую

Крендовский Е. Ф. Сборы на охоту. Масло, 1836 г. Государственная Третьяковская галерея.

Оставив ершей и загонщиков на месте, распорядитель берет с собою крыловых и ведет их на оклад. У самого оклада оставляет крыловых под надзором надежного человека, а сам вместе с окладчиком начинает обходить оклад, осматривая места всех петель, обрезанных окладчиком, а равно и пята, проверяя на месте все полученные накануне сведения, то есть нахождение ручьев, направление, в котором они лежат, расположение оврагов, кряжей и склонов, если таковые имеются.

сторону до 15°. Это и есть законная пята; ее именно и нужно искать, проходя мимо всех петель, не отвечающих этим условиям.

Предположим, что пята, указанная окладчиком, действительно настоящая, но что довольно значительный ветер дует как раз с номера в оклад. В таком случае выбирать место надо левее пята и идти влево до тех пор, пока ветер не станет по отношению к охотнику боковым, то есть таким, при котором зверь может быть выставлен на охотника. Не

следует здесь становиться на чистой поляне; для хорошего стрелка коротке можно выбрать место даже в чаще; стрелок средней руки может стать в лесу средней густоты. Крупный медведь избегает очень плотной чащи, как равно и чистых мест, медведь же средний и мелкий может одинаково выйти и плотным местом и относительно чистым, но вернее тем, которое будет ближе к точке, где ветер не может нанести запаха охотника на зверя. Мелкая медведица с лончаками и пестуном идет в большинстве случаев самой плотной чащей и ломом.

В случае, если местность против пяты подымается от стрелка и довольно значительно, нельзя становиться на пяте, а опять надо подаваться левее к тому месту, где этот подъем сглаживается или, еще лучше, где переходит в низину, поросшую лесом. В таком месте, где крупный лес соединяется с мелким, зверь идет всегда той или другой стороной линии соединения, то есть спайкою леса.

Вообще мне приходилось всегда наблюдать, что в случае, если условия пяты не допускают удобного выхода зверю, то зверь свой выход уклоняет от пяты влево (глядя от стрелка), и лишь в редких случаях вправо. Например, если налево от пяты вблизи находится поле и охотник не может уйти на надлежащее расстояние от ветра, двигаясь по этому направлению, тогда приходится стать на номер правее пяты, принимая во внимание те же данные, о которых говорилось выше, при выборе места налево от пяты.

Иногда оклад состоит из чередующихся полос редкого и густого леса; полоса густого леса, чаще которого дает некоторые просветы, и есть полоса, типичная для лаза зверя.

Моховое болото, поросшее смешанным лесом и окаймленное с двух сторон более возвышенными грядами, поросшими бором, представляет также излюбленный ход зверя.

Зверь охотнее идет из оклада в гору, чем под гору. Поваленных деревьев, кое-где разбросанных по окладу, медведь не боится и легко справляется, перебираясь через них; мелкий зверь любит ходить за такими деревьями, вдоль них, высматривая оттуда облаву.

Внимательный осмотр местности впереди и с боков номера лицом, устанавливающим номера, не избавляет, однако, и лицо, стоящее на номере, от необходимости знать также, какие места лежат за его спиной. Дело в том, что зверь, подходя к номеру уже сравнительно близко и неожиданно увидая за ним сплошной нагроможденный бурелом, часто не идет в бурелом, а бочит в ту или другую сторону. Причина такого движения зверя понятна: уходя из облавы и наметив себе место, где ее прорвать, медведь старается лишь о том, как бы скорее уйти, и выбирает более удобные для хода

места. Только мелкая медведица с лончаками может сделать промах и забраться в бурелом, который несколько человек на лыжах могут быстро обежать по чистым местам и погнать зверей обратно в оклад.

По выборе номеров распорядитель посылает окладчика за крыловыми и стрелками, которых расставляет по намеченным местам.

Осмысленная работа крыловых в деле охоты составляет одно из необходимых условий всякой удачной облавы. Роль их крайне важна, в особенности при стрелковой линии с одним или двумя номерами, когда каждый из крыловых заменяет недостающих стрелков. Если позволяет местность, то крылья всего лучше выравнивать таким образом, чтобы линии их представляли как бы крылья только что закинутого невода и чтобы номера разместились именно в том месте, где находилась мотня невода.

Крыловой должен быть человеком надежным, то есть не пугаться медведя и не кричать тогда, когда этого совсем не нужно: стоя на месте, он должен все время молчать, изменяя этому правилу лишь в том случае, когда зверь явно выражает желание прорвать облаву.

Вообще при установке крыловых необходимо каждому из них объяснить, что от него требуется, а именно: стоять тихо, не делать никаких резких движений, ни под каким видом не курить, не кашлять и не разговаривать с соседом. Крыловых ближайших к номерам, следует прятать за деревья во избежание того, чтобы неудачным движением, при виде медведя, они не отпугнули его обратно в оклад. Медведь, идущий по направлению к номерам, идет правильно даже в том случае, когда проходит от крылового в каких-нибудь 10 шагах, лишь бы крыловой не шевелился, что и нужно растолковать ему.

Всякий крыловой с правой стороны от номера должен беречь медведя, идущего к нему на штык или находящегося от него с левой руки; крыловой же левого крыла должен точно так же беречь как встречного медведя, так и находящегося с правой руки.

В случае, если медведь вывалит на крылового, стоящего за прикрытием, то крыловой должен напустить его на себя шагов на 15, самое большое — на 20, и затем выйти из засады для того, чтобы зверь заметил его, но не кричать ни под каким видом, чего также не должны делать и ближайшие к номерам крыловые. Если зверь продолжает напирать, то крыловой должен захлопать в ладоши, свистнуть или ударить несколько раз по дереву; еще лучше, если это сделает его сосед, стоящий дальше от номеров.

Таким образом зверь будет лишь приостановлен и направлен не обратно в оклад, а по направлению к номерам, если, конечно, и остальные крыловые продолжают молчать и не мешают

выходу зверя на номера. Вообще в таких случаях от крыловых следует требовать не крика, а лишь легкого шума.

Примерная работа хороших крыловых такова: медведь выскочил на пятого крылового правого крыла; заметив зверя, этот крыловой напустил его на себя на 20 шагов, вышел из засады, произвел легкий шум и, не осаживая, так сказать, медведя, заставил его лишь побоочить в сторону номеров. Проскочив благополучно мимо четвертого крылового, медведь снова повернул на третьего; тогда должен подняться четвертый и дать о себе знать; это заставит медведя продолжать опять ход по прежнему направлению. Передавая таким образом зверя с рук на руки, умелые крыловые вынесут его, так сказать, на руках на номер. Особенно должны быть надежны ближайшие к номерам крыловые, главным образом первый от номера, мимо которого зверь иногда проходит в каких-нибудь 5 шагах, направляясь на рядом стоящий номер. Ненадежному и неопытному крыловому не выдержать такой близости зверя.

Весьма важно предупредить крыловых, чтобы они в том случае, когда медведь ранен, ни под каким видом не пытались остановить его, а, наоборот, старались бы стоять без малейшего движения, так как раненый зверь бросается на первого, преградившего ему дорогу, и проскакивает мимо вблизи неподвижно стоящих, одетых в белое людей, не замечая их.

Работа ершей при среднем и большом окладах имеет чрезвычайную важность, почему в ерши должны идти люди смелые, сообразительные, проворные, хорошие ходоки на лыжах. Заводить ершей нужно не ранее, как 10—15 минут спустя после начала крика облавы; иногда и в большом окладе зверь может тронуться без ершей, следовательно, тогда в работе их не окажется надобности. Заводка начинается всегда с вершины оклада; ерши идут по окладу ровно, немного мешком посредине, соблюдая между собою известные промежутки и все время обязательно переключаясь; если виден след медведя, то один из ершей должен непременно идти следом. Ерш, идущий посредине оклада, легко может сбиться с верного направления, так как до него не всегда доходят крики облавы; часто поэтому необходимо, чтобы посредине шел человек, хорошо знакомый с местностью оклада и способный следить за тем, чтобы крылья шли ровно и никауда не заваливались. Ерш, встретивший по дороге место поплотнее, годное для лежки зверя, должен криком предупредить об этом своих соседей, а те, в свою очередь, должны передать о том же середине и следующему крылу, дабы остановить на некоторое время движение всей

линии ершей, которые в таком случае продолжают кричать, стоя на месте. Такая короткая остановка дает возможность ершу, нашедшему подходящее для лежки медведя место, основательно обыскать это место вместе с соседними ершами.

Фланговые ерши должны идти все время вдоль крыльев облавы в таком расстоянии от нее, чтобы слышать крик крыла и иметь возможность передать облаве нужные известия и распоряжения. Если один из ершей обнаружит

произойти несчастий, должны немедленно выходить на соответствующие ближайшие крылья облавы.

В оклад, где остался раненый медведь, после того, как ерши уже вышли на фланги, следует спустить собак, заводя их в лоб номеру или наискось — на ветер.

Если форма оклада очень неправильна, то следует все неровности и выдающиеся мыски оклада обрезать и на обрез этот передвинуть соответствующую часть облавы. Таким образом весь

уже исподволь заставляя кричать и боба облавы.

Считаю не лишним дать несколько советов самому стрелку. Когда стрелок поставлен на номер, он должен прежде всего наметить по деревьям ту линию, по которой стоят соседние стрелки (или крыловые, если он один), чтобы в точности знать, напуская зверя между собою и соседом, до какого места можно стрелять, не рискуя никого поранить.

Никогда не мешает на своем номере,

Сверчков Н. Везут убитого медведя. Масло. Музей коневодства, Москва.

берлогу, то сейчас же оповещает об этом других, которые, однако, не должны бросаться к нашедшему, а должны только немного пододвинуться к нему и, стоя на месте, продолжать усиленно кричать.

Как только медведь тронется, ерши должны идти дальше, приближаясь к линии, на которой стоит номер. Я враг всяких холостых выстрелов.

При первом выстреле на линии стрелков ерши, во избежание возможных

оклад сгладится, размеры его уменьшатся, и он получит хорошую форму.

При маленьких окладах с небольшой облавой, когда редко приходится пользоваться ершами, облава должна кричать в полголоса для того, чтобы зверь исподволь мог послушаться и спокойно выйти на номера.

При узком и длинном окладе, если номер находится на одном из узких его краев, следует начинать крик в одной только вершине облавы в течение приблизительно 10—15 минут, а затем

если нет подходящего естественного закрытия в виде небольшого выворота или пня, сделать закрытие искусственное, то есть устроить шалашку, придав ей вид естественного закрытия, так как зверь, в особенности крупный, чрезвычайно внимателен ко всем ненормальностям леса. Можно также воткнуть перед собою несколько елочек, хотя бы они и закрывали охотника только по пояс. Если номер приходится на болоте, покрытом редким лесом, то лучше самому стрелку врыться в снег, насыпав

перед собою небольшой валик из снега, могущий заменить шалашку.

Запасное ружье, стоя на номере, нужно прислонить к деревцу или пеньку. Снег под собою следует хорошенько утоптать, чтобы ноги не вязли и чтобы при стрельбе снег неожиданно не оседал. Лыжи надо держать возле себя несколько засунутыми в снег и припорошенными.

Никогда не следует сбивать снежный навес со стоящих впереди номера деревьев, хотя бы это и казалось необходимым для удобства стрельбы. Крупный зверь, в особенности уже бывавший в облаве, подозрительно отнесется к деревьям, лишенным навеса, и резко выделяющимся своим темным цветом среди всех других, осыпанных снегом.

Если чаща очень плотна, можно подрубить несколькими короткими и сильными ударами ножа две-три елочки, но во всяком случае сделать это нужно лишь после того, как облава будет замкнута. Надо стараться также, чтобы против номера не было никаких следов; по девственно чистому снегу медведь идет доверчивее за исключением тех случаев, из которых я буду говорить особо.

В ожидании зверя необходимо стоять совершенно спокойно, не делая никаких резких движений, внимательно всматриваясь и прислушиваясь ко всякому шороху. Полезно обращать внимание на навес деревьев: часто зверь, пробираясь мелочами, покрытыми снегом, кое-где осыпает с них навес. Но бывают и такого сорта звери, что подойдут вплотную к стрелку, пройдя густыми зарослями и не произведя ни малейшего шороха, не сбив ни одной снежинки, так, что даже опытный охотник часто успеет заметить его лишь в нескольких шагах от себя. Такой зверь очень опасен.

При глубоких снегах существует способ заставить медведя выйти на заранее выбранный номер, причем медведь обязательно придет к самым ногам стрелка при том лишь условии, чтобы стрелок стоял, конечно, на той стороне оклада, по которой пролегла пята. Способом этим возможно заставить медведя значительно уклониться от его законного пути, лишь бы местность, на которой будет выбран номер, мало-мальски отвечала медвежьему лазу. Делается это таким образом.

От номера, на который вызывается медведь, в середину оклада прокладывается лыжня длиною, смотря по величине оклада, от 15 до 25 сажен. От конца этой лыжни перпендикулярно к ней проводится другая лыжня, но, конечно, связанная с первою. Концы этой второй лыжни должны быть несколько загнуты в оклад, благодаря чему вся фигура этой второй лыжни будет напоминать нам дугу. Теперь остается только связать концы этой дуги новыми лыжницами с тем же

номером, от которого проведена в оклад первая лыжня.

Медведь, попав на дуговую лыжницу, обязательно воспользуется ею и пойдет по ней, а затем свернет на один из радиусов, связывающих дугу с наметленным номером.

Основным правилом всякой стрельбы медведя на облаве должно быть: напускать зверя на себя как можно ближе. Если зверь идет на стрелка, то его можно напускать хотя на пять шагов, потому что бить медведя на пять шагов значительно безопаснее и умнее, чем на десять, а тем более на дальние дистанции. Вообще встречного медведя, стрелять далее 12—15 шагов ни в каком случае не рекомендую.

Стрелять медведя нужно только в голову, так как лишь эта пуля, безусловно, кладет зверя на месте и наповал. Все остальные места условны, и я никогда не рискну рекомендовать их.

Выстрел под лопатку кладет зверя на месте исключительно редко, и выстрел по голове, как это ни странно, на самом деле все же будет вернее, определеннее и даже легче, чем выстрел под лопатку. Кроме передней части головы медведя, то есть рыла и нижней челюсти, вся остальная часть головы представляет сплошь убойное место, по размерам вполне достаточное, как цель, даже у небольшого медведя, не говоря уже о крупном. Под лопаткой же, кажущейся такой большой, убойным местом является только сердце, положение которого не всегда, во-первых, стрелком может быть точно и строго определено, во-вторых, сердце само по себе несколько не больше, а даже меньше головы зверя. Я повторяю, медведя, и лучше всего всякого, нужно стрелять исключительно в голову.

Заметив зверя, направляющегося левее или правее номера, стрелок повертывается в надлежащую сторону плавным, незаметным движением, плавно и вместе с тем покойно подводя приклад ружья к плечу. Напустив зверя до той точки, дальше которой выстрел может быть не безопасен для стрелковой или крыловой линии, причем точка эта должна быть заранее определена, нужно покойно целиться медведю в голову.

Если зверь идет не на штык, а наискось стрелку, то и в этом случае следует напустить на себя зверя как можно ближе, так как при пулевой стрельбе на близком расстоянии нет надобности целить даже быстро несущегося зверя много вперед.

Второй выстрел необходимо беречь до последней крайности. После выстрела надо стоять на месте, не делая никаких резких движений: белая одежда и полная неподвижность делают стрелка незаметным для зверя. Вторым выстрелом надо владеть лишь намеряя, напустив зверя хотя бы на два

аршина; чем ближе стрелять, тем лучше и безопаснее.

Зверь, раненный на дальней дистанции, всегда лучше рассмотрит стрелка и скорее бросится на него, чем зверь, раненный чуть ли не рядом с ним стоящим охотником.

Если зверь ранен тяжело и ползет перед номером, не следует торопиться разряжать по нем второй ствол, напротив, не спуская с него глаз, нужно зарядить сначала вновь правый ствол или переменить ружье на запасное, в котором две пули, и затем уже можно добывать раненого зверя опять-таки лишь в голову.

Когда в окладе окажется медведица с лончаками и пестуном, то лучше всего, конечно, если медведица выскочит наперед и будет убита. Медвежат же, годовиков, в таком случае можно всех перебрать живыми с помощью хорошей собаки-лайки.

Если медведица вышла на номер без лончаков и убита, то лончаки, значительно отстав, продолжают путаться по окладу, ища убитую мать. Путешествуя по окладу, медвежата часто возвращаются к своей берлоге. Зная этот обычай, я отправляюсь обыкновенно сам на берлогу или посылаю кого-нибудь, приказывая подпускать медвежат поближе к берлоге и затем отпугивать их от нее самым решительным образом. Медвежата, потревоженные на середине оклада, на своем гнезде, выбирают, наконец, на следы матки и ими выходят на стрелковую линию.

Иногда только что ошетинившаяся медведица очень неохотно идет на номер, продолжая путаться по окладу. Если облава дружна и опытна в деле, то есть не выпустит зверя из оклада, то можно и к медведице применить тот же способ, какой применяется к лончакам. У меня было несколько случаев, когда такая медведица возвращалась обратно к своей берлоге, в которой я сидел, поджидая ее. Я не думаю, чтобы это делало зверем из любви к детям; по крайней мере в тех случаях, которые были со мной, медведица не шла прямо на берлогу, а проходила мимо шагах в 10—12, прекрасно слыша отчаянный визг начинающих мерзнуть медвежат.

Всякий другой медведь вообще никогда не возвращается назад на свою берлогу.

В том случае, когда на стрелковую линию выскочит пестун и лончаки раньше медведицы, стрелять их никогда не следует, не убив сначала матери. Крыловые и стрелки должны стараться отпугнуть их от себя, так как медведица, идущая вслед за ними, услышав выстрел, непременно вернется обратно в оклад. Кроме того, бить медвежат, вышедших на номер вместе с маткой, опасно в том случае, если стрелок не уверен, что убьет медведицу тотчас после лончаков.

Охота в России: Справочник.
М.: Россия, 1992.— 100 000 экз.
160 с. ил.

Справочник для охотника-любителя, подготовленный крупнейшими российскими специалистами в этой области М. Блюмом, Л. Гибет, А. Тихоновым, открывается новыми «Правилами охоты». Издание содержит сведения о различных видах охотничьих ружей, амуниции, снаряжении патронов. Отдельный раздел посвящен охотничьему собаководству: породы собак, методы их выращивания, дрессировки, натаски. Из глав, посвященных зверям и птицам, читатель узнает об их повадках, реакции на опасность, скорости бега и полета. Увлекательно рассказывается о способах охоты на зверей и птиц с различными породами собак, подманивания волков, лисиц, уток и другой живности.

Деменко Михаил. Тропой уссурийского тигра. Записки бывшего таежника.— М.: Россия, 1992.— 100 000 экз. 300 с.

Эта книга — своеобразная лесная поэтическая грамота, из которой узнаешь много интересного и поучительного о жизни таежных обитателей: о полосатом «пастухе» — амурском тигре, об изобретательном барометре, о кабанах-будильниках, о траве-синоптике, о чуде-корне женьшеня, о плантации Дерсу Узала...

Мищенко А. П. Большая охота: Роман — М.: Община, 1992.— 10 000 экз. 176 с.

Главный герой романа, охотник-немец, промысловик, и его друг-буриат неожиданно стали свидетелями браконьерской охоты на лося с вертолета. Обнаружив в тайге подранка, они, следуя охотничьей этике, погнались за зверем добыть его, чтобы тот не мучился. Обстановка для охотника и его спутника складывается драматически, почти детективно.

Основная мысль книги — взаимоотношения человека с природой, который до того в ней «доцарствовал», что подранком стала уже вся Земля.

Экология промысловых животных Сибири. Сб. научн. ст.— Изд-во Краснояр. ун-та, 1992.— 800 экз. 160 с.

В сборнике научных статей, который продолжает серию трудов Сибирского отделения ВНИОЗ, опубликованы материалы исследователей, изучавших в течение ряда лет экологию, экологическую морфологию, этологию и промысел марала, косули, сибирского горного козла, других копытных, а также бурого медведя, грызунов, куньих, зайцеобразных, тетерева. Многие статьи содержат рекомендации по рациональному использованию и восстановлению ресурсов ценных и редких зверей.

Для читателей журнала особый интерес представляют работы «Бурый медведь в Средней Сибири» А. Зырянова и М. Смирнова, «К экологии марала Западного Саяна» Б. Завацкого, «Экология миграционного процесса у сибирской косули» М. Смирнова и «К определению возраста у тетерева» Г. Кельберга.

ВОПРОС: Какая помощь от государства предусмотрена безработным?

С. ВЕСЕЛОВ

Ульяновская обл.

ОТВЕТ: Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 1992 г. «О мерах по социальной поддержке граждан, потерявших работу и заработок (доход) и признанных в установленном порядке безработными» предусмотрен ряд мер по оказанию помощи безработным. В частности, органы государственной службы занятости населения за счет государственного фонда занятости населения оплачивают период временной нетрудоспособности безработным в размере установленного, для них пособия по безработице, исходя из фактического количества дней нетрудоспособности, но не свыше 30 календарных дней. Если же работник заболел в течение месяца после увольнения с работы по уважительной причине, например сокращение штатов, и проболел более месяца, то в этом случае оплата периода временной нетрудоспособности производится за счет средств фонда социального страхования по прежнему месту работы или его правопреемника.

Если инвалиды 3-й группы, получающие трудовую пенсию, потеряли работу в течение 12 предшествующих месяцев до момента признания их безработными, то пособие по безработице они получают в размере минимального заработка, установленного законом. Женщины, потерявшие работу и заработок (доход) в связи с ликвидацией или реорганизацией предприятий (учреждений, организаций) в предшествующие 12 месяцев до дня признания их безработными, получают оплату за период отпуска по беременности и родам в размере минимального уровня оплаты труда от органов социальной защиты населения.

Указом предусмотрена возможность досрочного выхода на пенсию, при условии, что выработан общий трудовой стаж, дающий право выхода на пенсию по старости, безработный в течение 5 лет до дня признания его таковым не имел перерыва в трудовой деятельности более 12 месяцев. На пенсию можно уйти не ранее чем за 2 года до достижения установленного законодательством срока по предложению органов государственной службы занятости.

ВОПРОС: У меня трое детей. Муж работает штатным охотником. Многодетным семьям сейчас жить трудно. Прошу разъяснить, какие в последнее время приняты меры по оказанию помощи таким семьям.

В. СЕМИНА

Красноярский край

ОТВЕТ: Да, такие меры приняты. Например, Указом Президента Российской Федерации от 5 мая 1992 г. «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» предложено правительствам республик в составе Российской Федерации, органам исполнительной власти краев, областей, автономных образований, городов Москвы и Санкт-Петербурга установить для многодетных семей скидку в размере не ниже 30 % установленной платы за отопление, воду, канализацию, газ и электроэнергию, а для семей, которые проживают в домах, не имеющих центрального отопления, — от стоимости топлива, которое приобретается в пределах норм, установленных для продажи населению на данной территории. Предусмотрена бесплатная выдача лекарств, приобретаемых по рецептам врачей, для детей в возрасте до 6 лет; бесплатный проезд на внутригородском транспорте (трамвай, троллейбус, метрополитен и автобус городских линий (кроме такси), а также в автобусах пригородных и внутрирайонных линий для учащихся общеобразовательных школ; дети в дошкольные учреждения принимаются в первую очередь; предусмотрено бесплатное питание (завтраки и обеды) для учащихся общеобразовательных и профессиональных учебных заведений; бесплатное обеспечение школьной формой либо заменяющим ее комплектом детской одежды для посещения школьных занятий, а также спортивной формой на весь период обучения детей в общеобразовательной школе. Один раз в месяц дети из многодетных семей могут бесплатно посещать музеи, парки культуры и отдыха, а также выставки. Указом предусмотрено первоочередное выделение многодетным семьям садово-огородных участков в размере 0,15 га. Указом предусмотрены и другие меры по социальной поддержке многодетных семей.

На вопросы отвечает

ст. советник юстиции Н. Астафьев

ВЕСНА В ПУТОРАНАХ

1

1. Водопад на реке Ирkinда. 2. Белая куропатка. 3. Пutorаны. 4. Тундрьяная куропатка.

5. Полярная крачка на гнезде. 6. Молодой зимняк.

6

Фото С. Курникова

4

5

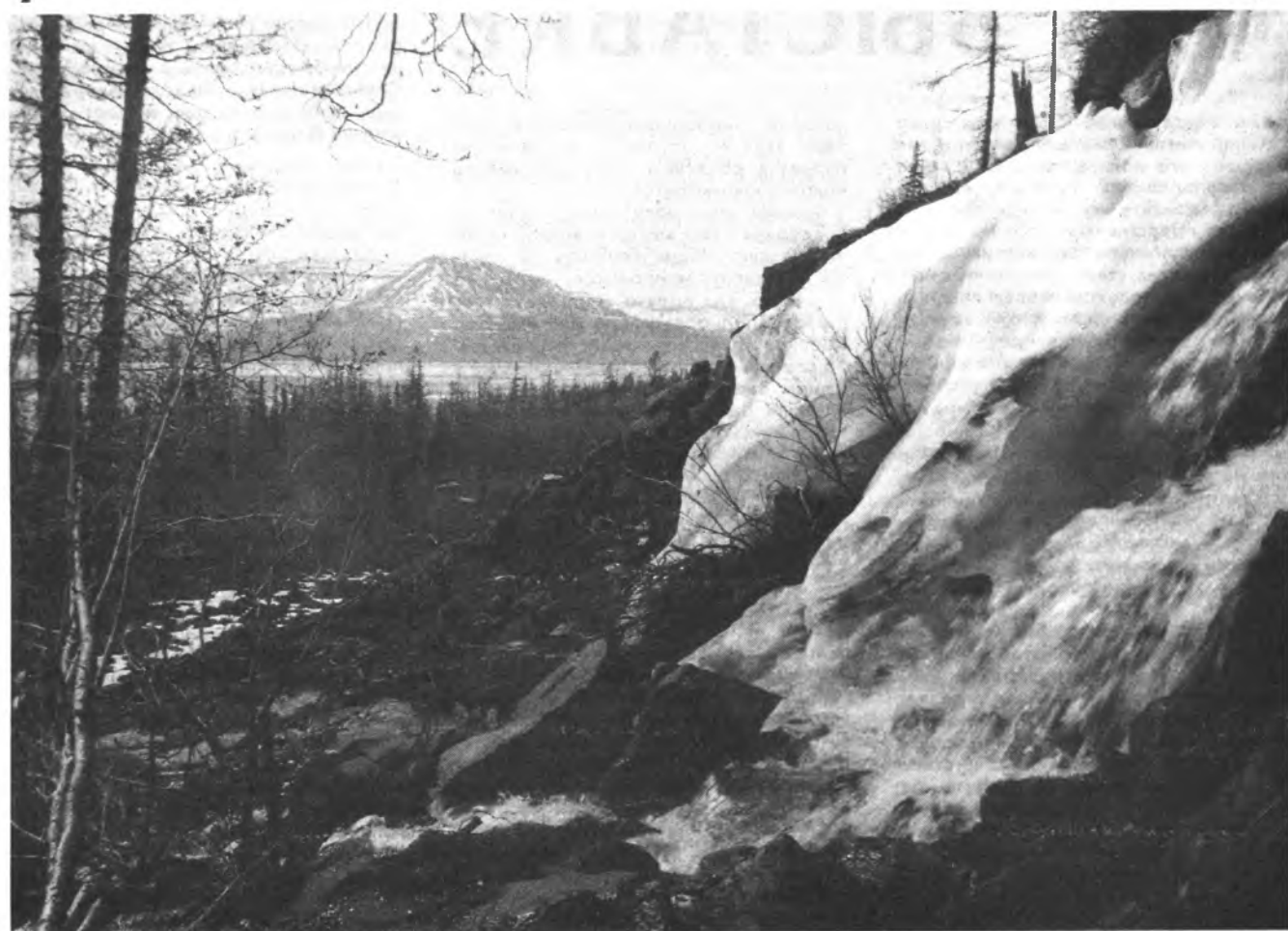

Фото А. Калашникова.

ТАКСА НА ВЫСТАВКЕ

М. МУРОМЦЕВА,
эксперт республиканской категории

Конечно, можно было бы сразу перечислить «маленькие хитрости» выставочного показа таксы, и на том ограничиться. Но... Прежде чем это сделать, давайте все же поговорим о том, что представляют собой экстерьерные ринги наших охотничьих выставок и каков их статус. Выставки охотничьего собаководства означены как племенные мероприятия, призванные, помимо демонстрации достижений, оказывать содействие в племенной работе с породами, облегчая отбор производителей (мы имеем в виду в данном случае экстерьер). Именно такова цель оценок, выставляемых собакам на экстерьерных рингах выставок.

В таком случае племенную ценность экстерьера собаки, ее сложение и стати опытный эксперт обязан определить независимо от того, умеет ли собака хорошо ходить на поводке, умело ли управляет ею хозяин. Или экстерьерные ринги охотничьих собак — это конкурс красоты по аналогии с выставками-шоу любительских клубов? Такое мнение тоже приходится слышать нередко. Но тогда почему зачастую «прощают» собакам невыставочную кондицию, плохой, неухоженный вид, отсутствие темперамента, неумение ходить по команде «рядом»? Прощают, мотивируя тем, что эти «недостатки» не влияют на племенное использование собак и по наследству не передаются. Вот и получается смешение «французского с нижегородским». А необоснованную или малообоснованную оценку,

которую невалифицированный эксперт взял «с потолка», он зачастую пытается объяснить тем, что собака «плохо показывается».

Бурный рост популярности такс за последние годы застал врасплох кинологическую общественность, в частности экспертов-нормировщиков, особенно на местах, где вместо одной-двух такс стало экспонироваться до 20—30 собак. Высокопрофессиональные специалисты по породе становятся необходимыми в нашем охотничьем собаководстве, но их пока единицы. Немногочисленные ранее таксы традиционно «обслуживались» экспертами-фоксятниками, которые преобладали среди судей-нормировщиков. Иногда несколько такс «подкидывали» гончатникам, легашатникам, лаечникам. Эти времена безвозвратно ушли.

И еще. С московской выставки 1990 г. мы уходили очень поздно, когда и долгий июньский вечер подходил к концу. В парке сгустились сумерки, а с ринга такс все еще доносился лай собак. На экспертов, судивших эти ринги, «пришлось» значительно более чем по сотне собак. Так о какой экспертизе — племенном ли мероприятии, шоу ли? — приходится говорить, когда эксперт получает такую нагрузку? Когда он не то что собак не видит — он себя не помнит. Чем кроме как чистой формальностью можно назвать такую экспертизу? Конечно, подобные нагрузки бывают лишь на крупных выставках, но оправданы ли они? Приносит ли пользу

собаководству такое судейство? Помогает ли в племенной работе? И наконец, оправданы ли и мотивированы такие оценки? Да и места в больших рингах зачастую — давайте начистоту! — плюс-минус пять, а то и десять собак. Доведенный к концу дня до крайней степени усталости иной эксперт машет рукой: «Да какая разница — десятый, пятнадцатый?!»

Выставки охотничьего собаководства проводятся обществами раз в году. Любительские выставки-шоу такой жесткой регламентацией не ограничены — их устраивают в любое время года, арендуют закрытые помещения, взимают высокую плату за участие и вход, делая эти мероприятия коммерчески очень выгодными. Очень важно, как показывается собака, как демонстрирует ее ведущий, умеет ли он это делать вообще. Поэтому-то из уст иностранных экспертов часто слышится слово «драйв» (в данном случае — «управлять собакой», уметь водить ее).

На охотничьих выставках, особенно в местах, далеких от крупных центров, слова «выставочный показ» имеют какой-то таинственный, недостижимый смысл. И наивно выглядят попытки эксперта за пять минут до ринга научить владельцев наиболее выигрышно показать своих питомцев. Остается только пожелать, чтобы на редких, долгожданных, проводимых раз в год охотничьих выставках собаки выглядели наилучшим образом, умели бы «показываться», а владельцы управлять ими, чтобы сам процесс экспертизы пошел на благо породе.

Итак, такса на экстерьерном ринге. Сначала о самом ринге. Это относится к организаторам выставок. Они должны иметь в виду, что такса — самая маленькая охотничья собака, и в траве не видно не только ее конечностей, но и самой собаки. Поэтому ринги, предназначенные для экспертизы такс, должны в идеале иметь асфальтовое покрытие. Подойдет также мелкий гравий на стадионе или утоптанная земля. Выкошенная трава не дает возможности досконально и тщательно рассмотреть конечности, их строение, что для оценки такс имеет большое значение. Первоначальный осмотр лучше и удобнее всего производить на столе. Осматривать такс в движении и в статике — на гладкой поверхности ринга.

Остальное зависит от владельца: будет ли его собака выведена на ринг в наилучшем виде (кондиция, состояние шерсти, общий настрой) и насколько хорошо он сможет показать ее экспертам и зрителям. В первую очередь внешний вид вашей таксы должен быть приведен в максимальный порядок. Гладкошерстных собак накануне хорошо бы расчесать расческой с мелкими зубцами или щеткой и протереть сушкой или кусочком замши. Ни в коем случае не купайте «гладкую» собаку ни перед выставкой, ни утром до начала экспертизы — даже если день очень жаркий, а поблизости находится водоем, столь соблазнительный своей про-

хладой. Шерсть хорошо одетых гладких такс, намкнув, начинает волниться, и эта волна может оставаться какое-то время после полного высыхания собаки. Длинношерстную таксу также следует расчесать. Длинношерстные таксы очень плохо смотрятся, когда намокают. Подвес на хвосте, оцесы на тыльной стороне конечностей — краса и гордость длинношерстной собаки — намкнув, слипаются в сосульки, собака теряет эффективность и не может продемонстрировать один из своих основных породных признаков — шерсть в полном блеске. Поэтому в дождливую погоду во время выставки «длинную» таксу до ринга лучше оберегать от намокания.

Жесткошерстную таксу тоже нужно расчесать, но таким образом, чтобы шерсть на корпусе, конечностях и хвосте как можно более плотно прилегала к телу, а брови, борода и усы начесать так, чтобы собака приобрела характерный вид. Из шерсти удаляйте все посторонние предметы. Остриженная перед выставкой шерсть, согласно стандарту, дисквалифицирует собаку. Обязательно промойте собаке глаза. Перед выставкой нужно также укоротить излишне отросшие когти. Итак, ваша чистая с блестящей шерстью такса выглядит аккуратно и ухоженно. Перед началом ринга как следует выгуляйте собаку, чтобы она не опорожнялась во время экспертизы.

Следующей неотъемлемой частью выставочной демонстрации является умение собаки показываться в движении и в стойке. Приучить ее спокойно ходить рядом, не натягивая поводка, — прямая обязанность владельца. Такса, которая передвигается дикими прыжками, «душит» на поводке, выгибая спину, агрессивно бросается на соседей, демонстрируя свои «цепные» наклонности, или, наоборот, жмется к ногам хозяина, поджимает хвост, выказывая явную робость, вряд ли может рассчитывать на высокое место. Правильность движения (а следовательно, его аппарата — конечностей, линии верха) играет в этой породе очень важную роль. Невозможность правильно оценить характер движения таксы из-за ее полного неумения спокойно ходить и вести себя дает эксперту право снизить экстерьерную оценку.

Поэтому в курс элементарной общей дрессировки таксы необходимо включить и выработку навыков двигаться при скоплении собак и людей весело, быстро, но собранно, находясь под полным контролем ведущего. Кроме того, таксу надо научить хорошо показываться в стойке, то есть стоять в таком положении, в котором она выглядит наиболее выигрышно. У таксы нет такой напряженной и энергичной стойки, как у фокстерьера. Однако и такса в статике должна выглядеть собранной, с гордо поднятой головой, хорошо растянутым корпусом и правильным постановом лап. Такую позу такса принимает при концентрированном внимании — она вытягивается в струн-

ку, шея высоко поднята, уши широкой стороной полностью обращены вперед. Отличная осанка! Наиболее выигрышно углы сочленений задних конечностей смотрятся, когда плюсны находятся вертикально поверхности или чуть подставлены под себя. Напряженную, собранную позу такса может принять при виде другой собаки. Но... при этом она так же напряженно держит хвост, который зачастую слишком высоко задирает. Поэтому к наиболее выигрышной для вашей собаки позе приучайте ее, независимо от обстановки.

На современных выставках таксу все чаще начинают осматривать на столе, что совершенно правильно, так как это позволяет тщательно осмотреть маленькую собаку, отмечая все детали. Опыт показывает, что лишь единичные таксы спокойно ведут себя на возвышенной от земли поверхности. К осмотру на возвышении таксу надо приучать с раннего возраста. Щенка ставят на стол и сначала дают ему возможность полностью освоиться в незнакомой обстановке. Затем собаку удерживают в стоячем положении, все время подавая команду «стоять» и пытаясь удержать малыша в таком положении хотя бы на несколько секунд. Как только вы добьетесь, что собака фиксирует нужное положение, усложняйте задачу: одной рукой отведите назад (как можно дальше) задние ноги таким образом, чтобы плюсны были перпендикулярны поверхности, а другой рукой в это время поднимите собаке голову так, чтобы линии морды и верха были практически параллельны. При этом также все время повторяйте команду «стоять». При необходимости придерживайте своего питомца рукой. Если он передвинет ногу, осторожно поставьте ее на место и вновь дайте команду «стоять». Это и есть выставочная поза, или экстерьерная стойка, при которой таксу осматривают в статике. Приученная к этой команде с детства, такса четко будет выполнять ее и на выставке.

Для наиболее выигрышного показа таксы на выставке хорошо научить ее, ведя на поводке, останавливаться по команде «стоять» в нужной позе. Если собаку остановить без резкого рывка, она обычно хорошо встает, растянув туловище и твердо поставив лапы. Это упражнение также стоит постоянно повторять на прогулках. Обучение, естественно, закрепляется дачей лакомства.

Сначала упражнения отработайте дома, затем на улице, но пока вдали от сильных внешних раздражителей. И только потом, когда собака полностью освоит ученье, переносите тренировки в людные места, где собирается к тому же и собачье «общество».

Осмотр зубов — неотъемлемая процедура на любой выставке. И она должна занимать минимум времени, чтобы не затягивать процесс экспертизы. Процедура сама по себе очень проста. Либо эксперт, либо сам владе-

лец раздвигает собаке губы спереди, чтобы осмотреть прикус, а затем сбоку, чтобы определить полноту зубной формулы. К сожалению, на выставках очень часто приходится встречаться с таким энергичным сопротивлением собаки при осмотре зубов, что приходится затрачивать на это слишком много времени и даже применять «крайние меры» (завязывать морду и т. п.). Но это — при исключительно доброжелательном отношении эксперта — ведь когда собака не дается осматривать зубы, ее с полным основанием можно удалить с ринга, оставив без оценки. Доходящая до истерики при осмотре зубов такса производит резко негативное впечатление — такое поведение нетипично для породы.

Требования к выставочному показу такс нельзя назвать очень строгими и трудновыполнимыми — приучить к ним собаку сможет даже ребенок.

Такса — охотничья собака. Поэтому она должна быть выносливой и обладать хорошей спортивной формой. Конечно, организация большинства наших выставок далека от совершенства, и владельцы порой ожидают своей очереди в течение целого дня. Энергичная и полная сил с утра такса к вечеру «перегорает» и на ринг выходит уже вялая и кислая собака: хвост опущен, голова понурая, мышцы «распустились». В таких случаях владельцы стараются привести в чувство своего питомца «кошкой» (науськивающие команды) или любимой игрушкой. Однако и этого бывает недостаточно. Тогда владелец пытается «слепить» свою собаку «вручную» — он опускается на колени и начинает придавать питомцу нужную позу. Такое колено-преклонение и возня с собакой тоже не создают благоприятного впечатления.

Вообще владельцу во время экспертизы нужно как можно меньше трогать своего питомца — лучше заранее обучить собаку выполнять несложные действия выставочного показа.

Недостаточная выносливость собаки — это вина владельца, который мало обращает внимания на физическую закалку своего питомца. Малая тренированность таксы одинаково плохо сказывается и в работе собаки, и в демонстрации ее на выставочных рингах. Во время ожидания экспертизы собаку лучше увести из самой гущи событий, дать ей возможность побыть в привычной обстановке обычной прогулки, а к рингу привести только перед самым началом экспертизы. Водить таксу по рингу рекомендуется в тонком ошейнике. Шлейка исключается полностью.

Огромная специфика в экстерьере таксы не дает эксперту права на некомпетентность. В противном случае весь процесс экспертизы ни к чему. Но и от владельца зависит немало. Какие бы цели ни ставила перед собой выставка — племенного мероприятия, шоу или чего-то среднего между ними, — такса никогда не проиграет от хорошего выставочного показа.

М. МУРОМЦЕВА

Бонитировка — подсчет комплексной оценки охотничьих собак на выставках, включающей балльную расценку по четырем показателям: охотничьи качества собаки; экстерьер; наличие классного потомства; происхождение. На основании бонитировки собакам присваиваются классы: элита, первый, второй, третий; собаке, отнесенной к тому или иному классу, присуждается медаль соответствующего достоинства.

Борзавость — излишняя легкость, сухость сложения собаки (кроме борзой), подчеркнутая резким переходом от груди к животу; практически для всех охотничьих собак является недостатком.

Борзодром — специально оборудованная территория, предназначенная для тренировки собак борзых пород на скорость бега (резвость) по механическому зайцу.

Борзятник — человек, увлекающийся охотой с борзыми, а также их разведением; владелец борзой собаки; заводчик.

Борода — удлиненная щетинистая шерсть на морде у жесткошерстных собак; вместе с «усами» придает голове характерную прямоугольную форму.

Борозда — 1) углубление между глазами у некоторых пород охотничьих собак; 2) полоска белой шерсти обычно на голове собаки.

Бочковатая — грудная клетка собаки с круто изогнутыми, выпуклыми ребрами; объемная; для одних пород является нормой, для других — недостатком строения.

Бочковатые (бочкообразные) — задние конечности собаки, постав которых характеризуется тем, что скакательные суставы при осмотре сзади вывернуты наружу, а плюсны и лапы повернуть внутрь; дефект экстерьера.

Боязнь выстрела — неправильная, трусливая реакция охотничьей собаки на выстрел, когда она либо пытается убежать, либо спрятаться, что является пороком поведения; иногда бывает врожденной; во время целого ряда полевых испытаний проверяется отношение собаки к выстрелу; в случае Б. в. собаку на испытания не допускают.

Брать — поймать, захватить, схватить зверя собакой.

Брови — торчащая жесткая проволокообразная шерсть, образующая пучки над глазами жесткошерстной собаки.

Бросать, набрасывать — пускать гончих в полз (поиск) в то место, где должен быть зверь.

Бросаться на выстрел — порочная привычка охотничьей собаки бежать во время охоты на любой услышанный ею выстрел.

Бросить след — о гончей, прекратить работу, уйти со следа гонимого зверя; является следствием недостатка вязкости.

Бросок — 1) молниеносный рывок борзой для поимки зверя, серия частых, неуловимых глазом скачков; 2) энергичное движение подружейной собаки по направлению к птице; заканчивается, как правило, короткую подводку, в результате чего птица поднимается на крыло; 3) энергичное нападение на зверя зверовой собаки; броски при этом бывают частые и систематические, яростные и энергичные, в результате чего зверь прекращает активную оборону и вынужден отступить.

Брудастые (устар.) — собаки с жесткой проволокообразной шерстью и оброслостью на морде, то есть жесткошерстные.

Брызги — время псовой охоты (с борзыми и гончими) ранней весной (с апреля), когда начинается таяние снега и на земле образуется большое количество воды и грязи, которые брызгами разлетаются из-под ног собак.

Брыли — сырые складки нижней губы собаки, отвисающие в углах пасти; у одних пород считаются нормой, у других — недостатком или пороком; Б. могут быть тонкими и мягкими, как у пойнера, или толстыми и грубыми, как у блаухаунда.

Брылястая — морда собаки с отвисшими губами (брылями).

Бублик — хвост собаки (обычно лайки), круто свернутый в кольцо.

Бульдожина (Бульдожий прикус) — порочный прикус зубов охотничьей собаки, при котором нижняя челюсть длиннее верхней настолько, что нижние резцы выступают за верхние; нижние клыки также выступают вперед верхних, нарушается замок клыков; дисквалифицирующий порок.

Бурки — длинная волнистая шерсть (псовина) на висках ушей некоторых пород борзых — тазы, тайгана и некоторых др. (так называемые уши «под буркой» или «в бурках»).

Бурматный — окрас борзой: палевый, бледно-желтовато-половый с темным налетом; от светло- до красно-полового с псовиной как бы подернутой пылью.

СОБАКА И КАПКАН

В № 9 за 1990 г. редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство» опубликовала заметку С. Осипова из г. Сенгилей Ульяновской области о том, как гончак попал в капкан и покусал потом своих хозяев. Произошло это от незнания владельцами собаки психологии поведения животного.

Хочу восполнить этот пробел, описав несколько эпизодов из своей охотничьей и охотоведческой практики.

Большинство охотников Восточной Сибири охоту на пушных зверей начинают с лайкой, а затем продолжают с самодовьями. Постепенно рационализаторы охотпромысла из числа сезонников стали одновременно насто-раживать самодовья и использовать лаек. Впрочем, и я охотился таким способом 25 сезонов. Выглядит это так. С конца октября охотники обходят с собаками и капканами свои тропы. Капканы там висят и летом. Собака, кажется, не обращает внимания на хозяина, что он поднимает самодовья, а занят своим делом, ищет белку. Случается, облеет глухаря, возьмет свежий след соболя. Понятно, если собаки посадили (нашли) соболя, хозяин бросает пугик и спешит взять зверька. А затем идет дальше к другому зимовью. Как правило, на охотушке их несколько. Такая охота более напряженная, но и более результативная. К тому же собака, пока хозяин осматривает самодовья, то есть поднимает, заменяет поеденную птицей или мышами приваду, охраняет его в случае подхода медведя, а то и лоса остановит. В моей практике такое бывало, собака защищала от «шатуна», который очень быстро понял, что на пугике есть чем поживиться.

Почему же наши лайки ходят вокруг капканов, кулемок и не трогают ни привады, ни попавших зверьков? Каждую осень в первые два дня охотник возле зимовья в тайге учит своих собак. Можно это, конечно, делать и заранее, выезжая с молодыми лайками в лес и натаскивая их на бурундука, белку. Поблизости от зимовья ставлю 2—3 средней силы капкана (№ 1, 0). Собаки все видят и примечают. Не видят, так по следам твоим проверят, куда ходил. Затем готовлю обед и занимаюсь всякими делами по подготовке к промыслу. Не проходит и часа, как собаки попадают в ближние капканы. Воют и скулят, призывая на помощь хозяина. Идешь, разумеется,

поспешая, но действуешь осмотрительно. Берешь хороший прут для наказания воришек и ремень. Но не для порки. Ремнем стягиваешь морду псу и только после этого освобождаешь лапу. Пока отвязываешь морду, раза 2—3 успеваешь стегнуть прутом по бокам. Нельзя бить собаку по голове, можно повредить глаза. Жестоко? Но иначе нельзя. После одной такой практики собака до конца сезона будет обходить капканы и даже заячьи петли, опасаясь всего, что поставлено хозяином. К сожалению, приобретенный инстинкт недолговечен, и даже у старого пса его надо подновлять следующей осенью. От слабого капкана лапа у собаки через час-два приходит в норму, и на другое утро она наверняка будет в рабочей форме.

Что же случается, если охотник «пожалевает» лайку и не пропустит ее через капкан, не научит? Такие ошибки были у меня и у других охотников. Хозяин старого кобеля, который обходил капканы, надеялся на это и в очередном сезоне не напомнил своему другу о коварстве самоловов. Вернулся на зимовье ночью, а лайка отстала. Такое случилось не раз. Мороз за 30 градусов. Как хочется поскорее в тепло! Но собаки нет. Утром пошел по своим следам охотник и нашел обессилевшего, полужаммерзшего пса в капкане. Лапа отмерзла. Принес в зимовье, лапу залечил, но собака стала непригодной для интенсивной охоты. Вырастить рабочую лайку не просто даже в сибирской деревне. Поэтому истовые охотники держат свои гнезда лаек. У меня собаки трех поколений с родословной от одной матери.

Однажды и мой Полкан попал в беду, позарившись на наживу. Капкан мы ставили чаще с оцепом, поэтому собака при моем подходе стояла на задних лапках и жалобно звала к себе. Я знал, что отношения с ней должны быть отнюдь не человечески, но на этот раз оплошал. Слабо прихватил клыки пса ремнем. Замешкал я с капканом и получил укус в левую руку, которой страховался, придерживая ремень на морде собаки. От серьезной травмы спасли часы. Стекло и стрелки были раздавлены клыком собаки. А ведь эта собака дважды защищала меня от наседавшего шатуна. Значит, в шоке, при боли действуют у мирной доселе собаки другие, неизвестные хозяину инстинкты. И это надо знать каждому владельцу собак, а также тем, кто по недостатку ума садистски «шутит» с собакой.

Мой Полкан после этого случая два дня хромотал, но наука пошла на пользу. С этой собакой я охотился более 15 лет и заменил ее только после того, как лайка оглохла и заболела.

Так что мой совет: учите своих четвероногих помощников. В свое время эти слова я услышал от опытного, ныне покойного охотника И. И. Вычужина из п. Визирный Киренского района.

В. ТАРАСОВ
Иркутская обл.

ГОСПОДА ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ, РУКОВОДИТЕЛИ ПРЕДПРИЯТИЙ И УЧРЕЖДЕНИЙ!

Внимание!

**МЫ ГОТОВЫ
ОПУБЛИКОВАТЬ ВАШУ
РЕКЛАМУ В НАШЕМ
ЖУРНАЛЕ.**

Для вашей рекламы нет лучшего места, чем наш журнал.

Производители ружей, боеприпасов, охотничье-рыболовного снаряжения, одежды и обуви, капканов, охотничье-рыболовной и другой экологической литературы, палаток, лодок и лодочных моторов... фирмы, заготавливающие и перерабатывающие пушнину, меховые ателье, пушно-меховые холодильники... все другие заинтересованные организации и частные лица.

Результативность нашей рекламы очень высока, расценки же на ее размещение ниже, чем во многих средствах массовой информации. Журнал читают миллионы людей, как в городах, так и в самых отдаленных селах и деревнях.

При многократной публикации предоставляется скидка.

Средства, затраченные на рекламу в «Охоте и охотничьем хозяйстве», непременно окупятся.

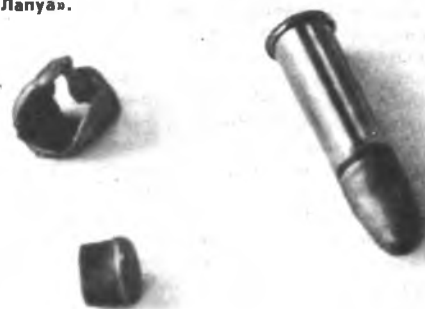
Пишите, звоните. Наш адрес:
107807, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская, 18. ТОО «Издательский дом» «Охота и охотничье хозяйство». Тел. 207-20-91, 208-24-05.

Рас. счет № 467162 в Промрадтехбанке, корр. счет 161228 в ЦОУ ЦБ России МФО 299112.

НОВЫЕ МАЛОКАЛИБЕРНЫЕ ПАТРОНЫ

Финский малокалиберный патрон фирмы «Лапуа».

Американский малокалиберный патрон фирмы «Ремингтон».

Отечественный охотничий патрон кольцевого воспламенения калибра 5,6 мм с экспансивной пулей.

В. ПОЧУКАЕВ

Патроны бокового огня калибра 5,6 мм, выпускаемые Климовским штамповочным заводом (КШЗ), известны не только внутри страны, но и за рубежом.

Традиционно завод выпускал малокалиберные патроны преимущественно для спортивной стрельбы трех классов: высшего, среднего и патроны для начального обучения стрельбе и для охоты.

Ввиду дефицитности, более высокой стоимости патроны высшего и среднего классов охотничьи организации практически не закупали. В основном к промысловикам-охотникам попадали патроны «спортивно-охотничьи» со стальной гильзой, а затем сменившие их патроны «Юниор-С».

Эти патроны благодаря стальной гильзе могут использоваться в интервале температур от плюс 50 до минус 50 °С и применяются охотниками для отстрела мелкого пушного зверя.

КШЗ существенно расширил ассортимент охотничьих патронов калибра 5,6 мм за счет выпуска высокоскоростных патронов со свинцовой экспансивной и свинцовой неэкспансивной

Вид патрона	Вес пули, г	Наибольшее максимальное давление пороховых, газов, кгс/см ²	Скорость пули, м/с			Энергия пули, дж		
			У ₀	У ₅₀	У ₁₀₀	Е ₀	Е ₅₀	Е ₁₀₀
«Юниор»	2,6	1300	328	296	270	140	113	95
С экспансивной пулей	2,4	1300	315	263	235	119	84	66
С экспансивной пулей	2,4	1300	370	330	300	167	132	103
С неэкспансивной пулей	2,6	1300	370	323	245	177	137	110
С экспансивной пулей	2,4	1300	410	340	300	202	139	108
С неэкспансивной пулей	2,6	1300	410	345	305	219	155	121

пулями. Такие патроны используют за рубежом для охоты на мелкого зверя, вредителей сельского хозяйства и развлекательной стрельбы.

В 1992 году охотничьими организациями были предложены пять новых патронов: три патрона с экспансивной пулей и начальными скоростями $V_0 = 315, 370$ и 410 м/с и два патрона с неэкспансивной пулей с начальными скоростями $V_0 = 370$ и 410 м/с.

Применение в конструкции патрона экспансивной пули и нового пороха, обеспечивающего ее высокую скорость, позволило получить патрон с повышенным убойным действием.

Сравнительные стрельбы по имитаторам биологических тканей животных — пластичным блокам, показали, что по действию в преграде пули наших патронов не уступают аналогам зарубежных фирм «Лапуа» (Финляндия) и «Ремингтон» (США).

На рисунках показаны пули соответственно отечественного, финского и американского патронов, извлеченные из пластичной мишени, установленной на расстоянии 60 м от дульного среза винтовки.

Как видно из фотографий, пуля отечественного патрона при попадании в мишень увеличивается более чем в 2 раза в диаметре. Деформируясь в большей степени, чем пули каждого из иностранных аналогов, пуля нашего патрона не разрушается, что облегчает ее извлечение из мягких тканей.

Необходимо отметить, что давление пороховых газов у высокоскоростных патронов не превышает 1300 кгс/см^2 , т. е. аналогично давлению, которое развивается в стволе при стрельбе серийными патронами «Юниор».

Технические характеристики патронов приведены в таблице.

В 1992 году новые охотничьи патроны КШЗ поступили в охотничьи хозяйства. Начат экспорт патронов.

По желанию потребителей патроны могут поставаться в обычном или «северном» исполнении (стрельба при пониженных температурах) и в различной упаковке (влагонепроницаемые пакеты на 500 патронов, металлические герметичные коробки на 3000 патронов, а также комбинация этих упаковок).

ЧАСТНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ

● Ружье GREFELT 16 кал. 2 ств. меняю на ружье с парадоксом. Тел. (812) 306-60-89.

● Вышлю н/п 220 р. простейший (I) способ получения дегтя. Вложите конверт с адресом. 668410, Тува, с. Держиг-Аксы, ул. Лесная, 4. Филимонову К. П.

ВОПРОСЫ — ОТВЕТЫ

ВОПРОС: Повсеместно идет ликвидация предприятий и организаций, есть ли какая-либо гарантия в трудоустройстве одиноких матерей в этом случае?

С. СВИРИНА

Магаданская обл.

ОТВЕТ: Указом Президента Российской Федерации от 5 июня 1992 г. «Об обязательном устройстве отдельных категорий работников при ликвидации предприятий, учреждений, организаций» предусмотрено обязательное принятие мер по трудоустройству беременных женщин, женщин, имеющих детей в возрасте до 3-х лет, одиноких матерей с детьми до 14-ти лет или ребенком-инвалидом до 16 лет. Принимают меры по трудоустройству правопреемники ликвидированных предприятий, учреждений или организаций. Если правопреемников нет, то помощь в трудоустройстве обязаны оказывать органы государственной службы занятости населения.

ВОПРОС: Выплачиваю по решению суда сумму излишне полученной пенсии. Слышал, что теперь оставшуюся сумму можно не выплачивать. Правда ли это?

П. ЧАШКИН

Красноярский край

ОТВЕТ: Да, постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 12 июня 1992 г. с 1 мая 1992 г. прекращено исполнение решений судов о взыскании с пенсионеров сумм излишне полученных пенсий в связи с несообщением отделу социального обеспечения о наличии заработка.

ВОПРОС: Прошу разъяснить законодательство о ритуальном пособии.

В. ДЮРИЧ

Пензенская обл.

ОТВЕТ: Законом Российской Федерации от 12 марта 1992 г. «О ритуальном пособии», введенном в действие с 15 апреля 1992 г., предусмотрена выплата пособия на погребение в размере трехкратного размера минимальной месячной оплаты труда. При смерти инвалида Великой Отечественной войны или инвалида, приравненного к нему, пособие не должно быть ниже двукратного размера назначенной ему пенсии по инвалидности. Пособие может быть назначено только в том случае, если за ним обратились не позднее 6 месяцев со дня смерти. Пособие может выплачиваться как членам семьи умершего, так и другим гражданам, а также предприятиям, учреждениям, которые организуют похороны.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 11 августа 1992 г. «О порядке финансирования расходов на выплату ритуального пособия — пособия на погребение» определено, что ритуальное пособие выплачивается предприятием, учреждением, где работает или учится обратившийся за пособием, или, по его желанию, предприятием, учреждением, где работал или учился умерший. За пособием на погребение умершего неработающего пенсионера следует обращаться в орган социальной защиты населения или в орган, назначающий пенсию.

За пособием на погребение умершего военнослужащего, лица рядового и начальствующего состава органов внутренних дел лица, взявшему на себя обязанности по организации похорон, следует обращаться в воинскую часть, подразделение или службу органов безопасности, орган внутренних дел, в котором служил умерший.

Если умерший не работал либо работал, но не подлежал социальному страхованию и не являлся пенсионером, а лицо, взявшее на себя обязанности по организации похорон, не может по каким-либо причинам получить пособие, следует обращаться в орган социальной защиты населения.

ВОПРОС: К кому следует обращаться за разрешением спорных вопросов о пенсии?

В. ЖАМКОВ

Красноярский край

ОТВЕТ: В соответствии с Законом РСФСР «О государственных пенсиях в РСФСР» по спорным вопросам о назначении и выплате пенсии надо обращаться в вышестоящий орган социального обеспечения. Если и в этом случае спор не будет разрешен, то следует обращаться в народный суд.

Ответы подготовил
ст. советник юстиции Н. Астафьев

П. ЛЕВЧЕНКО

Будьте всегда готовы подать сигнал о своем местонахождении. Имеющиеся сигнальные средства (ракеты, взрыв-пакеты и др.) используйте только тогда, когда слышен шум летящего вертолета (самолета), или когда есть признаки людей, могущих заметить подаваемые сигналы. В солнечные дни для сигнализации людям, находящимся в пределах видимости, используйте зеркало или другой блестящий предмет. Для подачи сигналов разжигайте костры. Чтобы получить густой дым, набросайте в костер зеленых листьев, свежих ветвей, сырой хвои. Густой черный дым получается от сжигания масла, кусков резины.

Запомните, что в густом лесу дым костра рассеивается между ветвями деревьев. В этом случае для обозначения своего местонахождения сделайте флаг из любого куска материи и привяжите его к верхушке высокого дерева. На открытой местности сигналом может служить расстеленная светлая одежда и другие вещи.

Поскольку зачастую сейчас на поиск людей привлекается авиация, то в этом случае внимание экипажей пролетающих самолетов или вертолетов можно также привлечь нарушением естественного вида местности. Это особенно легко сделать в зимнее время. Набросайте на снег в определенном порядке ветви хвойных деревьев, вытопчите в снегу и посыпьте золой знак «СОС». Размер такого знака или фигуры должен быть не менее 20 м. Ночью можно использовать для сигналов костры, имеющийся фонарик.

Ориентируйтесь на местности с помощью компаса. При отсутствии компаса для ориентира на местности определите стороны горизонта днем по солнцу, ночью — по Полярной звезде. В полдень солнце расположено на юге; тени в полдень самые короткие и направлены на север. При наличии часов можно определять стороны горизонта по солнцу в любое время дня (имеются в виду часы с обычным циферблатом, а не электронные). Для этого держите

часы горизонтально и направьте часовую стрелку на солнце. Угол между часовой стрелкой и направлением на цифру 1 разделите пополам: линия, делящая этот угол, будет указывать направление на юг. Этот способ наиболее точен в северных широтах и при условии, что по декретному времени астрономический полдень — в час дня.

Можно приблизительно определить стороны горизонта по некоторым местным приметам. На отдельно растущем дереве кора с северной стороны грубее и иногда покрывается мхом, а большая часть ветвей расположена с южной стороны. Пни, камни и скалы покрыты мхом с северной стороны.

В жаркое время года смола на хвойных деревьях выступает больше с южной стороны. С южной стороны пней и деревьев располагаются муравейники. Снег весной раньше тает на южных склонах гор и холмов, а также на северной стороне ям и лощин.

Ночью можно приблизительно определить стороны горизонта по полной луне и часам практически так же, как по солнцу и часам. Для этого необходимо помнить, что полная луна противостоит солнцу, то есть находится против него. Ночью лучше всего ориентироваться по Полярной звезде, которая почти точно находится на продолжении земной оси и поэтому всегда показывает направление на север.

Находясь в открытом море, установите направление на берег, пользуясь всеми известными вам приемами ориентировки. Помните, что на близость берега могут указывать целый ряд признаков.

Гряды облаков или отдельные кучевое облако при безоблачном небе указывает на наличие земли под ними.

Цвет неба часто зависит от цвета воды или земли, которые находятся под ним. Небо имеет зеленоватый оттенок в том случае, если солнечный свет отражается от воды на отмелях, мелких лагунах и рифах. Темные скалы придают ему темную окраску, а в

Арктике ледовые поля или земля, покрытая снегом, придают небу белесый цвет. Темное, так называемое «водяное» небо говорит об открытой воде. Облака в этих случаях соответственно имеют белый или темный оттенок.

Цвет морской воды на глубоком месте обычно темно-зеленый, темносиний, иногда почти черный. Переход к более светлым тонам свидетельствует об уменьшении глубины, близости отмели или земли. Однако нужно иметь в виду, что иногда значительные изменения в цвете воды происходят от различного освещения.

Плавающие на поверхности воды водоросли, деревья, листья, трава могут свидетельствовать о близости земли. Оторванные дрейфующие водоросли несколько выдаются из воды, а растущие, прикреплённые ко дну, скрыты под водой. Глубина, на которой растут водоросли, обычно не превышает 50—70 м.

Ночью, в тумане, в условиях плохой видимости, близость земли можно определить по различным звукам: по шуму прибора, по крикам птиц. Птичий базар характерен сильным криком птиц, которые слышны на большом расстоянии за несколько миль и помогают определить направление на берег. Известно, что почти все морские птицы в полете не издают звуков, поэтому, если слышны их крики, то можно с уверенностью сказать, что близко берег. Об этом же обычно свидетельствует появление стай птиц, наблюдая полет которых на рассвете и в сумерках, можно определить направление на берег. Птицы возвращаются на берег перед вечером, причем к берегу они летят обычно высоко, быстро и прямо. От берега, в открытое море, птицы летят утром, низко над водой, охотясь за рыбой, часто садясь на воду и снова взлетая.

Для подачи сигналов с моря могут быть использованы радиостанция, сигнальные ракеты, зеркало, красящие воду порошки, разведение костра как источника света и дыма.

Зеркало и костер используют для подачи сигнала на корабль, летящий самолет (вертолет).

ОТВЕЧАЕМ

ЧИТАТЕЛЯМ

Вопрос. Какую сталь необходимо использовать при изготовлении пластинчатых боевых пружин в охотничьем ружье!

Ответ. Пластинчатые боевые пружины изготавливаются из специальной стали марки 65С2ВА. Изготовленную из этой стали пружину необходимо закалить до твердости 48—52 HRC (шкала «С» по Роквеллу).

Вопрос. Как определить среднюю точку попадания в мишень при пулевой стрельбе!

Ответ. Средняя точка попадания нескольких пуль в мишень определяется следующим образом. При малом количестве пробоин соединить прямой линией любые две пробоины и поделить ее пополам. Эту среднюю точку соединить с третьей пробоиной и полученную прямую разделить на три части. Ближайшая к двум пробоинам точка и будет средней точкой попадания трех пуль. Для четырех пробоин средняя точка попадания получится при

делении на четыре части линии, соединяющей четвертую пробоину со средней точкой попадания трех предыдущих пробоин. Для четырех пробоин можно применить и другой метод. Лежащие рядом пробоины соединить попарно, а затем середины этих линий также соединить и полученную прямую разделить пополам. Эта точка и будет средней точкой попадания для четырех пробоин.

Вопрос. Что такое шнеллер и для чего он нужен!

Ответ. Шнеллер (от немецкого слова

Добыча лицензионных и ценных пушных зверей

В соответствии с Типовыми правилами охоты в РСФСР лицензионными видами пушных зверей признаны: бобр (европейский, канадский), выдра, енотовидная собака (в местах естественного ареала на Дальнем Востоке), куница (лесная, каменная), соболь. Необходимым документом на право добычи лицензионных видов пушных зверей является договор, заключенный с заготовительной организацией. При охоте на лицензионные виды можно добывать и всех других пушных зверей, а также иных животных, разрешенных к отстрелу в данное время.

Охота по лицензии на бобра, выдру, енотовидную собаку разрешается с 1 октября по 28—29 февраля; куницу — с 1 ноября (15 октября) по 28—29 февраля; соболя — с 15 октября по 28—29 февраля. В любом случае добыча этих зверей с 1 марта запрещена.

В случае непреднамеренной добычи или перелове лицензионных видов пушных зверей в количестве, сверх указанного в договоре (наряд-задании), охотник обязан сделать в этом документе запись о случившемся в произвольной форме. После выхода с участка охоты он должен незамедлительно поставить в известность работников охотнадзора о факте непреднамеренной добычи, представить объяснения случившегося и сдать в заготовительную организацию шкурки животных. В дальнейшем органы охотнадзора решают вопрос о выплате охотнику заготовительной стоимости за шкурки непреднамеренно добытых зверей или перечислении этой суммы на счет госохотинспекции (охотуправления).

Перечень ценных видов пуш-

ных зверей, шкурки которых подлежат обязательной сдаче, также содержится в Типовых правилах охоты в РСФСР. К ним относятся 13 видов: белка, бобр (европейский, канадский), выдра, горностай, колонок, куница (лесная, каменная), лисица, норка (европейская, американская), ондатра, песец, россомаха, рысь, соболь.

Добытые охотой шкурки ценных видов пушных зверей подлежат сдаче в 30-дневный срок до окончания сезона охоты на пушных зверей в том или ином регионе. Охота на норку, колонка, рысь, россомаха и белку разрешена с 15 октября по 28—29 февраля; ондатру — с 15 сентября по 15 марта; горностая, песца — с 1 ноября (15 октября) по 28—29 февраля; лисицу — с 15 сентября по 28—29 февраля.

Уклонение от обязательной сдачи государству добытых охотой шкурок ценных видов пушных зверей, а также совершенная впервые незаконная продажа, скупка, обмен и переработка указанных шкурок, невыделанных или выделанных, но не имеющих государственного клейма (штампа), является административным проступком и влечет наложение штрафа в размере по 50 рублей с конфискацией шкурок (ст. 189 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях).

В одном из районных центров Новосибирской области был задержан житель Новосибирска К., приобретший у местных охотников почти сотню шкурок ондатры, норки и соболя, не имеющих государственного клейма. К. отказался назвать охотников, предоставивших ему шкурки. Однако в процессе расследования было установлено, что К. шкурки обменивал у охотников на самогон, водку и патроны, что и было признано незаконным обменом, указанным в ст. 189 КоАП

РСФСР. За совершение такой «бартерной» сделки туземного образца К. был оштрафован на 50 руб. с конфискацией незаконно полученных шкурок.

Самым распространенным из действующих предусмотренных ст. 189 КоАП, является уклонение от обязательной сдачи государству шкурок ценных видов пушных зверей. Причем, как правило, такие звери добываются незаконной охотой. Это административное правонарушение составляет подчас очень значительную часть от всех остальных нарушений, связанных с незаконной реализацией охотничьей продукции. Например, в 1990 г. в Бурятской АССР подобные правонарушения составляли около 70 % от всех нарушений правил охоты, в Иркутской области — 60 %, Тюменской области — 50 %, Приморском крае и Волгоградской области — около 40 % и так далее. В подавляющем большинстве случаев не сдаются заготовительным организациям шкурки ондатры (более 50 %) и белок (более 35 %), реже — шкурки соболя или других пушных зверей.

Повторная продажа, скупка или обмен неклеящихся шкурок ценных видов пушных зверей, добытых охотой и подлежащих обязательной сдаче государству, если эти действия совершаются после применения мер административного взыскания за такие же нарушения в течение года, образуют состав преступления, предусмотренного ст. 166¹ УК РСФСР.

Применение на практике ст. 166¹ УК — редкое явление. За последние шесть лет в СССР было зарегистрировано лишь 30 уголовных дел этой категории, которые рассматривались в основном судами РСФСР и Казахстана.

А. ПЛЕШАКОВ,
кандидат юридических наук

ускорять) — устройство в спусковом механизме оружия для значительного уменьшения усилия нажатия на спусковой крючок, что как бы ускоряет выстрел. Достаточно слегка дотронуться до спускового крючка при взведенном шнеллере и произойдет выстрел. Шнеллер позволяет увеличить точность стрельбы и в охотничьем оружии, большей частью его устанавливают в трехствольных ружьях для стрельбы из третьего нарезного ствола. Чтобы вести шнеллер в трехствольном ружье, нужно первый спусковой крючок подать вперед, предвари-

но переведя кнопку на стрельбу из нарезного ствола.

Ответы подготовил **М. Блюм**

С. В. Шалашов, член общества охотников из г. Миньяра Челябинской области, спрашивает, каков порядок хранения охотничьего огнестрельного оружия при призыве его владельца в ряды Советской Армии на действительную срочную службу!

В Инструкции о порядке приобретения, перевозки, хранения огне-

стрельного оружия, разъяснено, что в случае призыва владельца охотничьего огнестрельного оружия на действительную срочную службу в армию, оружие с разрешения милиции можно оставить на хранение у взрослого члена семьи или ближайших родственников с соблюдением ими порядка хранения оружия. На этот период милицией лицу, которое приняло оружие на хранение, выдается разрешение с указанием в нем: «На временное хранение без права использования».

Ответ подготовил
Н. Астафьев

ВСЕ СНАЧАЛА

Б. ПЕТРОВ

Ай, да Кеть у нас весной — многоводна, просторна, разгульна! И я по ней плыву — такой же вольный и неужданный... Течение круто выносит мою надувную лодку за поворот — открывается новое плесо: по правую руку вдоль невидимого под водой яра хмурой чередой выстроились темно-густые кедр-бояре, образуя широкий царский проход, хвоя на них — словно тяжелые бровные шубы; а слева затоплена тальниковая грива, мокрые голые прутья дрожат в струях от напряжения. В зарослях застряла одинокая грязно-белая льдина, вздыбившись наискось, под нею колышется малахитовый сумрак, поверхность воды рябит от капли, хотя день кажется холодным, свинцовым (будто ледоход забрал у весны все накопленное тепло — иначе б реке не хватило сил взломать многомесячные оковы...). Главные льды уже пронесло, изредка кружит в темной воде лишь мелкая шужца.

— Каа-каа-каа! — из талов чуть позади (я их уже проплыл!) с плеском снимается кряква, и следом, отставая, верный друг селезень. Она темно-бурая, он светлый, стальной, в разноцветных украшениях. Утка истошно кричит на всю тишину, словно ее обидели до глубины души, а я и не успел воспользоваться их оплошностью... Странно, как это они меня пропустили? Подъемов было уже немало, но так близко — впервые за утро. То-то и расшумелась — самой неловко за собственное ротовейство!

Я плыву, и таежная Кеть каждые полчаса меняет облик. То мечется в узких кривляках, струя бьет в упор и завихряет, спешит — успевай поворачиваться! Руки с короткими веселками все время в работе, в ледяной воде, красные, будто гусиные лапы; уток в таких местах нет. А то лодку быстро проносит мимо пихтово-кедровых яров, на темных плесах тут особенно ярко издали видны черно-белые, в сорочьем оперении, гоголи — комоватые туловищем, голова молоточком. Они срываются с воды и летят прямо, пестря крыльями над водой, за поворот реки. Часто Кеть идет вовсе без берегов, широкой дорогой, обозначенной затопленными серыми гривами уремы. Здесь, в густых зарослях, сидят парочки чирков, несколько раз было: вдруг стремительно, свечой кверху, выдвигаются сбоку сквозь кустарник — уточка серым комочком, а кавалер расписной, словно деревянная ложка хохломской работы! Я замираю, представляя, как вскидываю ружье, ловя чирка на мушку, и он переворачивается в воздухе,

с легким шлепком ударяется о стекло воды. Впрочем, могло-б и обнести: дробь сейчас крупная, расстояние изрядное — строга весенняя птица!

Но больше всего нравятся в эту пору уткам широкие светлые разливы на месте залитых кочкарных болотин или устьев таежных стариц. Чаще всего в таких местах днюют табунки шилохвосты; их, ярко-светлых на общем буром фоне, далеко замечаешь, глядя понизу сквозь голые кустарники. И до чего красивы сейчас эти острохвосты! Стройны складом, изгибистая змеиная шея, изящная головка и — яркие, просто бросающиеся в глаза! Никак

не могу привыкнуть к этой вызывающей пестроте весенних уток. И к их далекому подъемам.

Долго перелетала впереди пара голубых чернетей; у селезня сейчас спина и бока, в самом деле, лазоревые, а голова каштановая, он взлетают низом, роняя на плесо дорожку капель-кружочков, и, отдалившись, плюхаются посреди реки. При этом уточка громко недовольно хрипит: хр, хр, хр... И вдруг, поднявшись, решили вернуться назад — устремились прямо на меня и прошумели над головой, аж ветерком обдало! Руки сами дернулись: черт, где ружье? Резко оборачиваюсь им

вслед, сажаю селеха на ствол и!.. Так бы и шмякнулся на скорости в струю. Сколько я мог сегодня стрелять? Если даже раз из трех подъемов, и то получается — ого!.. Только ружья со мной нет. И я все время испытываю растеряннo-беспомощное, слегка возбужденное ощущение: будто забрался в нетронутые края, птица вокруг летает и плавает, а у меня, вроде, кончились патроны... Нет при мне ружья, нет! Охота нынешней весной запрещена, да и стрелять весной можно только из шалаша с манной уткой, и все мое оружие сегодня — фотоаппарат, лежит приготовленный поверх рюкзака между колен.

Фотография я понемногу занимаюсь давно — ради собственного удовольствия. Мало мне видеть эти глухие таежные дорожки, засыпанные пестрой осенней листвой потемневшие стога на лесных покосах или какой-нибудь совершенно великолепный гриб подосиновик в зеленой тени папоротников — хочется прекрасное мгновение унести с собой навсегда! За много лет я понял, что если бездумно щелкать аппаратом направо-налево, получится ворох однообразных снимков, которые после путаются в памяти, их даже разобрать никак не соберешься. Снимать надо отдельные выразительные сюжеты — «кадры», чтобы каждый имел свой замысел и собственное настроение, особенную ценность для души. Но такие снимки между делом (поехал за грибами и аппарат прихватил) не получаются; чтобы снимать настоящие «кадры», надо иметь особый настрой глаза, на мир смотреть как бы через глазок фотокамеры.

Видеть мир, как возможные (или невозможные!) «кадры», я учился у своего друга Вити Краснова, заядлого рыбака и профессионального фотографа. Идем по лесной дорожке, вдруг хватает за рукав: «Смотри, какая елка! Совершенно симметричная крона, словно вычерченная». — «Ага, как будто в платье клешем. Сделай снимок». — «Нет, старик, бесполезно. Фон темный, на снимке она совершенно потеряется. Вот если б за нею росли золотые березки, да светило легкое солнце, тогда... Зайти бы вон с той стороны и на цвет, можно было бы — хоть на картинку для календаря!»

Нынешней зимой я несколько раз снимал кадр «Февраль — голубые снега». Выберу поляну, которую тени деревьев разлиновали, будто тетрадный лист вкось, прочерчу поперек широкою лыжню — ее тучки заполняли голубое свечение, а тени, пересекая, все одинаково изламывались, обозначая глубину протоптанного следа. Пленка черно-белая (и желтый светофильтр) — тени на отпечатке выходят, естественно, серыми, но в том и заключается искусство — добиться, чтобы виделось, будто они голубые,

вот о чем речь!

А еще пишут, с фотоаппаратом можно заниматься охотой — за птицами и зверьем, говорят, очень интересное дело. Утверждают даже, не менее интересное, чем настоящая ружейная охота, только «бескровная». Я как-то выписал из статьи Василия Пескова: «И сразу же я забыл о ружье. Все было, как прежде... но не было горечи — после выстрела все, чем ты любовался, оставалось жить, а ты возвращался домой с трофеем». Допустим, для Пескова это его работа, потому и хвалит. Но вдруг узнаю с изумлением, что и С. А. Бутурлин, один из самых популярных российских охотоведов, автор нескольких наставлений для промысловиков и любителей, тоже (только подумать: в 1913 году, когда нынешней проблемы «стрелять — не стрелять» не знали!) писал: «Фотографирование диких животных в природной их обстановке есть спорт по существу своему совершенно охотничий». Ему-то зачем было хитрить? Может, правда — такая же охота?.. В самом деле, раз весенний сезон не открыли — взять да и попробовать с фотоаппаратом, а?.. И в голове сами по себе начали крутиться разные фантазии.

Вот, скажем, я на глухариню току... Вечером, как обычно, иду на подслух разведать, сколько их прилетело и где расселись, а перед рассветом — самая трепетная часть охоты (уж не молоденький, но все волнуется, словно в юности!), скакать к пестухе под песню. Как представлю, даже дома слегка лихорадит от предчувствия... И уже вижу: глухарище — сумрачным силуэтом, как вырезанный из черной бумаги, на робко алеющем фоне зари, красота-а... Только снимать будет нельзя: темно, м-да... А что можно сфотографировать наверняка? Например, подманить рябчика, изображая пищиком голос самочки, это за просто. Простоват рябок, на голос любви прибежит, прилетит, сядет рядом на ветку — рукой бери! Щелк фотоаппарат — кадр пойман. Петушок испуганно: ффрррр! Ветка раскачивается, а я улыбаюсь: лети, лети, на пленке ты остался навсегда! Но... если честно признаться, примитивно это занятие для начинающих, хотелось чего-нибудь более увлекательного. Скажем, на селену с подсадной уткой — это да, классика! Только подсадной у меня нет. Но тогда можно... В принципе, что угодно можно — ведь без ружья! (Эта заманчивая свобода и волновала, окрыляла больше всего!) Вот что я, пожалуй, предприму: проплыву нынче в надувной лодке по весенней реке, да-да. Сто лет уже не плавал, а как любил когда-то!

Друг Витя к моей идее фотоохоты сплавом лодки отнесся однозначно скептически:

— Снимать влет?! Ты что, старик,

бесполезно! Тебе же надо объектив — как минимум трехсотник, а с ним работать с рук — надо быть асом! Все кадры выйдут смазанными.

Спорить я с ним не стал, хотя и прислушался — взял для своей зеркалки, кроме обычного «пейзажного» объектива, длиннофокусник «Таир-11». Для профессиональной съемки он слабоват, так ведь и я не на рекламу собираюсь работать. Главное — съездить на весеннюю охоту! А там — что получится.

И вот с утра плыву на резиновой лодке по разгульной весенней Кети. Хорошо... Уж насмотрелся-то сегодня от души! Натешил глаза и таежной волей половодья, и праздничной яркостью вернувшихся домой уток, картинными подъемами дичи — как легкого молодого вина хлебнул! И все время с некоторой тайной досадой считал: вот еще раз мог ударить... Это сколько ж всего мог за день стрелять? И хоть одергивал себя то и дело: «О какой ты стрельбе все думаешь?» — все равно было досадно...

Всплываю из-за поворота — прямо передо мной островок, мимо него слева течение валит напрямую куда-то сквозь заросли, поперек затопленного берега, а справа тихая вода уперлась в огромный завал из бревен, набитых рекою за много лет. Проплыл вдоль бревен поперек от берега до берега, и показалось, что в самом углу есть узкий проход в кустах (скорее всего, летняя тропа). Что оставалось делать? Втиснулся в этот проход, хватаясь за ветви по сторонам и подтягиваясь на руках. И вдруг подо мною, ближе к носу лодки, как забурилит, заклокочет! Крупные пузыри густо и жирно вырывались из-под борта и рокотали радостно, а тугие колбасы лодки стали быстро терять упругость — пропоролся!.. К счастью, оказалось,

тропа подо мной была затоплена чуть выше колена — мне просто повезло. Но на том и кончился мой сплав.

Да, насмотрелся, нарадовался, весеннего речного воздуха полной грудью надышался. И «настрелялся»... мысленно. Только никаких снимков не сделал. Просто ни разу не взял в руки свой «Зенит», так и пролежал он, приготовленный, поверх рюкзака. Потому что с первых минут стало ясно: Витя был прав — ничего не выйдет. Это лишь дома в мечтах все было прекрасно, а на деле — я же говорю: даже из ружья стрелял бы сегодня половину из тех, что поднялись, а с аппаратом — и говорить не о чем... Представилось, как будет самодовольно посмеиваться дружок: «А ты что думал? Щелк, щелк — и в сумку? Не-ет, старик, это тебе не с ружьишком баловаться!»

Сушил у костра на гриве лодку, варил обед, думал о предстоящем долгом пути с тяжелым рюкзаком назад к автобусу. Костер потрескивал, забытый за зиму летний запах тальникового дымка бережил душу. А рядом раскинулась обширная луговина, она подтоплена, между кочками поблескивали лужицы. Неподалеку поднялся, медленно взмахивая черно-белыми крыльями, чибис и начал выделять свои обычные воздушные выкрутасы, постанывая радостно-тоскливо: «Чи-и-ви!» Мне кажется, чибисы над луговиной всегда создают в душе особое ощущение воли, весеннего пространства...

Помню, мальчишкой сидишь на заре с подсадной, а эта пигалица так и вьется над головой, налетая с гулким посвистом крыльев, терпенье испытывает. Надоест, бывало, и вот начинает тебя подмывать — пальнуть в нее из ружья! Но никогда я не стрелял зря по чибисам или дятлам. Хотя кулик-чибис — самая что ни на есть дичина для начинающих. (Дичью их признавал еще сам С. Т. Аксаков и при том отмечал отменный вкус...) А что, вот возьму и стрельну сейчас чибиса — из фотокамеры, конечно, из нее-то можно! И, недолго собиравшись, взял свой «Зенит» наизготовку, медленно направился по кочкам ближе к чибису.

Кулик, как всегда, лениво, будто нехотя двигая крыльями, взмыл и начал вихляться в воздухе. Сильными взмахами набрал скорость и кувырнулся набок, отлого спланировал с высоты и вдруг поднялся. Еще раз перевернулся, словно завис у меня над головой... Ему очень нравится эта игра, приятно купаться в чистом весеннем небе, и воздух так упруго гудит в оперении. Только заунывные насадные клики не вяжутся с игривой радостью полета.

— Чии-ви! Чии-ви-ви-ви! — вопил он на всю округу. — Гуть-гуть-гуть,—

громко разговаривали размашистые крылья.

— Ну, чего разволновался? — сказал я ему тоном добродушного доктора, который обращается к настороженному пациенту. — Щелкну пару раз, и летай себе на здоровье.

Снова он у меня над головой, вскидываю свое «ружье», прикиваю глазом в видоискатель, но... перед взором возникает лишь пустынное и какое-то смутно-водянистое на матовом стекле небо. Куда он делся? Отрываю взгляд от оконца аппарата — вот же крикливый кулик, рукой подать! Снова прицеливаюсь через стеклышко — лишь на миг схватываю уголок крыла, и вновь пустынное пасмурное небо во всю ширь кадра. Только этого не хватало — не могу аппаратом поймать цель! Открытие было совершенно обескураживающим — самую примитивную дичину, забаву новичков, не могу изловить на мушку? Не могу — лишь пустой воздух все время в глазах! Да, видно, придется и мне, как начинающему, сначала пробовать «выстрелы» по сидячей птице — осваивать всю охотничью науку заново с первой страницы! Точно так же, как некогда я учился постигать ее десятилетним мальцом...

О, в ту пору мир вокруг простирался безгранично просторный и вольный! Птицы были свободны в своем полете, зайцы, утекая от собак, мчались, куда косые глаза глядят, для лисицы в поле весь белый свет был — открытый путь на все четыре стороны! Так мне тогда казалось. С годами я это ощущение вольготности окружающей меня земли постепенно забыл, точно узнав, что и птицы летят не совсем свободно и «бездумно» — есть у них определенные пути и места остановок. И зайцы скачут не напропалую, а обязательно известными им лазами, лесными переузинами — разузнав их, совсем нетрудно предугадать в лесу путь длинноухого. И свобода

лисицы в белом поле тоже ограничена необходимостью выбора и собственными привычками. Так что, я теперь точно знаю, куда идти, когда и где засесть, чтобы подкараулить осторожных пролетных уток или обмануть в чистом поле хитрую куму... Почему же тогда не смог сфотографировать даже примитивного чибиса?

Очень просто: выходит, я все знаю, но — применительно к обычному ружью. А фотоаппарат, даже с телеобъективом, требует совсем иной близости с птицей и зверем, и в этом вся суть дела. Если бы с ружьем! Я этого чибиса десять раз мог сбить. И уток утром настрелял бы... А с какого, собственно, расстояния требуется сфотографировать чибиса, чтобы в кадре получилось изображение, а не пятнышко с горошину величиной? Пожалуй, даже с телевиком — шагов на десять... Что-о, десять шагов?! Ничего себе, да на таком расстоянии даже городская ворона становится дьявольски осторожной! Легче сбить ее влет пулькой из малокалиберки, чем приблизиться намеренно на десять шагов! М-да-а... И кого же я в таком случае смогу сегодня сфотографировать? Если, только, какую-нибудь дичину сидячую. Придется, видимо, искать дятла.

Пестрого с красной шапочкой долбуну я нашел довольно скоро. Он зажал в трещину сосновой коры шишку и увлеченно работал, подпершись снизу хвостом. Я предварительно высмотрел весь путь до него — кажется, ничего опасного под ноги не попадет. В видоискателе дятел смотрится отлично (как-то никогда не обращал внимания, что расцветка его оперения так похожа на кору старой березы), он старательно устремленными в одну точку ударами клюва стучит по шишке, только мусор летит.

На мгновение задумался, что-то прикинул — и снова стучит. Я потихоньку приближаюсь, и он уже зыркнул в мою сторону. Вот и совсем отвлекся от шишки, повернулся ко мне. Но снимать еще рано.

— Кик, кик! — резко вскрикнул красноголовик и... юркнул за ствол. Нету дятла, только взъерошенная шишка покинуто торчит в трещине. Я опустил камеру, глянул на сосну — ага, вот где мой хитрец: на миг голова выглянула из-за ствола и спряталась. Снова пристраиваюсь к окуляру, гляжу на сосну с шишкой и начинаю осторожно ее обходить. Не тут-то было! Пока я обогнул ствол, и дятел снова юркнул на другую сторону. Так я кружил, а он бегал вокруг ствола, изредка выглядывая хитрым глазом. Да еще, торопясь мимо шишки, успел пару раз тыкнуть и выхватить семечко. Значит, тоже не намерен позировать. Наконец сердито выкрикнул:

— Кик, кик! — Вот, дескать, привялся обормот с какой-то черной рога-той головой (так я ему виделся со своей камерой), не дает доглотать вкусную шишку. Резко оттолкнулся от ствола и, ныряя в полете, перелетел на другое дерево. Стало ясно, что сеанс в лесном фотоателье сегодня не состоится.

Ну, совершенно как мальчишка, чувствовал я себя в этот день в лесу со своим «фоторужьем»! Чибис издевается, подойти к дятлу стало невыполнимой задачей, вот так времена наступили! Главное, никто не верит в мои добрые намерения, все улетают, прячутся, сердятся... Но кого-нибудь, елки-палки, я должен сфотографировать, не возвращаясь же домой совершенно пустым! Кого?! Вроде и нет ничего проще дятла...

И в этот момент неподалеку раздался зазорный булькающий свист: — Ключь! Ключь!

Неужели правда? Я оглянулся — вот он! Позади лежала старая поваленная береза с обломанными сучьями, на ее середине сидел бурундук. Увидев, что я его обнаружил, он ринулся прочь по стволу, но тут же замер и снова крикнул:

— Ключь! — И страшно ему было, и так любопытно поближе ко мне посмотреть... Вот моя дичина!

— Флюль, флюль, — свистнул я, сложив губы трубочкой, вспомнив мальчишескую науку. (Господи, этих-то волосьяной петлей ловили, в трех шагах!)

— Ключь! — ответил бурундушка, вернулся на два шага назад, поднялся на задние лапки, свесив передние, и уставился на меня. — Ключь! — Хвостик у него при этом всякий раз дергался.

— Флюль, флюль, — отозвался я, медленно поднимая фотоаппарат. Немного пошарил по сучьям, по траве... Ага, попался зверь-бурундук — в кадр!

— Ключь! Ключь! — звонко булькнул он, подергивая хвостиком, и приблизился еще на два шага. Глазки шустрые, сам такой чистенький и всей позой выражает ужасное любопытство, которое никак не может в себе преодолеть.

— Флюль, флюль, — свистнул я в последний раз. Он подбежал, вскочил на сучок, сел на задние лапки и... вдруг стал передними быстро-быстро чесать мордочку. Блоха, видать, одолела! Уморительный зверина.

— Трикл! — «стрельнула» камера. Бурундучок замер, насторожившись. — Трикл! — затвор «Зенита» щелкнул еще раз. Зверь-бурундук обиженно свистнул и нырнул под корягу.

Первая добыча! Зверина-бурундучина... А как красочно рисовал я себе дома сегодняшнюю поездку, какие многочисленные представлял удачные фотовыстрелы — нарядными селезней, хохлатых рябчиков, глухарей-громадин. Да, лихой фантазер... И все же, несмотря на полный, казалось бы, крах мечтаний, на душе было ощущение какой-то легкой веселости — состояние неожиданное. Будто стряхнул с плеч часть груза лет — ощутил мальчишескую радость от безграничности мира и бесконечной весны впереди. С чего бы?... И вдруг я понял, даже усмехнулся: выходит, это фотоаппарат вернул меня на день в мое охотничье детство, вот здорово! Разве не редчайший подарок?

А что касается дальнейшей фотоохоты — если заниматься, надо начинать всерьез и как следует. Составить план подготовки (на голубях, что ли, потренироваться в городе?), завести необходимую оптику и нужные приспособления, наставленья почитать. Разумеется, многолетний охотничий опыт пригодится, но с бо-ольшими поправками. Именно: придется начинать снова, да ладом... Все — сначала!

Рисунки Б. Игнатова

Служебное собаководство. — М.: Патриот, 1991. — 100 000 экз. 429 с., ил. 7 р.

В сборнике содержатся сведения по анатомии, физиологии, конституции и экстерьеру собак служебных пород, их разведению и дрессировке. Приведены стандарты пород. Публикуются конкретные методики общей и специальной дрессировки, подготовки собак к участию в летнем многоборье.

Орлов В. К. За белым кречетом. — М.: Знание, 1991. — 100 000 экз. 192 с. ил. 2 р. 5 к.

Белый кречет — редчайший на земле сокол, в былые времена приносивший России славу, помогавший поддерживать мир. Плато Плуторана, берега Иссык-Куля, Ямал, Камчатку обошел автор, журналист и фотограф, прежде чем в низовьях Колымы отыскал гнездо этой птицы.

В книге рассказывается об истории соколиной охоты, о встречах с людьми, посвятившими себя делу сохранения редчайших хищников. Книга иллюстрирована цветными снимками. Ряд уникальных фотографий публикуются впервые.

Аксаков С. Т. Охота пуще неволи: Сб. произв. (Составление, вступ. статья, комментарии С. П. Фатеева). — К.: Днепр, 1991. — 100 000 экз. 590 с.

Популярная поговорка, ставшая названием книги, отражает ее содержание. Читателю предстоит вместе с известным русским писателем (1792—1859) пережить счастливые моменты общения с прекрасным миром природы. «Записки об ужении рыбы», «Записки ружейного охотника...», «Замечания и наблюдения охотника братья грибы...», «Собрание бабочек», отмеченные высокими художественными достоинствами, представляют богатый материал для тех, кто любит природу.

Ширяев В. В. Рациональное использование ресурсов ондатры. Метод. рекомендации. — Киров: ВНИИОЗ им. проф. Б. М. Житкова, 1991. — 1000 экз. 59 с.

Автор-составитель кандидат биологических наук В. В. Ширяев включил в методические рекомендации материалы по следующим темам: биология ондатры, учет численности (организация учетных работ, основные методы учета, способы учета), определение интенсивности размножения и состава населения, нормирование добычи, воспроизводственные (биотехнические) работы, использование и рекомендуемая литература.

Рукероль Ж. В. Книга о собаках (пер. с фр. О. Мишши) — М. Колос, 1992. — 100 000 экз. 160 с., ил.

Книга рассказывает о том, как выбрать и купить собаку, об основах разведения, ухода, кормления и болезней, об охоте с собакой и законе, связанном с ее содержанием. Автор описывает стандарты более 90 пород и предлагает их изображение.

ЗА КУНИЦЕЙ

М. ЯКОВЛЕВ

Получив разрешение на добычу куницы, я с нетерпением ждал благоприятной для этой увлекательной охоты погоды. Была нужна ночная пороша, которая укрывала бы старые следы зверей и оставила лишь ночные. Мое нетерпение подогревалось еще и особым любопытством к зверьку. Куница является родственницей знаменитого таежного соболя. В Древней Руси до появления денег долгое время их роль выполняли шкурки куниц — «куны». мех куниц относится к благородным мехам и при частых капризах и изменчивости моды не модным не бывает.

Добыча куницы интересна не только ценностью меха, но и трудностью охоты. Ее ночной образ жизни, способность одинаково быстро передвигаться, как по земле, так и по деревьям, прятаться в дуплах, в крупных гнездах птиц на деревьях, в лабиринтах корней делают ее завидным трофеем, даже для опытного охотника.

...Раннее утро порадовало меня ровной, мягкой порошей. И едва забрезжил рассвет, как я, взяв западно-сибирскую лайку Фартика, уже скользил на широких охотничьих лыжах в лес. Мы прошли еловые молодняки и моховое болото, осиновую рощу и гряды соснового бора, но все безрезультатно. Фартик облаивал белок, но всякий раз я отзывал собаку, и мы упорно шли все дальше и дальше в глубь леса. Наконец на краю ельника я обнаружил на снегу крупные парные следы куницы. Они очень характерны, и их невозможно спутать со следами других зверей. Следы зверька не очень вдавлены в снег, как бы расплывчатые, без четкого отображения подушечек и коготков. К зиме подошвенная часть лап сильно обрастает упругими волосками, которые помогают зверьку быстро передвигаться по глубокому и рыхлому снегу.

Пока я рассматривал след, одновременно отдыхая, Фартик по следу удалялся в глубь ельника. Вот он даже неуверенно тявкнул и умолк. По опыту прежних охот я уже знал, что так ведет себя мой пес, когда куница повернулась, и теперь молча обследует местность, ища выходной след. Если лай не повторится, значит, куница спустилась на землю и опытный пес продолжает ее молча преследовать по следу. Вскоре раздался звонкий азартный лай моей собаки, и я поспешил к ней. Фартик лаял на высокий толстый осиновый пенек. С ружьем в руках я тихо обошел вокруг пня,

внимательно осмотрел его, но ни следов на снегу, ни других признаков пребывания здесь куницы не обнаружил. Лишь ближе к слову на пне виднелось темное отверстие дупла, выдолбленное самым крупным дятлом — желной.

Я достал из рюкзака топор и, держа в левой руке готовое к выстрелу ружье, стал обухом стучать по пню. От ударов пустотелый пенек вздрагивал и гудел, эхом преумноженных ударов отзывался дальний сосновый бор, сверху мне на голову и плечи сыпалась труха, при этом Фартик лаял еще азартнее, но из дупла никто не показывался. Тогда я стал подрубать топором пенек, он был гнилым и вскоре с шумом, подняв снежную пыль, грохнулся о землю. Фартик бросился к дуплу и, сунув туда нос, с лаем и каким-то неистовством стал грызть зубами древесину вокруг отверстия. Я заглянул в темноту дупла и заметил там шевельнувшийся клочок шерсти. Быстро забив отверстие толстым обломком сука, я с облегчением вздохнул и усталый опустился на пенек. Теперь поспешность не нужна, куница была надежно пленена. И я, приставив к стоящему рядом дереву ружье, стал строить план — как добыть ее. Нужно было кончиком топора прорубить над местом расположения куницы узкую продольную щель, через которую и попытаться добраться до нее. Но как только я начал прорубать щель, из разлома пня выскочила крупная, пушистая юркая куница и прыжками понеслась к ельнику. Фартик, взвизгнув, бросился за ней.

Куница, вскочив на ствол ближайшей ели, с ходу, стремглав устремилась к ее вершине, а я, схватив ружье, приготовился к выстрелу. Вот в вершине мелькнуло что-то рыжевато-белое и тут же грянул выстрел. С верхних ветвей посыпался сбитый дробью снег. Он потревожил пласты снега на ниже-расположенных ветвях — и целый снежный поток рухнул на землю. Из этого снегопада Фартик в прыжке выхватил падающего зверька, стиснул его зубами, бросил на снег и с лаем умчался в глубь ельника. Удивившись странному поведению собаки, я подбежал к месту падения зверька и остолбенел от удивления... на снегу лежала не куница, а серенькая с ярко-рыжим хвостом белка, называемая охотниками «сосновкой». Куница является злейшим врагом белок, она их ловит в основном в ночное время в их гнездах, и поэтому, оказавшись на одной ели с куницей,

белка стремглав бросилась удирать от нее, но по ошибке попала под мой выстрел. Разочарованный трофеем, я с сожалением сунул белку в карман рюкзака и поспешил на лай Фартика.

Пес бегал около вековой ели и лаял. Рядом стояли еще с десяток таких же высоких и густых ее сверстниц, ветви их касались друг друга и невозможно было в их плотной массе рассмотреть зверька. Напуганная выстрелом и преследованием собаки куница затаилась где-то в вершине одной из елей, и теперь никакая сила не смогла бы выгнать ее из убежища.

Усталые и довольные незабываемыми мгновениями охоты, но одновременно и разочарованные ее результатами, мы с Фартиком направились к дому.

— Ничего, Фартик, — успокаивал я себя и его, — еще улыбнется нам охотничье счастье...

Пес понимающе смотрел на меня и помахивал в ответ хвостом.

Ночь выдалась тихой и звездной, а под утро ударил тридцатиградусный мороз. В такую погоду нежелательно охотиться с собакой, так как следы зверька на морозе быстро теряют запах, а собака, в азарте вдыхая морозный воздух, может повредить чутье. Но разве усидишь дома, когда упущенная на охоте куница снится ночью и охотнику и его собаке?

И вот ранним утром Фартик, привязанный на длинном поводке за поясной ремень, уже тащит меня на лыжах по вчерашней лыжне в знакомый ельник. Я делаю большой круг вокруг ельника и натываюсь на следы куницы, уходящие по моховому болоту к дальнейшему сосновому бору. Спущенный с поводка Фартик, уткнув нос в уже изрядно остывшие следы, без заметного азарта пошел по ним. Вот куница сделала длинную петлю по болоту, и пес прошел по ее следу, а затем она удалилась в сосновый бор. Там куница часто петляла, подходила к толстым деревьям и, словно что-то высматривая наверху, удалялась. Видимо, мороз донимал зверька, и он высматривал место дневки в кронах толстых деревьев. На краю сосняка и ельника куница забралась на толстую сосну, а Фартик, встав на задние лапы и упершись передними в дерево, взлял несколько раз и ушел на поиск. Я стал осматривать деревья в надежде обнаружить место возможной дневки зверька, но ничего подозрительного не нашел. А мороз крепчал. В лесу стояла полная тишина,

изредка прерываемая громким постреливанием деревьев, звонким стуком дятла в сухой сук сосны, да скрипом моих лыж. Невдалеке тявкнул Фартик и смолк. Поспешив к нему, я увидел на краю болота у ельника возвышающуюся широкую кочку, вокруг которой на снегу было множество следов лесного хоря. Три норки, проделанные в снегу хорем, вели с разных сторон под кочку. Одну норку с азартом лапами раскапывал Фартик, помогая зубами вырывать из мерзлой земли попадающие на пути корни. Отчаявшись найти куницу и изрядно подбодрившись на морозе, я рад был и хору. Положив под стоявшее в стороне дерево рюкзаки и прислонив к нему ружье, совершенно ненужное при охоте на хоря, я вырубил тонкую палочку и заострил ее конец. Теперь вся охота на хоря заключалась в том, чтобы выгнать его из убежища. Успех же полностью зависел от мастерства, проворства и злобы собаки. Посмотрев на старые шрамы на носу собаки от укусов норок и хорей, я проникся уверенностью в поимке и этого зверька.

Фартик упорно продолжал раскапывать снег и мерзлую землю, а я засунул заостренную палочку во второй вход под кочку и стал шуровать ею в корнях.

Из-под кочки вместо хоря выскочила куница и прыжками помчалась к ельнику, а Фартик огромными прыжками молча стал ее догонять. Мне казалось, что он вот-вот ее настигнет, но юркий зверек всякий раз, крутанув вокруг ствола дерева, отрывался от собаки на некоторое расстояние, так как Фартик этот же путь вокруг ствола дерева проделывал по большому кругу, и вскоре они оба скрылись в ельнике. Оттуда донесся удаляющийся лай Фартика, и я понял, что теперь пес преследует куницу, стремительно прыгающую с дерева на дерево. Когда с ружьем в руках на лыжах я подошел к нему, он бегал среди столетних елей и лаял вверх. Огромные ели, увенчанные гирляндами золотистых шишек, торжественно, не шелохнувшись, стояли вокруг нас и, словно молчаливые свидетели, хранили великую лесную

тайну — место нахождения зверька. Ругая в душе и хоря, и свою беспечность, и забытый в азарте прошлых охот опыт, когда в сильные морозные дни мы добывали куниц из укрытий на земле под снегом, подгоняемые трескучим морозом, мы поспешили в теплый домик на краю деревеньки, чтобы длинным морозным вечером еще и еще раз вспомнить подробности отдельных эпизодов неудачной охоты.

Ленинградская погода характеризуется быстрой, резкой изменчивостью. К утру мороз выдохся и сменился оттепелью, Фартик упорно тащил меня на лыжах уже по проторенной лыжне. Решив к поиску куницы сразу же привлечь собаку, я спустил Фартика с поводка, и он с радостью умчался вперед.

Вот послышался его лай в сосновом подлеске и на край болота не спеша вышла лосиха с крупным теленком. В стороне, преграждая путь лосенку, лаял Фартик, а лосиха ходила и возбужденно посматривала на собаку. Заметив меня, лоси, сопровождаемые Фартиком, убежали в глубь леса. Настроение у меня упало, охота на куницу грозила сорваться. Лай Фартика слышался все дальше и дальше, и тут я увидел на снегу следы куницы и решил ее тропить и попытаться обнаружить зверька в его дневном убежище. Куница ночью в поисках пищи обследовала много укромных мест на земле, несколько раз поднялась на деревья, проверив там дупла дятлов, прошла верхом, прыгая с дерева на дерево. Я упорно шел и шел за нею, выправляя след, делая круги, обрезал ее петли и двойки, высматривал на снегу сбитые ею хвойники и соринки при прыжках в кронах деревьев.

Вот куница в очередной раз повернулась на ель, а выходного следа не было. Напротив стояла старая толстая сосна с широким дуплом и большим птичьим гнездом в кроне. Где прячется куница? В теплом дупле или в холодном гнезде?

А может быть, она по верхинам деревьев ушла в густоту елового леса? Жаль, что нет рядом Фартика, он помог

бы разгадать эту загадку своим чутьем. Надеюсь проверить наличие зверька в гнезде, а также выстрелом вызвать собаку, я вскинул ружье и выстрелил по гнезду. И тут же из него выскочила куница и, приземлившись за мелкими елочками на снег, удрала в чащу леса.

Все произошло так быстро, что я не успел выстрелить в зверька из второго ствола. Подойдя к месту падения куницы на снег, я увидел капельки крови. Зарядив ружье, я быстро заскользил на лыжах по следу, надеясь, что она убежит вгору, но вскоре может ослабеть и остановиться. При каждом прыжке зверька на снег оставалась алая бусинка крови. Я шел и шел по следу, а куница не спеша уходила. Местами она топталась на месте некоторое время, тогда несколько алых бусинок оставалось на снегу. Куница, словно заяц, ходила по снегу и ни разу не пыталась скрыться в кронах деревьев. Я уже изрядно устал, а невидимая куница с прежней ловкостью уходила от меня.

От усталости я плюхнулся на пеню и прислушался. Лая собаки не было слышно, но вдруг сбоку в кустах мелькнула на снегу ее рыжая шуба и долгожданный Фартик с непомерно длинным высунутым языком, жадно хватая ртом снег, подбежал ко мне, и весь его довольный вид говорил, какую погоню он устроил лосям. Я тут же показал след куницы, собака сразу же преобразилась и, молча, прыжками умчалась по следу. Вскоре раздалось неуверенное потягивание, а затем сплошной злобный лай. Подойдя к собаке, в кроне ели я заметил круглое гнездо белки, построенное из мелких веточек. После выстрела из гнезда стремглав выскочила куница и расплывалась в воздухе с вытянутыми лапками и хвостом, а Фартик в прыжке на лету поймал зверька и тут же раздался пронзительный визг собаки. Куница мертвой хваткой вцепилась в нос пса, а тот, трясая и тиская ее зубами, пытался оторвать от морды. Когда я поднял со снега куницу, осмотрел ее, то обнаружил лишь одну ранку на пальцах задней лапки, а заряд дробы второго выстрела прошел мимо цели, и только Фартик помог добыть зверька. Разгадка необычного поведения куницы заключалась в том, что стрелявшая в гнезде на сосне она опасалась подниматься туда вновь, да и рана на лапке не позволяла уверенно передвигаться по деревьям. Кроме того, преследователь оказался тихходным и не наступал ей на пятки, что позволяло зверьку чувствовать себя в безопасности на земле. Как только к погоне подключился Фартик, куница вынуждена была тут же повернуться, спрятавшись в первое же попавшееся на пути гнездо белки.

Отдохнув и скормив в награду собаке свой обед, я направился к дому. Фартик, несмотря на припущенный нос, чувствовал себя победителем, виляя баранкой хвоста и, радостно подпрыгивая, пытался лизнуть меня в лицо.

Рисунок А. Комарова

ПУТЕШЕСТВИЯ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОХОТА

«ТУРКЕСТАНСКИЙ ОХОТНИК», № 5—8, 1924 г.

ЛЕОПАРД И ОХОТА НА НЕГО В ЗАКАСПИЙСКОМ КРАЕ

С. БИЛЬКЕВИЧ

Леопард (*Felis pardus Tulluanus valens*), он же пантера и барс (у туркмен — каплан, у курдов — палан), в пределах Закаспийского края является исключительно обитателем гор.

Он встречается в Больших Балханах, Копет-Даге, Астрабадских и Хоросанских горах. Охотники часто сообщают о встречах с леопардом по Теджену и Мургабу; сообщения эти ошибочны и относятся к другому хищнику — гепарду, который там нередок.

Зоологи К. А. Сатунин и Н. Я. Динник считают леопарда у нас весьма обыкновенным и многочисленным; сведения эти нужно понимать относительно. У нас многочисленные архары, безбаровые козлы, джейраны, которых можно встретить часто по 20-ти и более голов. Что же касается леопарда, то он лишь изредка попадает. Обычно эти звери живут по одиночке и на значительном расстоянии и редко встречаются парами. По моим наблюдениям, если взять всю площадь, населенную леопардом, то едва ли на 400 кв. верст придется больше одного зверя.

Чем глубже и крепче ущелья гор, тем вернее возможность встречи с леопардом, особенно рано утром или перед закатом солнца. В жаркое время они отдыхают, выбирая для этого пещеры или места, сильно заваленные отпавшими скалами, дающими тень и прохладу. Зимой нередко возможно встретить их на охоте в течение целого дня.

Среди наших леопардов попадаются весьма крупные. Я делал измерения до снятия шкуры. Самый большой из них, убитый около Куркулаба, самец дал меру от носа по спине до основания хвоста 171 сантиметр и хвост 102 сантиметра. Зимой шерсть пушистая, окраска фона бледно-желтая. Летом шерсть короткая, сильно блестя-

щая, фон ярко-рыжий, пятна смолянисто-черные, резко выделяются. Несмотря на короткий волос, летний мех замечательно красив.

Вероятно, многим из товарищей-охотников приходилось видеть шкуры и живых леопардов в зверинцах, но кто не видел эту мощную кошку на свободе, тому невозможно представить себе всю грацию и изящество этого хищника. Он смел, ловок, силен, умен, хитер, лукав и крайне проворен. Туркмены говорят, что каплан есть исчадие ада, откуда он изгнан за свой коварный нрав; в наказание черт вымазал руки в саже и расписал его шкуру пятнами. Несколько раз я встречался с леопардом на близком расстоянии. Не могу передать словами его изящество и ловкость в движениях. Не зная на значительный вес и величину, движения его плавны, как у змеи; кажется, что скелет его изгибается не только по суставам, а как угодно, по его желанию. Если лев и тигр превосходят его ростом и силой, то по остальным качествам леопард, без сомнения, совершеннейший хищник мира.

Пищей для него служат, преимущественно, дикие козлы, архары, джейраны и иногда домашний рогатый скот. В сильно снежную зиму 1921-го г. леопард поселился в 15-ти верстах от Полторацка (Асхабада), в районе которого ежедневно таскал баранов. Много раз я ездил за ним, но глубокие ущелья были завалены снегом и совершенно недоступны. В результате сильно пострадавший от набегов леопарда владелец стад курд убил его во время нападения на стадо.

Иногда леопард не прочь полакомиться вкусным мясом дикобраза. Однако, этот спорт сопряжен для него с непонятными последствиями. При

отъемке шкуры с одного из убитых мной леопардов в подошвах его огромных лап оказалось девять обломков игл дикобраза. Некоторые из них загнулись и достигали до одного сантиметра длины.

Охота на леопардов, несомненно, одна из самых тяжелых, благодаря ходьбе по невероятным кручам. Организовать охоту специальную на леопарда в нашем краю невозможно. Зверь бродячий, не имеющий определенного местожительства; исключение составляют самки во время вскармливания котят; зато для этой цели самка выбирает такую трущобу, что обнаружить и добраться до нее нелегко.

Шатаюсь бесконечно в течение 24-х лет как по нашей, так и по персидской горной территории, с научно-зоологической целью и на охотах за козлами, архарами и кабанами, я видел леопардов 19 раз, из коих убил 7, а взял 6.

Для характеристики этой охоты расскажу несколько случаев из своей практики.

Охотясь в начале октября 1903 года на горных курочек в ущелье Сундукли, берущем свое начало из массива Терновли, я шел по верхнему карнизу ущелья, по временам сбрасывая камни, чтобы согнать курочек. Нагнувшись вниз для сброса камня, я увидел леопарда. Впечатление было сильное. Это был первый леопард, которого я увидел на свободе. Мигом я отшатнулся назад, выбросил дробовые патроны и заложил жевело; с этими снарядами я много охотился на лосей и медведей. Заглянув в ущелье, я увидел леопарда уже шагах в 6-ти. Стрелять пришлось в спину сверху вниз. Выцелив в переднюю часть, выстрелил, но зверь быстро пошел на уход

вниз. Вторая выпущенная пуля ударила возле него и взрыла землю. Отчаяние было велико при виде уходящей добычи, но я заметил, что движения его стали неровны, с пошатыванием в разные стороны. Леопард спустился на дно ущелья и скрылся за выступом скалы. Спуститься с этого места, где я стоял, не было никакой возможности. Пришлось сделать более полуверсты обхода. Когда я пришел на то место, где потерял его из виду, то оказалось, что рядом в скале находилась большая пещера: по следу было видно, что он в нее залез. Я вырубил кинжалом сажени две хворостину и засунул в пещеру, которая оказалась очень глубокой и до конца ее я не достал. Пришлось поджидать моего спутника курда, Гельды-Мергена, с которым мы уговорились встретиться в конце ущелья. Спустился час пришел Гельды, который заявил авторитетно, что зверь в пещере и что за один фунт пороха он готов его извлечь. Мы проходили еще около двух часов и вернулись к пещере. Гельды разделся до пояса, взял в зубы свой кинжал и смело полез в пещеру. Короткое ожидание показалось вечностью. Я стоял с готовым ружьем у входа в пещеру. Мерещилось, что леопард терзает Гельды. Наконец, послышалась возня и жалобно произнесенное: «яман».

— Ну что, Гельды, каплан ушел?

— Каплан мую, порух твоя. Давай порух, мы тебе каплан тасим...

Оказалось, леопард уже успел оченеть; он его приволок к выходу из пещеры, но счел нужным еще раз убедиться в получении пороха. Леопард оказался крупным самцом до семи пудов веса.

После этой первой удачной охоты на леопарда я исколесил, разыскивая леопардов, огромные пространства наших горных тущоб, но тут-то и пришлось убедиться, что охота на него всегда связана со счастливым случаем.

В конце сентября 1916-го года я участвовал в экскурсии с геологом Нам в Гярмабских горах. Рано утром мы отправились в ущелье Сюлюкии по речке Секиз-Яб. Пройдя несколько времени, мне, как зоологу и охотнику, общество геолога, постукивающего беспрестанно молотком и выбивающего образцы горных пород, надоело. Я решил выбраться из глубокого ущелья на верхнее плато и поискать там баранов и козлов. Со мной была винтовка Манлихер-Шенауер с патронами дум-дум.

Прошли мы еще около версты пока не нашли подходящего подъема, чтобы выбраться из ущелья наверх. Карбалкался по карнизам, подчас совершенно обвисшим, около часа, пока не нашел удобную площадку, где решил отдохнуть и дать успокоиться работе сердца. До конца осталось не более 30-ти аршин. Выкурился подряд не-

сколько папирос, пошел наверх. Лишь только я высунулся наполовину из ущелья, как увидел в двадцати пяти шагах от себя сидящего по-собачьему, откинув свой длинный хвост, леопарда. Зверь, видимо, не намеревался уступить дорогу: оскалив верхнюю губу, он щелкнул несколько раз белыми зубами, оставаясь в том же положении. Я мигом открыл предохранитель винтовки, приложил ее к выступу скалы и стал прицеливаться сначала в голову, но тут мелькнула мысль, что на таком близком расстоянии винтовка может повисеть, и я перевел прицел в лопатку и выстрелил. Леопард сделал огромный вертикальный прыжок и начал биться. Переменяя патрон, я хотел послать ему вторую пулю, но в это время заметил в 150-ти шагах медленно спускавшегося по пологому плато второго леопарда. В критические моменты я никогда не теряюсь и действую вполне сознательно. Однако, в данном случае, помнится, раза два менял прицел, то по раненому, то по уходящему зверю. В результате выстрелил по дальнему; быстро сменил патрон и вскочил наверх. Мой раненый леопард уже не нуждался в достреле, он лишь конвульсивно вздрагивал лапами и хвостом. Я пустился бежать ко второму. Шагах в пятидесяти от места, на котором был леопард в момент выстрела, оказался небольшой овраг, заросший непроходимым кустарником туркменской ежевики; очевидно, зверь скрылся в нем. Подойти ближе я боялся, так как леопард одним прыжком мог очутиться на мне и парализовать защиту. Многократно я обошел заросли ежевики шагах в сорока, но ни малейшего присутствия леопарда не заметил. Невзирая на все, я был глубоко убежден, что зверь сильно ранен... Пришлось идти верст пять до поселка за лошадей, чтобы увезти убитого первого леопарда. Ко мне присоединились четыре поселянина, которые захватили пару дворовых собак. Однако, дворняги отказались искать, и мы бросили дальнейшие поиски второго леопарда... Спустя неделю мы попали опять в Гярмаб. В поселке нам сказали, что бабы ходили собирать ежевику и оттуда несет падаюло. И какая же была досада, когда, подойдя вплотную к кустам, я увидел на ветвях ежевики зацепившийся хвост леопарда, который, видимо, сделал прыжок в кусты и упал замертво! Вся шкура и туша представляли сплошной ком червей. Я все же вытащил его из кустов и обрезал череп и когти. Разрывная пуля пробила ему шею.

Упомяну об одном трагикомическом случае с моим товарищем по охоте. В поселке Верхне-Скобелевском был учителем некий М-в. Он не раз приглашал приехать к нему на охоту. Однажды, в конце декабря, получил от него письмо с извещением, что гор-

ные козлы и архары ходят большими гуртами. Хотя этих зверей я встречал штук по двадцати вместе, но «гуртов» никогда не видел, решил посмотреть. Было 9 января. Погода отвратительная, при сильнейшем ветре шел снег. В горах, с массой обрывов и ущелий, ходить трудно и опасно. Вышли на охоту с рассветом. Мой спутник вооружился малопулькой Франкотта. Несмотря на мои заверения, что это оружие пригодно по птице, да в стрельбе по домашним котам, он авторитетно заявил:

— Скоро сами узнаете, что это лучшее оружие на архаров, потому что своим звуком выстрела не пугает зверей.

Проходили часов до десяти безуспешно. Наконец, осматривая через бинокль одно из ущелий, я заметил внизу в загибе отдыхающих архаров, голов восемь. Подход с подветренной стороны был очень удобен. Спутника своего я оставил наверху, а сам спустился вниз и тихонько стал подходить. Было не более ста шагов до выступа, за которым лежали архары; шансы на успех были полные. Но вдруг, что такое?! Слышу какой-то хлопок неопределенного звука, а вслед затем топот архаров, которые один за другим шагах в четырехстах выскакивают из ущелья на верхнее плато. Мой спутник жестиком указывал руками и всем своим корпусом. Несмотря на свой спокойный характер, я послал по его адресу такие ругательства, от которых самому стало стыдно... Делать нечего, выбрался и я наверх. Коллега встретил меня весьма сконфуженно и заявил, что никак не думал таким негромким выстрелом спугнуть архаров, вид у него был настолько искренно наивный, что я не решился его отчитывать. Пошли дальше... проходим с полчаса, вижу бежит ко мне, запыхавшись, коллега и показывает на двух архаров, пасущихся в полуверсте. Осмотрев через бинокль позицию, я убедился, что поход к ним невозможен.

Не успев еще успокоиться от предыдущей досадной неудачи, я предположил ему еще раз показать качества Франкотта. Уговаривать долго не пришлось; он стремительно двинулся по направлению к архарам, я же уселся на камень и через бинокль стал наблюдать архаров и действия ретивого охотника. Чем ближе он подкрадывался, тем становилось мне досадней, что не пошел сам. Местность оказалась заросшей высокой сухой травой, и, подкрадываясь на четвереньках, он по временам совершенно терялся с глаз. Вижу ясно спокойно пасущихся архаров, шагах в шестидесяти от дерева арчи, от которой и мой спутник не дальше. Еще несколько моментов и картина переменяется так, что я встал в тупик. Ярый охотник вскочил, как ужаленный, и пустился бежать обратно вниз с быстротой, по мень-

шей мере, зайца... Посмотрел я на архаров — они уже скрылись, но зато под арчей я увидел величаво стоящего леопарда, который, потянувшись раза два, тихонько пошел вверх по плоскогорью.

Бывают нелепые люди, которые даже без всякого намерения огорчают ближних. Несомненно, что и леопард, который, скрадывал архаров и был близок к удачной охоте, ругнул моего коллегу не хуже меня...

Когда сошлись с товарищем, вид у него был взволнованный и растерзанный.

— Представьте, какой ужас!

Я ему ответил:

— Ужас я вижу, но вашего Франкотта не вижу.

Тут только он заметил, что действительно ружья нет. Мы его нашли на том злополучном месте, откуда он увидел леопарда. Снег был вершка в два, следы ясно видны, и погода прояснилась. Была надежда найти ушедшего леопарда. Однако зверь оказался хитрым. По свежим следам я проходил до сумерок и, невероятно утомившись, вынужден был закончить этот злополучный день «попом».

Вероятно, товарищи-охотники спросят, насколько охота за леопардом связана с опасностью? На этот вопрос определенно можно сказать, что все зависит от качеств самого охотника и его оружия. Стрелять нужно спокойно, с полной уверенностью в свое оружие. Горячим и пылким охотиться за этим зверем не следует. Леопард на рану крепко; убить наповал — большая случайность. Все леопарды, по которым я стрелял, были убиты не за смертью; на месте остались только два, остальные со смертельными ранами уходили на некоторое расстояние и никогда не проявляли намерения броситься на охотника. Кстати сказать, что из долголетней практики охот по крупному зверю я убедился, что вообще зверь, получивший смертельную рану, всегда старается уйти. Наоборот, легко раненный пытается отомстить обидчику. Были неоднократные случаи растерзания охотника леопардом. Знаю лично нескольких из наших поселенцев охотников, сильно покалеченных леопардом, спасшихся лишь выручкой товарища.

Наши охотники-поселяне редко охотятся в горах в одиночку, обычно охоты ими организуются по несколько человек.

Туркмены за леопардом почти не охотятся. Чаще бьют их горные курды, которые по своему образу жизни, как скотоводы и контрабандисты, больше занимаются охотой; кроме того, большинство курдов хорошие стрелки и охотники.

Рисунок В. Горбатова

ЗАПИСКИ СЧАСТЛИВОГО ЧЕЛОВЕКА

Обращаясь к прозе Сергея Тимофеевича Аксакова, всякий раз испытываешь чувство, впервые родившееся, кажется, еще по прочтении когда-то давно «Детства Багрова внука»: ощущение теплоты и уюта скромного усадебного быта, близкого земле и крестьянскому труду, простоты добрых людских отношений, родственного восприятия природы, ощущение обстановки, располагающей к созерцанию и неторопливым размышлениям... Его «Записки», посвященные рыбной ловле и ружейной охоте, прочитанные мною позднее, укрепили это чувство, позволили составить более полное представление о жизни российского провинциального общества первой половины XIX века, для которого охота была характерной национальной чертой. Все более заметное место начинала занимать тогда в русской литературе и охотничья тема. И так же, как невозможно представить себе все наше древо отечественной словесности без творчества Пушкина, нельзя представить его охотничью ветвь без произведений Аксакова. Его «Записки об ужении рыбы» вышли в свет в 1847 году, когда их автору шел уже 56-й год; через 5 лет появились «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» и еще позднее, в 1855 году, за 4 года до кончины — «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах». Связав почти всю свою сознательную жизнь с литературой — Аксаков писал стихи, был известен как театралный и литературный критик, служил цензором, сотрудничал в журналах — за свои «Записки» он отважился взяться лишь на склоне лет. Это лишний раз говорит о том, как труден опыт постижения природы — если только, конечно, речь идет о подлинно достоверном ее изображении — один из самых сложных и кропотливых, требующий для накопления многих лет жизни.

Появившиеся произведения Аксакова были сразу же высоко оценены современниками — и не только охот-

никами. «Что за мастерство описаний, что за любовь к описываемому и какое знание жизни птиц! — отзывался Н. Г. Чернышевский. — ...Ни одна западная литература не похвалится чем-либо, подобным «Запискам ружейного охотника»».

В одном из своих писем к Аксакову Гоголь писал, что хотел бы видеть героев второго тома «Мертвых душ» такими же живыми персонажами, как его птицы.

Обогатившими не только охотничью литературу, но и «общую нашу словесность» считал аксаковские «Записки» И. С. Тургенев. Очень высоко оценивали прозу Аксакова Л. Толстой и Герцен, Салтыков-Щедрин и Шевченко...

Творчество С. Т. Аксакова, несмотря на его ярко выраженную национально-самобытную окраску, на привязку «Записок ружейного охотника» к определенной географической области, Оренбургской губернии, давно уже стало достоянием разноязыкой словесной культуры всей нашей Державы. И знаменательно, что Киевское издательство художественной литературы «Дніпро» издало в 1991 году к 200-летию рождения С. Т. Аксакова объемистый сборник его произведений об охоте и ужении рыбы под общим названием «Охота пуще неволи». В него вошли, кроме названных тех и других «Записок», все рассказы и воспоминания об охотах, заметки о «Тихой третьей охоте» — грибной, о «собирании бабочек», очерки о природе, так или иначе связанные с охотой. Составитель сборника, он же автор вступительной статьи и комментариев, С. П. Фатеев, предложил читателю книгу произведений Аксакова такого состава, в котором они еще не издавались. Думается, предлагаемый состав оправдан, потому что дает в одной книге наиболее полное представление об Аксакове как о страстном охотнике, тонком наблюдателе и знатке природы. Очень хорошо и верно, на мой взгляд, назвал составитель вступительную статью: «Записки счастливого человека». Ведь все аксаковские «Запис-

ки» — это выражение глубочайшей любви; любовь невысказанная — мучительна, излившаяся — дает радость и счастье полноты жизни. И потому их автор, конечно же, должен быть назван счастливым человеком. Радость испытывают и читатели, наделенные такой же любовью к природе, к чистому родному языку, к охоте — если только это настоящие охотники. Понятие «настоящие» Аксаков определял в зависимости от пристрастия охотников к тому или иному виду дичи; мы же теперь издавна — возможно, от прошлого века — в «настоящем» видим охотника именно аксаковско-тургеневского типа, для которого охота прежде всего поэтическое приобщение к живому миру природы. Гуманное, нравственное отношение к природе, лучшим средством постижения которой является охота, — это основная мысль вступительной статьи, написанной обстоятельно, с великой симпатией к Аксакову и с глубоким знанием его творчества и жизненного пути. Вступление к сборнику перекидывает к современности мостик из поры почти полутрагической давности, когда появились книги Аксакова, оно призывает одуматься в безрассудстве хищнического разграбления земли, прислушаться к пророческим словам аксаковского стихотворения:

И люди набегут толпами,
Твое приволье полюба...
И не узнаешь ты себя
Под их нечистыми руками!..
Сомнут луга, порубят лес,
Взмутят и воды — лик небес!

Книги Аксакова, написанные сердечно-доверительно без каких-либо литературных ухищрений, пережили множество некогда модных, с заливчатскими сюжетными перипетиями романов, они стали высокой школой многих русских литераторов. Своим прямым предтечей в творчестве считал Аксакова замечательный писатель, классик русской советской литературы И. С. Соколов-Микитов.

С недавнего времени С. Т. Аксаков стал для Украины писателем «ближнего зарубежья». Выпущенная к юбилею писателя издательством «Дніпро» книга, прекрасный подарок украинским собратям по ружью, убедительно доказывает, что для общей духовной культуры нет ни границ, ни таможи. Хочется надеяться, что какое-нибудь из российских издательств сделает подарок и российским охотникам, осуществит переиздание сборника «Охота пуще неволи». Можно с уверенностью сказать, что все мы, и российские, и украинские охотники, хоть сколь-нибудь достойные звания «настоящих», вышли из аксаковского творчества. И пока будем верны его духовному наследию, будем хранить его, русская охота останется нашей общей национальной чертой, благородным увлечением, доставляющим радость сотням тысяч охотников.

* С. Т. Аксаков. Охота пуще неволи. — К.: Дніпро, 1991. — 100 000 экз.

Наши гости не остаются в накладе.

Фото С. Н. Часовских

ОХОТА ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВ: ПРОБЛЕМЫ, ПРОБЛЕМЫ...

С. ДЕНИСОВ

Автор этих строк счел необходимым три года спустя после опубликования в журнале «Охота и охотничье хозяйство», № 12 за 1989 г. его статьи «Это увлекательное сафари» вернуться к теме, ставшей сегодня весьма актуальной и в известной степени проблематичной. Речь идет об организации охоты для иностранных туристов, получившей в последние два года широкое распространение на тер-

ритории бывшего СССР и в России в частности. Как отечественными охотниками, так и людьми, далекими от охоты, этот вид иностранного туризма воспринимается по-разному. Одни обвиняют организаторов охотничьих сафари в продаже иностранцам природных ресурсов, охотничьих животных. Высказываются опасения деградации генофонда при отстреле на этих охотах зверей с выдающимися тро-

фейными данными. Другие сердито сетуют на то, что в угодах с шикарными охотничьими базами, где недавно проводились «барские» охоты, теперь принимают богатых иностранных охотников. Насколько же объективна эта критика?

Во-первых, охотхозяйства, арендаторы охотугодий, принимающие иностранных охотников, продают право на отстрел объекта охоты, причем ино-

Вологодская областная универсальная научная библиотека

странцам продается не более 5 % лицензий. То есть ими добывается мизерная часть запланированных к отстрелу, как правило, на мясозаготовки диких животных. При разумном, хозяйском вложении средств, полученных от туристов, можно и должно воссоздать охотугодья, радующие местного охотника обилием дичи.

Так что, в корне неверно в данном случае говорить о продаже зверей иностранцам, в принципе, продаются услуги и появляется реальная возможность поднять охотничье хозяйство, сделать его наконец-то интенсивным.

Понятие «продажи» зверя, а точнее, продукции промысла, скорее подходит к экспорту тысяч шкур дикой пушны, но это для нас, видимо, дело привычное, имеющее вековую историю, кстати, давнее России немало золота и служившее предметом гордости россиян.

Охотничьи сафари в других странах также имеет многолетнюю историю и доходы от охотничьего туризма в ряде стран исчисляются миллионами долларов. Этим фактом надо не пренебрегать, а пользоваться.

В нашей стране иностранный охотничий туризм сейчас находится в начальной стадии развития. Организацией его начали заниматься самые различные структуры: туристические, коммерческие и даже административные, никакого понятия об охоте не имеющие. Охотничьи туры для иностранцев пытаются организовать практически в каждой области России. И организуют, только чаще всего не более двух-трех раз. Не происходит прием по графику групп охотников от постоянного западного партнера. Причин тому немало, две, основные, необходимо рассмотреть.

Первая. Полное отсутствие теоретической подготовки и практического опыта в области организации иностранного специализированного туризма.

Охотничий иностранный туризм требует особой разносторонней подготовки. Высокий профессионализм в области сервиса должен сочетаться с профессиональными знаниями охотника. Для работы с инофирмой необходимо, кроме знания тонкостей в проведении охот, владения информацией о сафари в других странах, умение найти взаимовыгодное компромиссное решение при продаже туров и, наконец, владеть языком, на котором говорит партнер. Некомпетентность вызывает у партнера в лучшем случае снисходительно-жалостливое отношение к таким предпринимателям от охоты. Почувствовав ее, инофирма работает с дилетантом либо по минимальным ценам, либо не работает вообще. В результате, не только отсутствие возможных доходов, страдает престиж русской охоты.

При обслуживании иностранных охотников необходимо руководствоваться принципом: каждый человек

Фото А. Щеголева

достоен уважения и должен быть обслужен на самом высоком уровне. Важно заранее знать требования и пожелания охотника в плане условий проживания и питания, учитывать возраст и физические данные человека в процессе охоты. На охоте, во избежание недоразумений, необходимо тактично остановить от поспешного выстрела, если трофей не соответствует заказанному. Этика обслуживания должна основываться на уважении, внимании и чувстве собственного достоинства.

Егеря-проводники должны быть хорошо проинструктированы по всем вышеуказанным позициям. Но итог работы будет зависеть от степени подготовки охоты. Каждая охота должна готовиться самым тщательным образом заранее.

Неудовлетворенность охотников и их отрицательные отзывы о приеме и охоте в адрес инофирмы, как правило,

вызваны тем, что они видят неподготовленность охоты, проживают порой в антисанитарных условиях, чувствуют неуважительное к себе отношение проводника, работающего с видимым нежеланием, либо ожидающего получения доплаты от охотника, а то и требующего ее. А ведь охотник уже немало заплатил инофирме и вправе требовать предоставления ему качественных услуг.

Вторая причина прекращения работы с инофирмой — это финансовые разногласия при расчетах за охотничьи туры, либо просто отказ от их оплаты. Эту причину можно рассмотреть на примере «работы» одной австрийской фирмы. Эта фирма направляет своих клиентов в различные регионы России вплоть до Хабаровского края. Оплата туров после охоты производится частично, либо вообще не производится, и фирма исчезает из поля зрения организаторов охоты, оставаясь пока безнаказанной.

Поэтому при выборе западного партнера необходимо знать, с кем предстоит работать, а найдя партнера, работать так, чтобы первая причина не прервала плодотворного сотрудничества.

Стиль работы в коммерческом плане организаторов охот также оставляет желать лучшего. Принимающая сторона работает либо по демпинговым ценам, дискредитируя себя и охоту в России, либо непомерно завышает их, приводя в несоответствие уровень услуг и их стоимость. При объявлении цен иностранному партнеру ориентируются, как правило, на европейские, либо американские цены, игнорируя все теории ценообразования, местные условия и не анализируя свой финансовый баланс. Только в результате установления приемлемых для обеих сторон цен и выполнения работы по вышеуказанным принципам появляется реальная возможность серьезного сотрудничества с двумя-тремя инофирмами, а в дальнейшем, разумного повышения цен на охотничьи туры и выбор наиболее платежеспособного иностранного партнера. Далее, внимательное изучение внутреннего рынка, учет интересов инофирм и гибкая ценовая политика позволяют обрести стабильность в работе. Важно лишь учитывать, что получение постоянного дохода и увеличение прибыли возможно лишь в случае неуклонного роста уровня обслуживания и увеличения разнообразия предоставляемых услуг.

Возможности развития охотничьего сафари на огромной территории России очень велики. Они определяются многообразием природных зон и объектов охоты. Правильная организация этого очень трудного и ответственного дела несомненно послужила бы укреплению охотничьего хозяйства, приумножению численности охотничьих животных, ибо это в интересах самих охотпользователей, приносящих иностранным охотников.

ОХОТА — ЗАБАВА МИЛЛИОНЕРОВ?

ПРОПИСАЛАСЬ В ГОРОДЕ

ЗАЙЦЫ НАПУГАЛИ ОХОТНИКА

Хочу рассказать о случае, который произошел с моим отцом в далеком 1918 году весной на глухаринном току. Ему шел девятнадцатый год.

Накануне вечером он был на «подслухе», заблаговременно пришел на токовище и оставался в ожидании начала песни около низины, по которой журча, скатывалась вешняя вода. Стояла на редкость тихая ночь, стлался туман и было слышно, как капли падали с деревьев в воду.

Проснувшись зарюнка, предвестница глухаринной песни. Отец замер в ожидании начала тока. Не привидел бог в это время «подшуметь», глухарь будет долго входить в песню, а то и вообще может слетать. Однако все обошлось. Послышался первый робкий щелчок со смягчающим концом «тэк...» и снова мертвая тишина. Только человек, побывавший на глухаринном току, может понять и оценить то волнение и радость, которые испытывает охотник, услышав этот завораживающий звук. Спустя некоторое время донесся до уха второй, более уверенный, щелчок, «тэк», потом третий... и постепенно краснорубый красавец разошелся и начал «играть».

Отец уже намеревался сделать первый подход, как вдруг в низине, в воде, что-то громко и часто зашлепало, замелькали какие-то тени, то сближаясь, то расходясь. Мошник замолчал. Тени тем временем постепенно приближались... Не помня себя от страха, что есть мочи, он крикнул: «Аминь» и перекрестился. Глухарь сразу слетел. Все «стихло». Отец стоял как

камень. Спустя несколько секунд, показавшиеся вечностью, все повторилось. Словно какие-то бесы носились по воде взад и вперед, справляя свой, никому не ведомый шашбш. «Аминь» снова по весь голос крикнул отец и сделал крестное знамение. Опять воцарилась мертвая тишина. И так повторилось еще несколько раз. Не двигаясь с места, отец простоял до рассвета, когда все бесы исчезают. Мало-помалу он успокоился и пошел вверх по низине ближе к своей сторожке, вскоре увидел стайку зайцев и догадался, что его смертельно напугал. В апреле зайцы повторно «бегаются», самцы группкой преследуют зайчиху. Не знал он тогда, что в тумане, особенно ночью, часто случается оптический обман, когда предметы кажутся во много раз больше. Так что и зайцы могут «до смерти» напугать ночью в лесу человека с ружьем. «У страха глаза велики».

Много лет спустя, когда мы подросли, отец не раз рассказывал нам эту историю, а мы все дружно смеялись и повторяли за ним: «Шлеп, ... шлеп, ... шлеп, ...» Аминь»...

С. ЧУМАКОВ
Московская область

Уважаемая редакция! Сколько помню себя, читаю журнал «Охота и охотничье хозяйство» и не могу сравнить его ни с каким другим. По моему глубокому убеждению, это единственное издание, которое в полной мере выражает чувства и чаяния истинных любителей природы, старается как можно больше помочь им, и как никто другой держит контакт со своими читателями, не мудствуя лукаво перед ними. Может, с того и привилась мне любовь к этому журналу. Во всяком случае, вот уже 20 лет, из года в год, я выписываю его и уверен, что таких, как я, много.

Правда, сам я в журнал никогда не писал, но сейчас не могу удержаться. Все мы прекрасно понимаем, в каком тяжелом положении оказалась пресса. Многие подписные издания уже погибли, а другие — на грани банкротства. Выживают лишь те, кто с благоволения высочайшего руководства подался в торговство. Лично я, сколько бы ни стоила «Охота и охотничье хозяйство», все равно на нее подпишусь, даже если придется отказать от других изданий.

Мне бы хотелось завязать переписку с охотниками, которые смогли бы рассказать о природе, о своих встречах с животными, поделиться планами на будущее. Буду очень благодарен за отклик.

Мой адрес: 636760, Томская обл., р/центр Александровское, ул. Юргина, 74. Юрию Гайзнову.

Здравствуйте. Я ваш постоянный читатель и с нетерпением жду каждый номер журнала. Хочу описать один из эпизодов охоты во время отпуска, когда в декабре прошлого года я отдыхал в пос. Орловском, Ростовской области. Стояла отличная погода: снег только закрыл землю, был небольшой морозец. Вдвоем с родственником жены мы вышли на поля озимой прохотиться на зайцев-русаков. Подъехав к одной из лесополос, приятель остался там, а я на мотоцикле объехал вокруг и замаскировался на другом конце на пересечении двух лесополос. Мой напарник пошел в мою сторону, и минуты через две я увидел первого русака. Он недобежал до меня метров 150, резко ушел в сторону и очень быстро скрылся из виду. Я продолжал ждать. Вдруг вдоль лесополосы побежал второй русак. Я затанцевал и почувствовал, как стучит мое сердце. Когда заяц поравнялся со мной, я с расстояния десяти метров выстрелил и позорно промахнулся... Вместо того, чтобы кинуться прочь, он повернул и побежал на меня. От неожиданности пришлось сделать два шага вправо, заяц пролетел мимо, но второй выстрел был точный. Все дело оказалось в том, что русак бежал вдоль лесополосы, и когда я выстрелил, то эхо отразилось от деревьев, и зверю показалось, что стреляли из лесополосы. Это был очень крупный самец весом 5,5 кг, на правом ухе у него была рваная рана, а шерсть завилась на спине, как каракуль. Наверное, отметину он получил или от хищников, или от своих конкурентов на весенних свадбах.

С уважением,
В. БЕЗУГЛОВ

Я раньше писал вам и никогда не думал, что получу ответ. Спасибо. И судя по откликам вы никому стараетесь не отказать. Очень люблю журнал, мне интересно его читать. В роду охотников нет, но есть много друзей, у которых я кое-чему научился. У нас в селе Устье большой охотничий коллектив, которым руководит Т. Лебедь. Это опытный охотник и хороший человек. Он и такие, как Б. Плахотнюк, В. Лебедь, С. Фищук, В. Фищук, С. Плахотнюк, В. Плахотнюк — старшие наши охотники, учат молодых охотничьему делу, учат правильно обращаться с природой. Коллектив у нас дружный, веселый.

С. ШЫМБИР
Винницкая обл.

Мне 35 лет — из них 22 охочусь самостоятельно. Нет для меня ничего дороже охоты и всего, что связано с ней. Журнал выписываю с 1978 г., но подшивка есть с 1963 г.

Хочу рассказать о своих собаках. Начну с того, что родился я в Казахстане, на окраине степного села, и меня с рождения окружали собаки. В то время отец и его брат держали питомник — до двадцати казахских борзых — тазы. В осенние и зимние месяцы они добывали до 35—40 лисиц и множество хорей. К шести годам дед подарил мне курковую тулку 16-го калибра.

Скоро мы переехали жить на Волгу, и первой охотничьей собакой, с которой я мог заниматься, стал крапчатый красавец сеттер Джеж. Помню только одну охоту с ним — на диких голубей. Только раздался первый выстрел — он сразу же исчез и пришел домой поздно вечером.

Второй собакой стала английская гончая Найда. Первый раз она погнала зайца в восемь месяцев, и я взял из-под нее первого в своей жизни русака, что и зафиксировал фотоаппарат моего отца. Однажды мы набрали с ней на лесное озеро, а там — стая чирков, штук 15—20. После выстрела на воде осталось три, четвертый, подранок, тихонько двигался к камышу. Пока я раздумывал как достать добычу из холодной (дело было в ноябре) воды, Найда тихо-тихо двигалась к подранку. Подошла, аккуратно взяла его поперек и положила к моим ногам. Также молча и не спеша вынесла на берег всех остальных, хотя никто ее этому не учил.

Русская спаниелька Лада появилась у меня уже на Урале, куда я попал, отслужив в армии и женившись. Молока ей, видно, не хватало, и она была малорослой и слабенькой, но на редкость красивой. Аппортировала все, за камнями даже ныряла, а вот перо не признавала. С трудом ее приучил, обвязывая тушку дрозда несколькими слоями капронового чулка. Одетая была бедненько и поэтому мерзла. Охотясь с ней по пролетным уткам, никогда не забуду истеричный хохот друзей-охотников. Собака сидит на берегу, а хозяин голый, но в меховой шапке, раздвигая мелкие льдинки, лезет за чирочком, показывая собаке, как это нужно делать. А еще Лада была очень гордой. Если она считала, что отругала ее напрасно, упознала под диван, и ведь не выйдет ничем. Приходилось извиняться. Представьте картину. Взрослый мужик, выставив из-под дивана заднюю часть тела, объявлял существо чуть больше его собственного тапочка, что он — скотина и последний негодяй, и что, конечно же, такого больше не повторится. И, что вы думаете, лизнет в лицо, выскочит и ведет себя как ни в чем не бывало. Погибла глупо. Громадная немецкая овчарка, с которой они не раз играли, неожиданно набросилась на нее и прокусила позвоночник.

В 1983 г. приобрел на выставке черно-пегий лопухий комочек. Но пребывание у нас этой собачки оказалось недолгим — через два месяца ее украли.

Отдыхал я как-то весной в низовьях Волги, рыбачил, катался на лодке. Подъехал к местным рыбакам. Они развлекались тем, что допивая очередную бутылку водки, бросали ее в бурлящую весеннюю Волгу, а лохматая собачонка, вся в репьях, таскала их обратно на берег. В этом комке грязи и репьев я с удивлением узнал чистокровного русского спаниеля. Никогда я еще так не желал собаку. Вцепился в мужиков — продайте. Вначале повыламливались, потом променяли ее на литр водки. Собака только исполнился год. Забросив все дела, срочно занялся натаской и сделал из нее отличную подружейную собаку. На вторую неделю после открытия осеннего сезона мы с бимкой успешно охотились на перелетах.

А. ПОПОВ
г. Магнитогорск

Серая ворона прочно пропи-салась в городе. Корма здесь вдоволь круглый год, врагов практически нет. Кошка, собака? Ворона всегда успевает с лакомым куском взлететь на дерево, а с кошкой и поспорит. Она хорошо усвоила, что в городе по ней не стреляют, а за ее чертой, даже в зеленой зоне, отстреливают.

Ворона причиняет неприятности дворникам. Именно она вытаскивает из контейнеров на помойке свертки и кульки, засоряя территорию. В сообразительности ей не откажешь. Вот, из подъезда пятиэтажного дома вышла старушка с полной миской размоченного хлеба, высипала его на крышку смотрового люка. Слетелся голуби, плотным кольцом окружив корм, дробно застучали клювами.

Как только старушка ушла, с дерева слетела ворона. Попыталась протиснуться между голубями к корму. Нет, никак! Тогда она промчалась туда-сюда. Остановилась. Затем подошла к одному голубю, схватила его клювом за хвост и, пятясь назад, вытасила из плотного круга птиц. Голубь взмахнул крыльями и улетел. Ворона спокойно заняла его место и застучала клювом.

И. КУЛЕШОВ,
г. Иваново

«Ну, вот и охотились мы», — грустно сказал пожилой седоусый мужчина, разглядывая охотничьи товары на прилавке магазина. Тут были гильзы к ружьям 12-го и 16-го калибров, каждая стоимостью 15 рублей;

снаряженные патроны по 15—25 руб. за штуку; пули, порох. Но больше всего поразили нас капсулы центрального боя — они подорожали в тысячи раз и стали стоить по 1 руб. 50 коп. за штуку.

— Но окончательно нам может упрекнуть охоту убого понятая частная собственность на землю, — продолжал пожилой покупатель. — Отец мой еще рассказывал: «Гонишься за лисицей и вдруг слышишь: «куда прешь, быдло, на барской земле не велено охотиться. Ужо тебя на конюшню, да выпорю». Сейчас мы, кажется, идем к новому «прекрасному» будущему.

Уже не каждый может сегодня платить 450 руб. за путевки на утку и зайца, не по карману стали боеприпасы и кодовые ружья. Перестают охотиться пенсионеры, зато скоро начнет хозяйничать в угодах делец, для которого охотбаза все равно, что ресторан.

Подорожали горючее. Уже не скажет мне сосед, общественный охотинспектор: «Давай проверим дальнюю рошу, не шалят ли браконьеры?» Роши и плавни, леса и поля попадут в руки тех, у кого тугой кошелек. Вот эта публика и будет рыскать на машинах без помех.

И егеря им не указ. Чтобы выплачивать одному егерю минимальную зарплату, стали сокращать остальных. Увольняют не худших, а порой лучших людей, оставляя многодетных и не знакомых.

Конечно, в таких условиях браконьерство будет процветать. Кабинетные охотники-законодатели думают, что такая дороговизна сохранит поголовье дичи. Это самообман. Я теперь не стану стрелять серую ворону, бродячую собаку — зачем они мне, если дуплет стоит 50 руб. В то же время, истратив тысячи рублей на бензин, охотник не захочет возвращаться домой с пустыми руками, значит будет нарушать нормы отстрела. А куда пойдет пушнина? Платить 25 руб. за патрон и по 25 руб. сдавать шкурку? Уже в январе 1992 г. за тушку красавицы лисицы на «черном» рынке давали по 1500 руб.

Если ружья и шкурки будут покупать одни лишь дельцы и пройдохи, зачем нужны Росохотрыболовсоюз, нормы, права, мораль русской охоты? Останется только дикий рынок.

Н. ЗАБОЛОТНЫЙ,
Краснодарский край

Уважаемая редакция «Охоты и охотничьего хозяйства», читателям вашего журнала я стал очень давно, потому что занимаюсь охотой с детства и интересуюсь всем, что связано с ней.

С 1987 г. я работаю в Охот-

управлении Калининградской области, совмещаая обязанности районного и старшего районного охотоведа. Хочу сказать, что положение дел с охраной охотфауны катастрофическое, и не только в нашей области, но и по всей России. У нас дело усугубляется еще и тем, что Калининградская область — самая густонаселенная в Российской Федерации с развитой сетью дорог. Поэтому «наш» браконьер, как правило, хорошо оснащен транспортом. В области много военных, вооруженных хорошими световыми приборами, биноклями ночного видения, инфракрасными прицелами, боевым оружием.

У нас же, в охотуправлении, нет ни одного прибора ночного видения, нет радиостанции; половина автопарка годна лишь для списания; средств нет даже на запчасти. В месяц каждому охотоведу выдается только по 100—150 л бензина, о зарплате вообще говорить стыдно.

Создается впечатление, что для охраны природы у нас в стране кроме пустых дебатов вообще ничего не делается.

Ваш журнал считаю серьезным изданием, пользующимся большим авторитетом среди охотников, поэтому на его страницах хочу поделиться своими мыслями о преобразовании охотничьего дела и остановиться на проблемах работников госохотнадзора.

В ряде публикаций звучит обоснованная критика в адрес Главохоты и ее местных органов. Не стану отрицать, недостатки, и большие, в работе есть. Но считаю, что в их основе лежат экономические причины, прежде всего нищенское положение областных охотуправлений.

У районного охотоведа очень большой круг обязанностей: борьба с браконьерством, дело-производство по административным правонарушениям и надзор за исполнением решений по этим делам, работа с общественностью, контроль за деятельностью арендаторов охотугодий, организация охотхозяйственной деятельности на территории района.

Качественно выполнять обязанности госохотинспектора по 10—12 ч ежедневно может только высококвалифицированный специалист, у которого решены бытовые, производственные и денежные проблемы. А так как они отнюдь не решены, то это ставит госохотинспектора в зависимое положение от всех административных охотничьих органов. Из-за экономии денег на содержание службы охотнадзора страна теряет миллионы рублей.

Егерская служба охотобезопасности слабо справляется со своими обязанностями вследствие ее зависимого положения, а главное, по моему мнению, охрану госохотугодий нельзя пере-

кладывать ни на плечи общественников-энтузиастов, ни на общественную организацию, даже такую, как Росохотрыболовсоюз. Эту работу должны выполнять государственные служащие, работники службы охотнадзора. В то же время необходимо довести до уровня работников милиции материально-техническое обеспечение и правовую защищенность людей.

Такой разгул браконьерства, как наблюдается сейчас, долго продолжаться не может. Если так пойдет и дальше, то и охотиться скоро будет не на кого.

В. АНДРЕЕВ,
Охотуправление
Калининградской области

Уважаемая редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство»! В 5—6 номера за 1992 г. прочитал письмо дужанских охотников, которые возмущены публикацией рекламы и по этой причине отказываются от подписки на журнал. Конечно, каждый волен решать сам: подписываться ему или нет. Мне, например, не нравятся некоторые статьи, но я не собираюсь из-за этого расставаться с журналом.

Согласно Закону о средствах массовой информации, в издании периодическом может быть размещено до 40 % рекламы, но так как наш журнал охотничий, считаю, что и реклама должна быть соответствующей. А интересует нас, подписчиков, прежде всего оружие и боеприпасы, охотничье снаряжение.

Я считаю, что реклама нужна. И вот почему. Рекламист свою продукцию, завод-изготовитель решает проблемы с наличными деньгами, с транспортом для отправки, с браком, который можно устранить на месте. Читатель же экономит время на поиски этой продукции и деньги, поскольку 20—30 % от ее стоимости забирает магазин. Чем больше идет рекламы от предприятий, производящих снаряжение и боеприпасы, тем больше выбора у потребителя.

Читая рекламные материалы о различных видах охотничьих услуг, для нас было бы очень важно найти информацию о том, сколько будет стоить такая услуга, какие документы необходимо с собой брать и, конечно же, подробный адрес.

В выигрыше окажутся все — и читатели, и журнал, и изготовители.

С. ПУЗЬКО,
г. Москва

ГОЛУБОЙ ПЕСЕЦ
НА ВЕТКЕ

КОСМАТЫЙ

Г. Панкратов

...Косматый действует расчетливо, перебрасывая рыб через себя на лужайку. Но сильные рыбы, извиваясь и шлепая хвостами, иногда уходят обратно в воду.

Медведь меняет приемы. Зацепленную когтями добычу он кладет под себя и сидит на ней, пока рыба перестанет трепетать под грузной тушей.

...Косматый и его подруга чувствуют приближение жестокой пурговой зимы. Все реже и реже выходят они из своих берлог, все тоскливее смотрят по сторонам, вытягивая вверх морды.

Газета «Советская Чукотка»

ОТ ЛАПЫ МЕДВЕДЯ

А. Баранов

...Тем, кто первый раз пойдет на медведя, советуем брать двустольные ружья. Проверьте патроны, чтобы они входили свободно в патронник. Патроны на всякий случай держите в роту, а не в патронташе или тем более завернутыми в тряпку.

...Был в нашем леспромхозе один такой богатырь Максимов Иван; с ним — два сына. Они ничего не боялись, им что овцу убить, что «шатуна», хлопали медведей с деревьев.

...Хорошо, что рядом оказался лесник Анатолий Туленков, он и спас незадачливых охотников от верной гибели, схватив мертвой хваткой медведя за голову в последний момент, когда он уже успел на дереве сломать руку одному из охотников, а другому погрыз руку.

Газета «Белорецкий рабочий»
Подборку составила В. ПАВЛОВА

ПРОФЕССОР

Зима в подмосковном угольном бассейне выдалась ранняя и снежная. Как-то часов в 10 вечера кончился снегопад. Небо очистилось, чистая пороша. Наутро пошел потропить русаков. Взял след от озимого поля. Вот первая скидка, сдвойка, иду осторожно, кругом смотрю. А степь ровная, как стол. Вдруг вижу в стороне три копии. Ясно, что в одной из них лежит заяц. Но в какой? На всякий случай пошел к средней, все ближе к обеим крайним. Чуть прошел — взметнулся русачина из левой копии. Далековато, но ударил вторым номером. Заяц споткнулся, однако вскочил и помчался по полю.

Я стою и наблюдаю за ним: степь-то ровная, и день солнечный. Идет по большой дуге. А там, километрах в двух от меня, если по прямой, шахтенка небольшая, и по случаю воскресного дня никого там нет. В стороне от шахты — досчатая уборная, довольно большая. Смотрю, мой заяц по дуге к шахте идет и с ходу влетает в уборную.

Вышел на след: кое-где капельки крови. Значит, ранен. Надо добираться. Иду напрямик к уборной. Благо, ветер оттуда. Глаз, однако, с уборной не спускаю. Смотрю, выскочил мой заяц. Стал столбиком и озирается. Я замер. Минуты две прошло, видимо, успокоился косою и — юрк обратно в уборную. Пока я шел, он еще два раза выскакивал. Постоит столбиком, ушами пошевелит — и обратно в «хату». Когда шагов 20 оставалось, выметнулся заяц из уборной. Поздно — достиг его мой заряд.

Здоровенный оказался русачина. Видимо, старый и многоопытный, из той самой когорты, про которых уважительно говорят: профессор!

* * *

И в том же краю обманул меня такой же «профессор».

Тропил русака. А снега много было, почти по колено. Завел меня заяц в старый карьер. Покружил там и после вдвоек и скидок... залез в трубу диаметром сантиметров 40. Труба лежала наклонно и высовывалась из снега только одним концом, на половину сечения. Ну, думаю, сейчас я тебя, дурня,

вытворю на свет божий. Встал на трубу и давай топтать по ней ногами, а сам смотрю на выход из трубы. Вдруг что-то сзади зашуршало: оборачиваюсь, а заяц прокопал снег и из другого конца трубы выскочил, и пока я с ружьем разворачивался, он за бугор — и был таков!

* * *

А как ведут себя зайцы, если за ними вообще не охотятся?

Дело было на Камчатке, в Кроноцком заповеднике, точнее в знаменитой Долине Гейзеров. Как-то выдалась редкая в этих местах безоблачная, лунная ночь. Поднялись мы с женой на возвышенность, с которой долина хорошо просматривалась, полюбоваться окрестностями. И вот почти под ногами, буквально в одном-двух метрах, какое-то движение. Смотрим, а это пара зайцев тоже на холм поднялась травку пощипать. Кушают они эту травку, а на нас ноль внимания, будто и нет нас здесь совсем. Вот ведь до чего обнаглели. Знают, подлецы, что никто их не тронет, а значит, и бояться нечего. Тоже соображают!

С. ДАВИДОВ

СТРАХ

Мне было лет шесть. Я уже вырос (во всяком случае так решил отец), и меня одного с покоса отправили в деревню за продуктами.

В телегу запрягли умную старую лошадь, не забыв покрепче завязать супонь и чересседельник, дабы в дороге не развязались. До деревни было всего верст пять-шесть.

Усевшись поудобнее на охапку свежей травы, я в приподнятом настроении тронулся в путь. Там, где позволяет дорога, еду рысью, но больше шагом. «Торопиться мне некуда», — про себя решил я.

Неожиданно впереди телеги, словно из-под земли, появилась большая серая собака. «Дамка, Дамка!» — закричал я, используя самое распространенное у нас собачье имя. Я ожидал, что собака завилает хвостом, начнет ластиться, но этого не случилось. Остановившись метрах в десяти от дороги, пропуская мою телегу мимо, она с недобрим любопытством рассматривала меня и мою лошадь. Я, в свою очередь, рассматривал ее: необыкновенно тощая, с боками, похожими на стиральную доску, с отвислыми сосками, со злым взглядом исподлобья она вызывала во мне страх и чувство безразличия. «Нет, это не собака, а скорее волчица», — соображал я детским умом и стал понукать лошадь.

Волчица пропустила мою телегу, вышла на дорогу и, присев на задние лапы, тяжело зевнула, широко раскрыв пасть с длинным, узким языком, скорее желтого, чем розового цвета. Посидев с полминуты, она тихой трусцой побежала следом за мной. Страх быстро овладел мной. Сперва заныли, отяжелели ноги, потом затряслись, стали плохо повиноваться рукам, а голос сделался сиплым, совсем не моим. Скорее бы деревня!

Я снова стал понукать, хлестать вожжами коня, но старая кобыла, как назло, никак не реагировала на мои старания. Вскоре волчица догнала нас и, не спуская глаз с меня и телеги, семенила за нами легкой рысцой.

На свое счастье именно в это время я услышал позади стук колес и топот копыт. Оглянувшись, я увидел седока — за мной ехал приятель отца Елисей Волгин. Теперь волчица была мне не страшна. Она тем временем остановилась, с неприязнью поглядывая на мою, то на другую телегу. Потом рванула с места и большими прыжками стала уходить в сторону «пропащего» двора — огороженного места, куда со всей деревни свозили павших и замерзших животных.

— Здорово, парень, тебе повезло, — кричит мне Елисей Вениаминович. — Учуй кобыла волчицу, она разнесла бы тебя вдребезги! Выходит, что и лошадь приняла волчицу за собаку.

Страх долго сопровождал меня, особенно ночами, когда я просыпался и представлял себе волчицу, гнавшуюся за мной.

А. КАЙГОРДОВ

АЛЬПИЙСКИЙ ОХОТНИК БРОНЗОВОГО ВЕКА

«Монополии Египта на древнейшие мумии (фараонов) больше не существует»; «Во льду Альп найдена мумия человека, погибшего 4800 лет тому назад!». Такими текстами пестрели осенью 1991 года газеты всех стран Европы и обеих Америк.

Вот краткое описание самой сенсационной археологической находки конца XX века по публикациям лондонских газет «Санди Таймс», «Обсервер» и «Дейли Мейл», появившимся в конце сентября 1991 года. Публикации сопровождались цветными фотографиями мумии и даже тотальным рисунком реконструкции внешнего вида «ледяного человека», который мы и воспроизводим.

Мумию обнаружили два германских горнолаза в Южном Тироле на границе Италии и Австрии у кромки Симилаунского ледника на высоте 3200 м. Альпинистов привлекло коричневатое пятно в ледовой обтаявшей луже (ванне). Вслед за тем эти туристы вытащили из лужи голую мумию, остатки одежды и вооружения незадачливого охотника.

Мумию доставили на вертолете австрийской полиции в лабораторию Инсбрукского университета, хотя на нее уже претендовали немцы и итальянцы. При ближайшем исследовании было установлено, что мумия имеет целый голый череп с оскаленными превосходными зубами и якобы с голубыми глазами. Руки нелепо раскинуты — правая отведена вниз в сторону, левая перекинута под подбородком вправо. Обтянутая коричневатой голой кожей грудная клетка с выступающими краями ребер, а впалый живот окаймляют выпирающие кости таза и мошонка с половым членом. Вытянутые параллельно ноги с усохшей мускулатурой бедер, выдающиеся буграми колени, жесткие мощные сухожилия голей свидетельствуют о былой силе и выносливости. Ступни сохранили обрывки меховых полусапожек. На коже спины обнаружена татуировка в виде темных горизонтальных полос и глубокий подживший рубец.

По мнению австрийских ученых, ледовый человек был весьма элегантен, хорошо сложен и одет. Его рост был небольшой — 5 футов 3 дюйма (160 см) и вес около 120 фунтов (50 кг), возраст от 20 до 30 лет. Он был охотником, что доказывается амуницией. Одежда была кожаная и меховая. Шапка из шкуры серны, куртка и штаны из шкур альпийского козла.

Извлечено вооружение: обломки длинного лука и дюжины стрел с кремневыми и бронзовыми наконечниками, бронзовый топор-томагавк с кремневым лезвием — вкладываем в деревянную рукоятку длиной около 60 см. Имелся кожаный кошель с кремнями и трупом для добывания огня, кремневый нож, ожерелье на шее в виде нанизанных на кожаном ремешке светлых камешков. Была у бедолаги и полуметровая палка толщиной в руку. По мнению австрийцев, причиной смерти был холод — человек замерз на леднике во время охотничьего похода.

Я представляю себе дело иначе. Охотник, увлекшись преследованием альпийских козлов-ибексов, провалился в предательскую трещину и замерз, будучи зажатым между ледяных стен, беспомощно барахтаясь в своей жуткой могиле. Это неприятная, медленная смерть без надежд на спасение.

На Кавказе мне известен случай находки в Тебердинском ущелье в 1944 году полного скелета верблюда, который вытаял у кромки ледника. Быть может, верблюд шел в составе каравана из Грузии в Карачай или обратно шесть-семь сотен лет назад. Не так уж редко погибали и погибают овцы и коровы на балкарских и осетинских ледниковых перевалах, проваливаясь в трещины, при перегоне скота на летние пастбища и обратно. В 1948 году автор этой заметки, пересекая в одиночку ледник из Балкарского Череха в верховья Рюна, только чудом спасся, провалившись в трещину ледника метровой ширины и тридцатиметровой глубины. Спасла заделенная перемычка, оставшаяся на глубине четырех метров.

Возможны ли подобные и более древние находки мумифицированных трупов древних людей каменного века и века

металлов в нашей стране? Возможны! И даже более вероятны, чем где-либо на планете. Ведь наша Сибирь прочно держит первенство по находкам мерзлых трупов мамонтов, лошадей, бизонов, носорогов, овцебыков. На этих зверей усердно охотились наши далекие предки и, конечно, погибали при этом: тонули в крошечные льдин, в полыньях на реках и озерах, проваливались в промоины в подземном льде, как и мамонты; замерзали в пещерах, а в тундре — во время пурги.

У геолога Б. С. Русанова в его курьезной книжнице «Внимание Мамонты» (Якутск, 1976) есть описание находки скелета «Хатытырского человека» в заледенелой пещерке недалеко от города Алдана. Рост того незнакомца был якобы 2 м 10 см, а помер он 9800 лет тому назад. Если это так, то гигант-незнакомец мог еще охотиться на вымиравших в то время мамонтов. Подобные находки делались, конечно, и ранее аборигенами тайги и тундры, но, как правило, признавались ими останками своих же ближних предков, похороненных по старинному обряду — в корыте из ствола лиственницы.

Между тем, при элементарном знании дела, наш любой туземец (абориген) или залетный искатель охотничьих приключений мог бы прославить себя на века, обнаружив и сохранив для науки и общества мумию или скелет человека эпохи мамонта.

Н. ВЕРЕЩАГИН,
профессор

Так представил художник газеты «Санди Таймс» альпийского древнего охотника.

НА ПРИВАЛЕ

РОСОХОТРЫБОЛОВ- СОЮЗ — ЭТО ВОЗМОЖНОСТЬ

получить незабываемые впечатления от общения с природой, редкие охотничьи и рыболовные трофеи, приобрести надежного и выгодного партнера в области охоты и рыболовства, производства и торговли снаряжением, необходимым охотнику, рыболову и туристу.

РОСОХОТРЫБОЛОВСОЮЗ — самая массовая в стране охотничье-рыболовная общественная организация, действующая на принципах хозрасчета и самофинансирования и объединяющая около трех миллионов граждан.

РОСОХОТРЫБОЛОВСОЮЗ располагает:

- 3,5 тысячами охотничье-рыболовных хозяйств во всех уголках России;

- 7 тысячами охотничье-рыболовных баз, охотничьих угодий, в которых водятся кабан, лось, косуля, олень, медведь, лисица, волк, енотовидная собака, заяц-русак и беляк, глухарь, тетерев, рябчик, болотная и водоплавающая дичь;

- водоемами, богатыми рыбой, где есть все условия для популярных видов ловли;

- 26 промышленными предприятиями, ежегодно производящими принадлежности для охоты и рыбной ловли на сумму 400 млн. руб;

- сетью из 790 магазинов и торговых точек с товарооборотом 252,5 млн. рублей, торгующих охотничье-рыболовным и туристским снаряжением.

Вы захотите вступить в **РОСОХОТ-
РЫБОЛОВСОЮЗ**, потому что сможете:

- охотиться и ловить рыбу по льготным путевкам с предоставлением широкого комплекса услуг;

- научиться у опытных инструкторов всем тонкостям охоты и рыболовства, получить консультацию в приобретении, выращивании и подготовке к охоте охотничьей собаки;

- заниматься в секциях стрелково-охотничьего и рыболовного спорта, охотничьего собаководства и участвовать в областных, республиканских, всесоюзных и международных соревнованиях в составе сборных команд **РОСОХОТРЫБОЛОВСОЮЗА**.

РОСОХОТРЫБОЛОВСОЮЗ приглашает заинтересованные организации и предприятия, а также зарубежных партнеров к сотрудничеству в следующих областях:

- выполнение производственных заказов торговли и оказание профильных услуг;

- создание совместных предприятий;

- организация и проведение коммерческих охотничьих и рыболовных туров.

В Москве, в Центральном доме охраны природы, охотника и рыболова могут быть предоставлены конференц-залы для проведения совещаний, семинаров, симпозиумов и других мероприятий.

За справками и с предложениями обращаться в региональные и местные отделения общества или в Центральное правление **РОСОХОТРЫБОЛОВСОЮЗА**.

Адрес: 125212, Москва, Головинское шоссе, д. 1-а.

Телефоны для контактов:
459-09-15, 459-09-83, 459-09-29.

МАКОФАРМ

Предлагает препараты не гормональной природы С-80, С-90 и ФЛПГ для стимуляции половой охоты у самок песцов, лисиц, норок и кроликов с отсутствующими или слабо выраженными признаками охоты в период гона. ФЛПГ также продлевает фолликулярную фазу у норок, успех покрытия и щенения составляет 90—95 %.

Использование С-80 и С-90 во время беременности уменьшает резорбцию зародышей и, соответственно, увеличивает выход щенков на 15—20 % у лис и песцов.

Наш адрес: 121019, Москва, Суворовский бул., д. 13, ком. 21
Брагинцева Лидия Михайловна

Тел. [095] 2900480, 9349161
Факс: 7-095-2926511
Вох № 009210

А/О «ЯКАРИ» предлагает:
лодочные моторы (США), катера, лодки, мотосани (Канада). Яхты, катера, лодки, лодочные моторы для отдыха предлагают вам фирмы «МЕРКУРИЙ» и «МАРИНЕР» (США). Качество и дизайн высшего класса. Оптовые и розничные поставщики. Форма оплаты любая.

Наш адрес: ЕЕ001 Эстония, Таллинн, Нигулисте 10—20, т. [0142] 446581, в Санкт-Петербурге т. 812-2422175

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА "ТРОПА"

СЕРИЯ "ЗВЕРИ И ЛЮДИ"

Д. ХАНТЕР "ОХОТНИК"
Б. КРАМП "ЗАЛИВ"
Ф. МОУЭТ "НЕ КРИЧИ: "ВОЛКИ!"
А. АРЛЕТТИ "ТРАМПЕАДОР"
Э. ГЛЕНВИЛЛ "НГОНЬЯМА ЖЕЛТОГРИВЫЙ"
В. ЯНКОВСКИЙ "ТИГР, ОЛЕНЬ И ЖЕНЬШЕНЬ"

Издательство предлагает к реализации оптовые партии книг за наличный и безналичный расчет оптовая цена экземпляра 25-30 р. Для покупателей г. Москвы минимальное количество 50 экземпляров, для иногородних — 500 экземпляров. Самовывоз со склада в Москве.

Телефоны отдела реализации: 250-89-75, 207-14-41

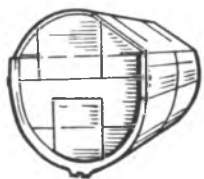
КНИГИ О ПРИРОДЕ

125047, г. Москва, 1-Тверская-Ямская, 25-1-7

ВЫДЕЛКА ШКУРОК НА САМОМ ВЫСОКОМ КАЧЕСТВЕННОМ УРОВНЕ?

Да, это возможно
при сотрудничестве с фирмой «Франчетич»

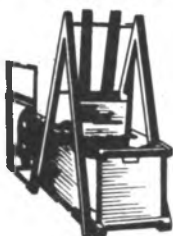
Да, это возможно и выгодно

Баркас для дубления

Мездрение шкурок

Мялка для жирования

Стиральная машина
для обезжиривания

Швейный цех

Используя наш богатый опыт, вам представляется отличный шанс утвердиться на внутреннем и, почему бы и нет, на мировом рынке.

Опыт, накопленный нами в этой области, увенчался выдающимися успехами. Мы готовы передать его вам со всей щедростью, на которую способны люди, соприкасающиеся с искусством выделки шкурок.

Этот опыт основан на знании полного цикла обработки от сырья до готового изделия, на использовании самых передовых технологий, которые позволяют прекрасно выделывать любые шкурки, будь то норка, лисица, песец, соболь, хорь, кролик и другие.

Мы можем предложить полезные рекомендации по выбору материалов для достижения отличных результатов и поставить соответствующее оборудование на условиях самого тесного сотрудничества по его использованию, а также оказать техническую помощь в области моделирования и пошива готовых изделий.

Свидетельством серьезности и надежности нашей фирмы служат фабрики Москвы, Калининграда и Владивостока, которые, сотрудничая с нами, достигли прекрасных результатов. Мы не только гордимся ими, но и стремимся их приумножить.

Оцените сами все «за» и «против», а затем совместно наметим перспективы вашего не только профессионального, но и экономического развития.

Учтите, что, применяя наши технологии самого высокого мирового уровня, вы можете увеличить ваши доходы по сравнению с тем, что вам даст продажа невыделанных шкурок.

Экономический успех вашего предприятия — в сотрудничестве, которое мы вам предлагаем.

Обращайтесь к нашему агенту в Москве по телефонам 241-33-22, 241-83-04

Наш опыт — ваше будущее!

FRANCETICH-ITALIA

СТУДИО АТЕНА

ПРЕДЛАГАЕМ:

- оборудование для выделки шкурок
- швейные машины
- химикаты
- ноу-хау
- обучение
- фурнитуру

моделирование

техническую помощь

сотрудничество

Обращайтесь к представителю фирмы «Франчетич» в Москве по телефонам 241-33-22, 241-83-04

БУДУЩИМ ОХОТОВОДАМ!

В Кировском сельскохозяйственном институте (610000, Киров, Октябрьский пр. 133) осуществляется подготовка охотоведов, в том числе, заочная.

Охотовед — профессия, значение которой в период мощного антропогенного воздействия на природу возрастает. Для каждого энергичного, профессионально грамотного, широко образованного и предприимчивого охотоведа она обеспечивает материальные условия для достойной жизни и позволяет внести вклад в сохранение и обогащение охотничьей фауны. Выпускники факультета охотоведения КСХИ знают это на собственном опыте. Мы обращаемся к тем, кто желает испытать себя, чувствует неодолимое влечение к природе и охоте, — поступайте на факультет охотоведения КСХИ!

Прием документов на заочное отделение с 1 ноября по 15 января; на очное с 20 июня. Экзамены: биология, химия, диктант; начало с 16 июля.

Охотоведы-выпускники КСХИ: С. Тышкевич — выпускник 1978 г., В. Кузенков — 1984 г., В. Мак — 1989 г.

АП «Производственный комбинат Московского общества охотников и рыболовов (ТМ «Русский нож») производит и реализует оптом и через фирменный магазин товары охотничьего и рыболовного назначения — более 100 наименований (ножи, чехлы ружейные, патронташи, ошейники и поводки для собак и многие другие товары).

103006, г. Москва, ул. Медведя, 11/6
Тел. 299 69 93
Факс 299 14 90
Магазин тел. 299 54 16

ВНИМАНИЕ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПРОМЫСЛОВО-ОХОТНИЧЬИХ ХОЗЯЙСТВ И ОБЩЕСТВ ОХОТНИКОВ-ЛЮБИТЕЛЕЙ, А ТАКЖЕ САМИХ ОХОТНИКОВ!

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ «СИБЭКО» ПОСТАВЛЯЕТ ОПТОМ И В РОЗНИЦУ ОПТИЧЕСКИЕ ПРИЦЕЛЫ АРМЕЙСКОГО ОБРАЗЦА ТО-4. Поставляемые прицелы надежны и неприхотливы в эксплуатации, имеют 4-кратное увеличение, небольшие размеры (длина 168 мм, посадочный диаметр 26 мм, наибольший диаметр корпуса 29 мм) и малый вес (280 г).

Прицелы поставляются по заявкам организаций и частных лиц с предварительной оплатой. Заявки составляются в произвольной форме с указанием количества заказываемых прицелов, точного почтового адреса для их пересылки и направляются по адресу: 672090, г. Чита-центр, а/я 369, НТП «СИБЭКО».

По страницам заявки в адрес заказчика высылается счет для предоплаты заказа. Предоплата производится перечислением на расчетный счет предприятия № 468626 в Железнодорожном отделении Промстройбанка г. Читы, МФО 282390.

Сразу же после поступления денег оплаченные прицелы отправляются в указанный в заявке адрес почтовыми посылками. При этом стоимость пересылки выставляется наложенным платежом.

Телефоны для справок:
(302-22) 6-06-41, 6-38-71.

ЧЕРНЫШЕВ В. Похвальное слово охоте	1
ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЕЛ	
Величкин И. В. Подмосковье	4
ЖИТКОВ Б. Автобиография	6
ШИРИНСКИЙ-ШИХМАТОВ А. Облачная охота	12
КУРНИКОВ С. Весна в Путорахах	18

СОБАКОВОДСТВО

МУРОМЦЕВА М. Такса на выставке	20
ТАРАСОВ В. Собака и капкан	22

ОРУЖИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ

ПОЧУКАЕВ В. Новые малокалиберные патроны	24
ЛЕВЧЕНКО П. Наука выживать	26

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

ПЕТРОВ Б. Все сначала	28
ЯКОВЛЕВ М. За куницей	32
БИЛЬКЕВИЧ С. Леопард и охота на него в Закаспийском крае	34
ЧЕРНЫШЕВ В. Записки счастливого человека	37

ЗА РУБЕЖОМ

ДЕНИСОВ С. Охота для иностранцев: проблемы, проблемы	38
Письма читателей	40
На привале	42
Реклама	11, 23, 25, 26, 44

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ

В связи с многократным увеличением стоимости экспедирования, магистральных перевозок и бумаги мы вынуждены сдвинуть 5 и 6 номера журнала.

Редакция

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибет, В. В. Дежкин, А. М. Лаврова, Я. С. Русанов, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, С. М. Успенский, В. Б. Чернышев, Ю. П. Язан.

Художник В. Ю. Есаулов
Художественный редактор М. Л. Кнерцер
Корректор Т. А. Кирьянова

Сдано в набор 11.02.93. Подписано к печати 8.04.93. Формат 84×108^{1/16}. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,04. Усл. кр.-отт. 8,82. Уч.-изд. л. 8,31. Тираж 319 460 экз. Заказ 61. Цена 15 руб.

Адрес редакции: 107807, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская, 18.
Тел.: 207-24-05, 207-20-91

Адрес издательства: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 40 а.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Министерства печати и информации Российской Федерации
142300, г. Чехов Московской области

ВСЕРОССИЙСКИЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ЗАОЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ проводит круглогодичный набор студентов **НА ЗООИНЖЕНЕРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ** по специальности **БИОЛОГ-ОХОТОВЕД**.

Вступительные экзамены проводятся трижды в год: с 20 февраля, с 20 июня и с 20 октября по следующим дисциплинам: биология (письменно), русский язык (диктант), химия (устно).

Лица, имеющие среднее специальное образование, соответствующее или близкородственное избранной специальности, и работающие по данной специальности не менее одного года, сдают два экзамена: по русскому языку (диктант) и по биологии (собеседование).

К заявлению на имя ректора о допуске к экзаменам прилагают:

1. Документ о среднем образовании (в подлиннике).
2. Медицинскую справку (форма № 086-У).
3. Шесть фотокарточек 3×4.

Лично предъявляется паспорт. Для решения вопроса о зачислении абитуриент представляет выписку из трудовой книжки.

Более подробно об условиях приема в институт можно узнать в приемной комиссии.

Адрес института: 143900 Московская область, г. Балашиха-8, ВСХИЗО. Приемная комиссия.
Тел. приемной комиссии: 521-55-46.

Хасавюртовский приборостроительный завод реализует по предварительной оплате, прокладку картонную на пыжи (под металлическую гильзу), толщина 1,0 мм на калибры 12, 16, 20. Цена (за 1500 шт.) комплекта 25 руб. без НДС.

Обращайтесь по адресу: 368001, Дагестан, г. Хасавюрт, Бамматуровское шоссе, 1 Приборостроительный завод, тел. 28-92

РУКОВОДИТЕЛЯМ ПРЕДПРИЯТИЙ И ЧАСТНЫМ ЛИЦАМ!

МП «Талгар» реализует гусеницы для снегохода «Буран».

Адрес: 483310, республика Казахстан, Алма-Атинская область, г. Талгар, ул. Чайковского, № 1.
Тел. 3-16-77.

ЧАСТНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ

● Спос. выбора щенка с хор. чутьем. н/п 150 р. 393808 Тамбовская обл., Ст-Юрьевский р-он, Подгорное. Чикаеву Б. Г.

● Вышлю рецепты пахучих приманок. н/п 200 р. Заявка + конв. 164523, Северодвинск, а/я 33.

ГЛУХАРИ

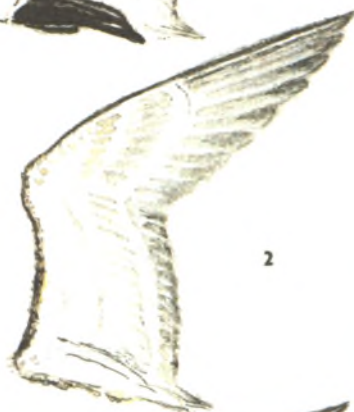
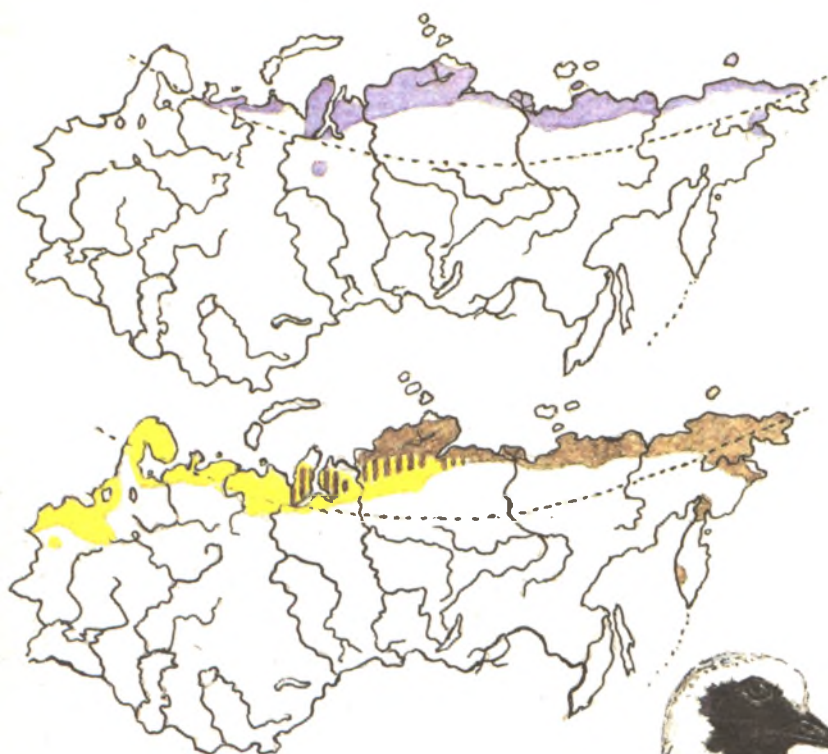

Фото А. Богданова, Е. Горшкова,
И. Константинова

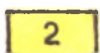

КУЛИКИ

Испод крыла

— тулес

— золотистая ржанка

— бурокрылая ржанка